

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1.	ПОДНЕБЕСНАЯ ТВЕРДЬ	3
Глава 2.	ДЛИННЫЕ РУКИ	27
Глава 3.	ЭВОЛЮЦИЯ ВИДА	34
Глава 4.	ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ	51
Глава 5.	СЕРЕДИНА АЗИИ	75
Глава 6.	СТЕНА	97
Глава 7.	АМЕРИКА-РАЗЛУЧНИЦА	120
Глава 8.	КАИН	134
Глава 9.	АВЕЛЬ	158
Глава 10.	ЛИСТЬЯ ЖЕЛТЫЕ	175
Глава 11.	МОРСКАЯ ПРОГУЛКА	182
Глава 12.	ТВЕРДОЕ НЕБО	201

Посвящается моему старшему сыну Алексею

ЗОНА ОЖИДАНИЯ

*А мы всё поём
о себе. О чём же нам петь ещё?*

Б. Гребенщиков

Глава 1. ПОДНЕБЕСНАЯ ТВЕРДЬ

Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц.

Святое благовествование от Матфея, Глава 10, 31

**19 февраля 1997 года
Сиэтл, штат Вашингтон**

Прекрасно знаю, что начинать книгу с момента пробуждения – дурной тон, но как быть, если почти все телефонные звонки, круто менявшие мою жизнь, раздавались именно по ночам. Не считая, разумеется, хаотичного трезвона Сеньки Родюшкина из Москвы в период моего жития на Дальнем Востоке России – он просто никак не желал признавать, что на Земле бывает другое время кроме московского.

– А разве у вас там уже темно? – всякий раз возмущённо недоумевал он в ответ на моё сонное бурчание, что не хочется включать свет лишь для ответа на его праздный вопрос который час в Хабаровске.

Но сейчас это не мог быть Родюшкин. На экранчике заверещавшего в пять утра телефона светился контактный номер ФБР. Я сонно взгляделся в озарившийся неуместной радостью дисплей и сразу очнулся.

– Майкл! Тебе необходимо срочно уезжать! – торжественно зазвенел в трубке голос специального агента Патрика Смайли. – Сегодня ночью Федотов и Абубакаров сбежали из тюрьмы!

– Куда? – произвольно зевнув, спросил я.

– Нам пока неизвестно куда, – перешёл на извиняющийся тон Патрик. – Мы лишь знаем, что кто-то распилил решётку на окне их камеры ацетиленовым резакон. Ты оказался прав насчёт сообщников...

– Да бог с ними, сообщниками! – с досадой перебил его я. – Куда мне-то уезжать? И зачем?

– Как зачем? – даже растерялся Патрик. – Они ведь на свободе, и ты теперь в опасности! Собирайся немедленно. Мы уже выслали за тобой машину.

У меня вырвался грустный вздох. Всё-таки даже самые лучшие из американцев – беспросветно наивные люди. – Патрик, – сказал я устало. – Я не хочу уезжать, я хочу спать. Люди бегут из тюрьмы, спасая себя, а не для того, чтобы тут же кого-то убить. Ищите их на канадской или мексиканской границе. Бай.

Не успел я отключить телефон, как он снова затрясся у меня в руках. – Майкл! – умоляюще зашелестел Патрик. – Мы не имеем права оставлять тебя без охраны! Ты – наш главный свидетель. Без тебя никто не сможет доказать, что они – это Мафия...

Я невольно рассмеялся: – Патрик, если они меня грохнут, то вам даже не потребуется свидетель, чтобы что-то доказывать. Это наоборот должно быть в ваших интересах!

– Нет, Майкл, – неожиданно твёрдым тоном возразил он. – Их адвокаты повернут дело так, будто это личные мотивы. А Организация останется ни при чём. И потом, мы очень не хотим, чтобы с тобой что-нибудь случилось!

Последняя фраза прозвучала как-то слишком уж патетично. Может, они и взаправду испытывают ко мне симпатию? Да ну, с чего бы. Какое им дело до русского бизнесмена, за которым гоняются русские же бандиты? Ведь мы мешаем им спокойно жить в их удобно обустроенной Америке. Словно досаждающие комары, просочившиеся сквозь створки кондиционера. Просто я неожиданно вписался в правила игры, оправдывающей их нехилые зарплаты.

Отбросив телефон, я безвольно распластался в тёплой постели, сразу сделавшейся такой уютной, потом вздохнул и с раздражением скинул одеяло. За окном уже слышалось тихое урчание подъехавшей машины.

Когда я наконец вышел на крыльцо, там нетерпеливо пританцовывал невысокий офицерик с хитрой польской фамилией, успевший заслужить мою неприязнь из-за своей показушной расторопности вкупе с заносчивостью несостоявшегося шляхтича. Польский он уже не знал, но русских не любил демонстративно, что выдавало в нём не вполне полноценного американца.

Какая же это необъяснимая штукавина – национальные комплексы. Вот, например, с какой стати лично я должен испытывать неловкость перед всеми поляками за Катынь, или перед чехами за «Пражскую весну»? Однако ж отчего-то испытываю, чёрт их совсем дери!

Под его тесным пиджачком явственно проступал объёмистый бугор кобуры. Маленькие человеки обожают большие пистолеты. – А где твои вещи? – с подозрением поинтересовался он.

– Какие вещи? – не сразу дошло до меня. – А... видишь ли, у меня больше нет никаких вещей, – пояснил я, почему-то ощущая нелогичное удовольствие от осознания того, что на всей Земле не осталось практически ничего, называемого «моим». Впрочем, может быть, именно в этом и заключается настоящая свобода...

Мы неслись по почти пустому гулкому мосту 99-го хайвэя. Над отчётливо прорисованной линией излома нереально фиолетовых Кордильер солнце ещё не думало подниматься, однако неохотно набравшее силу свечение февральского золотистого неба поневоле отвлекло меня от безрадостных мыслей.

«Нужно всё-таки почаще вставать до рассвета», – в который раз подумал было я, но тут же с досадой оборвал эту совершенно несвоевременную сейчас мысль. Да на кой хрен мне вставать до рассвета?! Зачем мне теперь вообще нужно просыпаться? ...

«Форд» поспешно нырнул в подземный гараж чёрной громады федерального здания, а меня всё больше одолевало ощущения полной несуразности происходящего. Ну почему я опять вынужден делать то, чего не хочу? Куда-то торопиться, от кого-то скрываться, не совершив ничего предосудительного?

Ведь я всегда стремился лишь к свободе, при этом постоянно оказываясь заложником неких условностей, от которых она зависела. Вот и теперь даже спасти собственную жизнь я должен в угоду ФБР.

В холле Федерального Бюро уже было не по-утреннему людно, и очереди перед рамками металлоискателей создавали какую-то аэровокзальную атмосферу. Сердце непроизвольно забилось, будто в предвкушении дальнего путешествия. Эх, и действительно – улететь бы сейчас от всех этих рухнувших на мою голову неурядиц! Да ведь только никуда от них теперь не улетишь...

По коридорам ретиво носились бодрого вида розовощёкие молодцы с кофейными стаканчиками в мускулистых руках. Неужто весь этот кипез поднялся из-за каких-то двух простых русских парней, которые, сбежав из тюрьмы, в общем-то, тоже хотят только свободы? Непонятно почему, но меня вдруг окатило волной гордости за свою национальную принадлежность.

В кабинете Патрика тоже оказалось полно народу. Несколько человек поспешно встали мне навстречу, другие вообще не обратили на моё появление никакого внимания, копошась в своих бумагах.

– Хай, Майкл! – сразу приступил к делу идеально выбритый Патрик. – Познакомься, это Сьюзен. Она сейчас ознакомит тебя с основными положениями Программы защиты свидетелей. Потом ты всё изучишь в деталях, но подписать документы надо прямо сейчас...

– Я не хочу ничего подписывать, – равнодушно заявил я, встав среди комнаты и засовывая руки в карманы для вящей убедительности.

– Ни сейчас, ни потом. Ни до изучения, ни после. Мне не нужна никакая ваша программа!

В кабинете стих гул голосов. Все с любопытством уставились на меня, словно я вдруг сморозил полную нелепость.

– Она не наша, а государственная, Майкл, – терпеливо принялся разъяснять Патрик, будто только в этом и заключалось моё недопонимание. – Благодаря ей были спасены сотни людей. Государство берёт тебя на полное обеспечение до конца жизни. Ты сменишь фамилию, переедешь в какое-нибудь отдалённое место и будешь спокойно жить на всём готовом. Захочешь работать – пожалуйста. Тебе даже дадут деньги на дополнительное образование, если оно потребуется. Главное условие – ты не должен контактировать ни с кем из твоей прошлой жизни. За исключением ближайших родственников, но только по нашим каналам...

– Понятно, – криво усмехнулся я. – Получается, что Михаил Баженов с сегодняшнего дня закончит своё существование на этой Земле. Превратится в какого-нибудь Джона Смита без роду-племени и припадёт к вашей государственной похлёбке. Но мне этого не нужно! Я не сделал ничего такого, чтобы прятаться даже от друзей. Я хочу остаться самим собой, и умереть хочу под своим именем. Мне оно нравится.

В кабинете стало совсем тихо, словно консилиум выдавших виды психиатров неожиданно выявил редкий случай иррационального дебилизма.

Патрик подошёл ко мне и доверительно положил руку на плечо. – Майкл. У нас нет другого способа защитить тебя. Мы не можем приставить к тебе охрану на всю жизнь, да к тому же это вряд ли поможет. Рано или поздно они опять придут. Ты же знаешь эту публику – они никого и никогда не оставляют в покое. Это дело их чести. Пойми, ведь речь идёт о твоей жизни!

Я посмотрел в его неопределённого цвета глаза. Ну как ему объяснить, что после всего происшедшего, моя собственная жизнь утратила для меня какую-либо ценность. Что у меня нет больше заинтересованности в своём физическом существовании. Что мне абсолютно всё равно, что теперь со мной будет. Что сам для себя я уже умер.

– Патрик, – начал я, стараясь быть максимально доходчивым. – Давай оставим эту тему. Раз и навсегда. В конце концов я имею право сам решать, как мне жить дальше. Вам нужен свидетель? У вас есть свидетель. От этого я не отказываюсь. Ну вот и охраняйте меня. До процесса. А ещё лучше – дайте разрешение на ношение пистолета. Я неплохо обучен им пользоваться.

Патрик обессиленно опустил на стул. – А потом? – спросил наконец он тихо. – Ты вправе сам решать, как жить дальше, но ведь ты даже не сможешь остаться в Америке. Мы не даём убежища по криминальным мотивам. Только по политическим или религиозным. Значит, даже работать здесь легально ты не имеешь права. Не говоря уж о

ношении оружия, – добавил он, как всегда обстоятельно исчерпав все возможные аргументы.

Ну почему они так убеждены в том, что весь мир только и мечтает переселиться в их Америку? Я улыбнулся: – Знаешь, Патрик, на Земле столько стран, где я ещё не бывал... Вот, например, Тайвань – вообще моя сокровенная мечта. Буду преподавать там английский язык китайским девушкам, чтобы они потом смогли эмигрировать в США.

Патрик ещё раз внимательно посмотрел на меня и поднялся со стула. – О'кей, – сказал он хмуро. – Заставить тебя мы, конечно, не можем... Подожди здесь, у нас короткий брифинг у босса. Потом надо будет кое-что обсудить.

Оставшись один, я сел на стул и подпёр голову руками. Голова отказывалась понимать своё местонахождение, словно в детстве, когда штормовая черноморская волна отрывала пятки от исчезающего дна, и с пугающей лёгкостью скрутив сопротивляющееся ей тело, швыряла навстречу неизвестности... Неизвестности моей, но запрограммированности и полной предсказуемости её, и потому всякий раз, несмотря на отчаянное барахтанье, я оказывался лежащим в нелепой позе на тёплой гальке с вытаращенными от перепуга и восторга глазами.

Может быть просто шторм набрал силу, а я по легкомыслию так и остался болтаться в его прибое? Или случайно попал не в своё знакомое, добродушное море, и теперь всё должно закончиться совсем по-другому сценарию?

В который уже раз меня пронзило ощущение абсурдности ситуации. Как могло получиться, что послушный, скучноватый мальчик-отличник из маленького городка средней полосы, сделавшийся потом советским офицером, а затем побывавший «новым русским», сидит теперь вдруг в небоскрёбном кабинете, за стенкой которого какие-то американцы всерьёз обсуждают, как им спасти его жизнь от его же кровожадных соплеменников?

Я помотал головой, встал и подошёл к окну. Было уже почти светло. На гладко-розовой поверхности залива Эллиот неторопливо затягивались синие шрамы бурунов, оставляемые деловито снующими парами. Вода быстро впитывала золотистые блёстки неба, однако теплее от этого не казалась. Северное море. Холодное. Чужое. Без запахов и чувств.

Мне вдруг захотелось взглянуть на себя со стороны. Что-то давненько я не видел своего лица. В душе, под которым я брился пока ещё почти каждое утро, зеркала не было.

Одна из похвальных досок, в изобилии украшавших стены кабинета Патрика, оказалась зеркальной. Сквозь буквы, отражённые задом наперёд и оттого кажущиеся русскими, на меня взглянула всё та же беспечная физиономия 37-летнего самца – весьма приличного, казалось бы, даже вполне интеллигентного вида, наверное благодаря очкам, а скорее всего после недавнего отсечения ставшей совсем уж теперь неуместной косички.

«Ну?» – спросил я, пристально вглядываясь в собственные, не выражающие никаких эмоций серые глаза, как по обыкновению делал, пытаюсь определить, до какой степени на сей раз напился. – «Тебе опять, как всегда, всё по фигу. Прав был дед. Тебе вообще всё по фигу. Как будто ничего особенного не произошло. Как будто ты не потерял всё, что уважающий себя человек может потерять...»

Как такое вообще могло произойти? Когда я впервые утратил ощущение собственного соответствия реальности? Может быть, после другого утреннего телефонного звонка десять лет назад, когда я, дежурный по укрепрайону в погонах старшего лейтенанта, забыв обо всём, любовался разгорающимся заревом рассвета над заливом Петра Великого...

***Май 1987 года
Укрепрайон Краскино, Приморский край***

...Это был единственный спокойный час за всё дежурство, но вздремнуть совершенно не хотелось. Из-за праздничности восходящего над Тихим океаном солнца, хотелось возвышенно думать, будто я – единственный человек в стране, а может и на всей Земле, кто видит сейчас это великолепие.

По заросшей папоротниками тропинке я нехотя возвращался в пропитанный ночной духотой штаб. Вокруг начинали шуметь наполнявшиеся утренним бризом кроны по-бансайски эстетично искривлённых сосен. Мой сын никак не мог привыкнуть к деревьям после пустынной Монголии, в которой он провёл первые три года своей жизни. Они казались ему какими-то дивными чудищами, неустанно машущими мохнатыми руками зелёного цвета.

Часовой у двери противоестественно бодро отдал мне честь, однако связисты, сидевшие на входе в дежурку, как обычно дремали. Я не стал их расталкивать – сегодня была хорошая смена, опытные ребята. Если в эфире произойдёт что-то необычное они проснутся мгновенно.

Внезапно на дежурной панели засверкала самая большая лампочка и от удивления я даже присвистнул. Это была прямая связь со штабом округа и на моей памяти такого за два года ни разу не происходило. С некоторым недоверием я снял трубку ЗАСа¹, из которой тут же полились характерные булькающие звуки: – Говорит генерал Суркаев, здравствуйте! Буль-буль-буль!

– Здравствуйте! – вежливо ответил я.

---

¹ ЗАС – засекречивающая аппаратура связи, работающая по принципу разбивания на множественные сегменты исходящего сигнала, беспорядочной трансляции в эфир полученных отрезков и собирания их в единое целое принимающим устройством.

– Буль-буль-буль!!! – захлебнулся от возмущения телефон. – Это я, генерал Суркаев, говорю – здравствуйте! А вы обязаны ответить – здравия желаю!!!

– Здравия желаю, – любезно повторил я, борясь с настойчивым искушением безнаказанно послать куда подальше далёкого штабного генерала, по случайке нажавшего кнопку где-то на пульте в стольном граде Хабаровске, и скорее всего даже не подозревающего о существовании на свете дежурного по забытой всеми богами подземной крепости, возведённой в недрах маньчжурских сопок бессмертным Карбышевым. Однако я крупно ошибался.

– Буль-буль! – удовлетворённо разнеслось из трубки. – Приказ Командующего округом: старшему лейтенанту Баженову лично прибыть на заседание Военного Совета сегодня в 10:00 местного времени! Как поняли, доложите!

– Не понял... – ошарашенно ответил я. – Старший лейтенант Баженов – это я. Но в десять утра я только сдаю дежурство, а поезд из Краскино уходит раз в сутки вечером, поэтому прибыть в Хабаровск смогу лишь завтра в...

– Меня не интересует расписание поездов! – залаяло из трубки. Доложите приказ командиру укрепрайона немедленно! Через два часа вас в Славянке заберёт вертолёт! Жду доклада через 10 минут!

Положив трубку, я почувствовал себя конченным кретином. Что за чушь? Вроде бы не пил уже три дня... Какой ещё Военный Совет?!!! Ну нет, это полная ерунда. Разбудить этим нонсенсом в такое время командира?! Я уже слишком хорошо усвоил его лексикон, чтобы с уверенностью предсказать, что мне предстоит услышать, поэтому звонить даже не рискнул. В конце концов, существует мудрое военное правило: не спеши выполнять приказ, пока его не отменили...

В этом я ошибся ещё раз. Ровно через 10 минут засверкала всё та же надоедливая лампочка: – Генерал Суркаев, буль-буль! Вы доложили приказ Командующего?!

– Никак нет, – ответил я. – Доложить не могу, ибо командир спит.

– Буль-буль-буль! – негодуяще взорвался телефон. – Разбудить и доложить немедленно!

Вздыхнув, я неохотно надавил на кнопку «Ком УР». Как и следовало ожидать ответом мне была длительная тишина.

– Ну?! – наконец раздался густой бас подполковника. Даже единственный слог он умудрился насытить явственным кавказским акцентом.

– Докладывает оперативный дежурный по УР старший лейтенант Баженов, – строгим уставным тоном сообщил я. – Передаю приказ Командующего округом – старшему лейтенанту Баженову лично прибыть на заседание Военсовета сегодня к 10:00.

Командир какое-то время молчал. – Лейтенант Баженов! – наконец подобрал он нужные слова. – Вы что там лично совсем уже охренели на

дежурстве?! Вот я сейчас лично слезу с бабы, лично прибуду и лично вас трахну! ...

В трубке слышался игривый женский смех и повизгивания, явно свидетельствующие о том, что баба была не в единственном числе. Я скромно промолчал, ибо несколько не сомневался, что потенции у командира вполне хватит и на меня.

Темпераментно пробурчав нечто невнятное, командир отключился.

Через две минуты на проводе снова был неугомонный генерал: – Буль-буль, вы доложили приказ Командующего? Что ответил командир?

– Командир ответил: буль-буль, – хмуро произнёс я. – Остальное я не осмеливаюсь повторить, товарищ генерал.

– Немедленно соединить меня с командиром!!! – взревел Суркаев, и мудрые бойцы предусмотрительно потянулись прочь из дежурки.

Минут через пятнадцать я уже сдавал наряд ещё сонному и плохо соображающему начальнику связи. Командир УРа в фуражке набекрень носился по дежурке и матерился так, что даже мне становилось не по себе. В его кавказских устах поток грязных русских ругательств, казалось не имел исконного смысла и оттого приобретал оттенок таинственного восточного заклинания.

– Што ти здэсь стаишь, Бажэнов? – наконец остановился он напротив меня. – Бэз тэбя всё сдадим и примэм. Тэбя мой УАЗик у крыльца ждёт! Да, чут нэ забыл: заедь домой и возьми гражданский форму одежды. Командировка может быть длытельный.

– А что за командировка? – с любопытством поинтересовался я в попытке хоть немного развеять мистический туман происходящего.

Вместо ответа вскипело новое извержение неизвестно кому адресованной русско-кавказской брани.

По тряской дороге из Краскино до Славянки я с чистой совестью задрых, зато в кабине грохочущего Ми-8, в котором я оказался единственным пассажиром, моя голова попыталась упорядочить разрозненные мысли по поводу стремительно закрутившейся фантазмагии.

Вызов какого-то там старшего лейтенанта из такой задницы на Военный Совет, да ещё в столь пожарном порядке, был делом совершенно неслыханным. Ясно лишь, что случилось нечто неординарное, но что? По всем логическим раскладкам, ничего плохого это означать не должно. Если бы меня вдруг решили за что-то посадить в тюрьму, сослать на Крайний Север или разжаловать до прапорщика, для этого совершенно ни к чему тащить на вертолёте пред светлые очи генерала Язова, тем более с комплектом гражданки в чемодане.

Да и столь уж масштабных грехов за своей душой я не чувствовал. Так значит что-то хорошее? Но в это поверить было ещё труднее. После трёхлетней монгольской ссылки и последующего распределения в совершенную глухомань, на самый стык советской, китайской и корейской

границ, я уже не осмеливался надеяться на доброжелательные изгибы кадровой политики.

Значит, скорее всего, просто какое-то недоразумение. «Ну что-ж, хотя бы посмотрю на центр Дальневосточной цивилизации, на нормальных людей, в пивбар схожу в конце концов...» – успокоенно решил я, и снова сладко заснул.

В приёмной зала Военного Совета мы сидели уже почти три часа. Вернее сказать, сидели, изнывая от бездарного бездействия, лишь я и сребровласый майор медицинской службы с неподобающе весёлыми глазами. Остальные человек тридцать явно не штабных офицеров лихорадочно блуждали по комнате, то и дело суетливо выстраиваясь в очередь перед огромным мутноватым зеркалом, чтобы вновь оправить выдавшие виды, усердно выглаженные мундиры и стряхнуть с плеч неизбежную перхоть. Другие маниакально натирали бархотками и без того самоварно сияющие сапоги.

Кроме меня все были в званиях майоров и подполковников, однако время от времени они с заискивающим видом обращались с инфантильными вопросами к франтоватому молодому адъютанту, вальяжно восседавшему за столом у чудовищных размеров дубовой двери с лаконичной, но выразительной аббревиатурой «КДВО»²:

– Товарищ старший лейтенант, у меня тут на портупее тренчик³ перетёрся, как думаете, не заметит Командующий?

Тот, окидывая презрительным взором нервически подёргивающегося подполковника с обветренным до свекольного цвета лицом, значительно цедил: – Командующий на всё обращает внимание! Кстати, ваш «бычий глаз»⁴ миллиметра на три ниже уставного положения расположен.

Подполковник словно пронзённый отравленными стрелами хватался одновременно за грудь и за пояс: – Ах ты боже-ж ты мой! Что же делать?! Ну, знак-то я перевешу сейчас быстренько, а тренчик... Ах ты-ж боже мой... У вас линейки не найдётся?

– Что они так трясутся-то? – поинтересовался я у медицинского майора, с некоторым стыдом ощущая, что всеобщая стадная запуганность каким-то образом начинает передаваться и мне.

– Ну как не трястись? – рассудительно заметил тот. – У них это единственный шанс в жизни за границей послужить, сервант набить

---

² КДВО – Командующий дальневосточным округом

³ Кожаное колечко на портупее, служащее для удержания выступающей за пряжку часть ремня

⁴ Знак об окончании среднего военного училища. Выдавался до начала 70-х годов. Буквы ВУ на нём расшифровывались с военным юмором как «Вроде Учился», «Вечный Узник», «Взводным Умрёшь» и т.п.

немецким фарфором или чешским стеклом, да денъжат к пенсии подсобратъ...

«За границей...» – снова принялся недоумѣнно соображать я. «Ну а я-то здесь при чём?!» Весѣлый майор уже успел просветить меня, что в приёмной собрали тех, кому подфартило быть направленным в группы советских войск за рубежом, а для этого требовалось утверждение кандидатур Военным Советом.

Но за какую границу могли так спешно отправить меня, я совершенно не представлял. Снова в Монголию разве что? Но для Монголии не требовалось никаких военсоветов – она великодержавно считалась частью Забайкальского округа. Меня опять заполонило обидное ощущение, что я торчу здесь по чьей-то ошибке. Уж поскорее что ли отделаться от этого затянувшегося бреда, да в пивбар! ...

В этот момент на селекторе у адъютанта что-то тихо зашипело, и он вскочил, обнаруживая отменную выправку. – Товарищи офицеры! – зычно рявкнул он. – Всем пройти в зал заседаний Военного Совета!

На отнимающихся от волнения ногах товарищи офицеры проследовали в распахнутые адъютантом двери зала, напоминающего гипертрофированный сельский клуб. Некоторые зачем-то пытались изображать строевой шаг. Последними, комично уступая друг другу дорогу, вошли мы с майором.

Минут сорок сидения в первом ряду пустого и гулкого зала оказались наиболее утомительными. Разговаривать вслух никто не решался. Нам с майором тоже было уже нечего рассказать друг другу, и я начал задрѣмывать.

Внезапно перед сценой возникла перетянутая портупеей фигура статного адъютанта: – Товарищи офицеры!!!

Гроыхая сиденьями, все вскочили и замерли как восковые фигуры. В зал из неприметной боковой двери солидно втягивались упитанные дядечки в генеральских лампасах. От их сытых розовых физиономий пива почему-то захотелось особенно остро.

– Товарищ Командующий! – взвился голос адъютанта. – Кандидаты для прохождения службы за рубежом Союза Советских...

Язов лениво махнул рукой, усаживаясь за стол президиума. Вслед за ним степенно расселась сопровождающая его свита.

«Так вот вы какой, Дмитрий Тимофеич!» – с любопытством разглядывал его я. Поначалу Язов мне даже понравился – этакий добродушный дедок, отец-командир. В армии уже ходили слухи, что его прочат в министры обороны...

Началось нудное зачитывание фамилий, должностей и послужных списков присутствующих. Представляемые один за другим вскакивали, и пуча глаза докладывали о своём прибытии. Некоторые от переживаний забывали собственные фамилии, да и вообще человеческие слова, лишь мыча нечто верноподданническое.

Язов сидел молча, с недовольным видом перебирая разложенные перед ним бумаги. Дурацкие вопросы задавали другие генералы, ни

одного из которых я не знал. В конце невразумительных диалогов следовало однообразное предложение: – Утвердить.

Наконец я услышал свою фамилию и встал, инстинктивно попытавшись изобразить белогвардейскую выправку адъютанта. «Интересно, что же я сейчас услышу?» – пульсировала в голове напрягающаяся мысль.

– В Китай едешь, сынок? – внезапно заинтересовавшись, поднял на меня действительно светлые, но мутноватые глаза Язов.

«Какой ещё Китай? Что за несуразица?!» – изумился я, но сердце вдруг застучало в радостном предчувствии чуда. – Так точно, товарищ Командующий! – бодро подтвердил я. «Ну не буду же я с ним спорить!»

Генералы из свиты тоже оживились и зашептались.

– Так значит, китайским языком владеешь? – продолжал расспрашивать Язов.

– Так точно, товарищ Командующий! – скромно подтвердил я.

– А знаешь, сынок, какие там провокации всякие могут быть против советских офицеров, у этих... хуйвейбинов? – посуловел Язов. Было ясно, что сам он этого не знает.

Я не знал тоже, но на всякий случай браво ответил: – Так точно, товарищ Командующий!

– И знаешь, как отвечать на эти провокации? – строго спросил Язов.

– Так точно, товарищ Командующий! – решил не оригинальничать я.

Язов глубокомысленно пожевал губами. – Молодец. Молодец! – наконец изрёк он и повернулся к свите: – Есть предложение утвердить!

– Утвердить! Утвердить! – закивали генералы.

Я сел с колотящимся сердцем. Китай! Китай!!! Мечта моего детства, которая, казалось, уже не сбудется никогда... Которая, словно дразня, всё больше отдалялась от меня по мере моего неуклонного физического приближения к границам Поднебесной.

За три года неизвестно кому нужной службы в монгольской пустыне я едва ли не напрочь забыл этот завораживающий, не поддающийся человеческой логике и оттого ещё более пленительный язык. Потом, в укрепайоне на самой границе мне пришлось чуть ли не с кровавыми слезами восстанавливать утраченные навыки, обложившись словарями и «Жэньминь жибао»⁵ двух-трёх-недельной давности, которые по дружбе почти регулярно передавали мне приятели пограницы.

Часами я просиживал в наушниках у старенького радио, упрямо отсылая командованию регулярные разведсводки, до которых, казалось, никому не было дела.

Зачем я с таким упорством мучал себя – я и сам не знал. Надежд, что когда-либо мне это сможет пригодиться не просматривалось ни в какой

---

⁵ «Жэньминь жибао» («Ежедневная народная газета») – центральный печатный орган Компартии Китая

перспективе. Легче всего было бы бесппроблемно уподобиться десяткам однокашников, расслабленно тянущих ляжку выслуги дальневосточных лет на должностях переводчиков, не помня при этом уже почти ни единого иероглифа. Шансов применить на практике неизвестно зачем вколотенные в нас знания в армии не существовало.

И вот... Неужели?! Но зачем...?

Сквозь сладкий эйфорический туман я услышал фамилию майора медслужбы и не без усилия вернулся в реальность.

– ПатолО... ПатолОго... ПатолОго-анатОм! – по складам прочёл Язов, и сам искренне изумился выговоренному собой слову: – Это что ж ещё такое? ПатолОго-анатОм!?

– Да это слишком сложно, товарищ Командующий. Вам не понять, – с немислимой дерзостью ответил шаловливый майор.

В зале наступила гробовая тишина. Я непроизвольно съёжился, честно говоря будучи в полной уверенности, что Язов вот-вот разразится диким рёвом, и моего нового знакомого бросятся затаптывать сверкающими сапогами все присутствующие.

После затянувшейся паузы Язов вдруг благодушно хмыкнул: – Ну ещё бы не сложно! Я вон даже прочесть не могу: ишь ты, патолОго-анатОм! Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха-ха! – подобострастно подхватила генеральская камарилья, а затем и весь зал. Насмеявшись, Язов снова уткнулся в бумаги: – В Сирию едешь? И чего-ж ты там будешь делать в Сирии, патолОго-анатОм?

– Небось, кишки глотать! – выкрикнул кто-то из язовского эскорта. Командующий неодобрительно покосился на него.

Вновь наступила гнетущая тишина.

– Ха-ха-ха! – по-отцовски рассмеялся наконец Язов.

– Ха-ха-ха-ха! – взорвалась облегчённым хохотом свита. – Ха-ха-ха-ха-ха! – в упоении заливались командировочные.

«В пивбар!» – оформилась наконец единственная продуктивная мысль. «Сразу после этого дурдома, вместе с патологоанатомом – в пивбар!»

Однако этой моей надежде сбыться было не суждено. Уже через час я сидел в промозгом грузовом отделении военно-транспортного самолёта, взявшего курс на Читу, где меня в нетерпении ожидала делегация Генерального штаба, направляемая в Китай для начала демаркации советско-китайской границы.

– ...Сейчас вас на вертолёте доставят на нейтральную полосу, – строго вещал пожилой особист, представленный нам как главный местный специалист по Китаю. – Оттуда вас заберут китайцы и перевезут в центральную гостиницу города Маньчжурия. Разместят в 2-х местных номерах...

Он обвёл нас испытующим взглядом. – Будьте бдительны! В комнатах установлена аппаратура для прослушивания и видеосъёмки. В каждом номере будет стоять холодильник, в нём – холодное пиво...

Я услышал, как кто-то из сидящих сзади громко сглотнул слюну. Я, не удержавшись, оглянулся. Это был сразу понравившийся мне рыжий великан с заливчатски закрученными усами.

Особист, по-орлиному востепенувшись, вперился в него: – К холодильнику даже близко не подходить! А то уже завтра по всем Би-Би-Си будут на весь мир транслировать, как советские военнослужащие пьют пиво!

Каким образом Би-Би-Си поддерживает связь с захолустным китайским городком, и кому какое в мире дело до пьющих пиво офицеров было не вполне понятно, но душа отчего-то наполнилась радостным предвкушением...

Этот последний из череды в разной степени бестолковых инструктажей происходил в пограничном пункте Забайкальск, куда нашу группу перебросили с Читинского военного аэродрома сразу же после моего приземления. Я даже не успел толком ни с кем познакомиться и теперь украдкой оглядывал сидящих вокруг.

Группа из десяти человек оказалась очень разношёрстной.

Единственным, кому меня успели представить, был руководитель делегации полковник Генштаба Бубенков, изо-всех сил пытающийся сохранять авторитетный вид, что не всегда ему удавалось. Было заметно, что его страшит грядущая неизвестность и непомерная ответственность, внезапно взваленная на его чугунно-массивное тело.

Неотрывающейся тенью за ним постоянно телепался его зам – невзрачный человечек с вкрадчивым голосом, протёрший, судя по повадкам, немало брюк на штабных стульях. На обоих красовались широченные, по моде 70-х, галстуки нелепых расцветок.

На этом список руководителей, к счастью, резко обрывался. Вызывающим контрастом выглядели двое ребят очень независимого вида (экзотически рыжий великан и его приятель), что выдавало их принадлежность либо к десантуре, либо к медицине, либо к лётному племени. Поразмыслив, я решил, что десантники и медики тут ни при чём, и зачислил их в летуны, в чём ничуть не ошибся.

Ещё двое были какого-то нераспознаваемого сорта. Разные по возрасту и по комплекции, они в то же время казались неотличимо похожими своей какой-то невоенной военностью. Сразу окрестив их про себя «двое из ларца», я так и не смог определить их профессиональную ориентацию, уже позже выяснив, что они – крупные спецы по аэрофотосъёмке. Ребята были обстоятельные – каждый вёз с собой по два комплекта постельного белья и по набору вилок, которыми оба упрямо пользовались до самого конца командировки.

Отдельно стоящим персонажем являлся второй переводчик Леонид из Москвы – тоже ВИИЯковец, лет на пять моложе меня, но тем не менее сразу попытавшийся было захватить лидерство в общении. Бросалось в

глаза, что его сильно уязвляет моя безродность – одним из первых вопросов, который он мне как бы невзначай задал был: – А ты по какой мазе⁶ здесь оказался?

Узнав, что ни по какой, уже откровенно удивился: – А по какой же мазе ты тогда в ВИИЯ поступал?

«Да, времена меняются» – философски отметил про себя я. – «В мои годы чтобы получить китайский язык никакой мазы не требовалось...»

В полном соответствии со словами особиста, едва развеялось облако пыли от взмывающего вертолёт, высадившего нас на нейтральной полосе, как с китайской стороны подлетело несколько военных УАЗиков, из которых высыпала гурьба нежданно улыбочивых китайцев.

– Как доехали? – на прекрасном русском осведомился сухонький старичок с лицом Конфуция и внезапно бросился тепло обнимать всех нас, начав с одеревеневшего Бубенкова.

«Ну вот, начинаются провокации!» весело решил я, и, кашлянув, выдал заготовленную приветственную тираду по-китайски. Это привело Конфуция в полный восторг: он с ещё большей пылкостью обнял меня и принялся рассаживать всех по УАЗикам. Леонид тоже попытался что-то ввернуть, но в рёве моторов его никто не расслышал. Я сочувственно улыбнулся ему – опыта тебе явно не хватает, брат...

Прильнув к стеклу машины, я в каком-то пьяном восторге смотрел на запруженные велосипедами улочки китайского городка, походящие на огромный рынок – вместо тротуаров тянулись нескончаемые лотки, заваленные всякой всячиной. Окончательно добила меня лежащие прямо на земле горы ананасов и кокосов.

«И это тоже провокация?» с горечью подумал я, вспомнив огромную очередь за помидорами виноградного размера в соседнем Забайкальске (там бытовала шутка: «к нам помидоры завозят зелёные, зато огурцы – жёлтые!»), и покосился на сидящего рядом Бубенкова. Было заметно, что он потрясён не меньше меня.

– М-да... А говорили – голодают китайцы, – пробурчал он своему заму. – Мы-то консервов набрали им на подарки...

Предсказания особиста продолжали дивно сбываться – сопроводив нас в уютное фойе крохотной гостинички, сотоварищи Конфуция (которого на самом деле величали Шэном) раздали нам ключи от номеров и деликатно откланялись: – Отдохните пока, пожалуйста, с дороги. Через два часа – праздничный банкет в честь вашего прибытия.

Я оказался в номере с огромным рыжим усачом. Поставив в углу чемодан соответствующих размеров, он по-хозяйски уселся на одну из идеально заправленных кроватей и обвёл зачарованным взглядом вылизанную комнату, остановившись на тихо журчащем холодильнике.

---

⁶ Маза – блат, знакомство, связи (терминология Военного Института иностранных языков)

– Не обманул особист, – с удовлетворением отметил он. – А как думаешь – насчёт пива тоже не пиздёж?

Я решительно распахнул белую дверцу, на всякий случай широко улыбнувшись тайным соглядатаям из Би-Би-Си. Внутренности волшебного шкафа были добросовестно заполнены рядами заговорщически поблескивающих бутылок.

– Ну что, может давай за знакомство? – предложил гигант, лукаво шевельнув рыжими усами. – Гена Фролов, штурман.

Наркотическое ощущение сказки не покидало меня последующие три месяца. Да похоже и все остальные оказались зачарованы искренним радушным дружелюбием китайцев и их неподдельным интересом к нам.

Едва мы выходили из отеля, как нас обступали толпы любопытных прохожих, следующих на почтительном расстоянии и время от времени выкрикивающих забытые ими лозунги времён большой дружбы типа: «Добло позаловать, товалиси!» или «Большой блат, пливет!»

Заслышав слово «блат», Бубенков первое время опасно напрягся, но я своевременно разъяснил ему, что в китайском языке попросту отсутствует звук «р».

Вполне возможно, впрочем, что под «большим братом» они просто имели в виду Гену Фролова, но тон и улыбки были самыми гостеприимными. Мы ощущали себя какими-то народными героями, которых не носят на руках лишь из опасения уронить. (До сих пор продолжаю испытывать грызню совести за то, что буквально пару лет спустя моими стараниями Китай наводнили тысячи беспринципно жаждущих наживы челноков, коренным образом изменившие у китайцев уважительное отношение к русским.)

Очень скоро мы и думать забыли о мифических «провокациях», и Бубенков, поскрипывая, разрешил гулять по городу парами, а потом и в одиночку.

Не вполне веря в явь происходящего, я до ночи бродил вдоль домиков с приподнятыми словно для полёта уголками крыш, застывая перед каллиграфически намалёванными вывесками, вдыхал аромат перемешивающихся дымков бесчисленных харчевен, отмеченных красными фонарями, заговаривая то с укутанными несмотря на летнее тепло и жар от очагов торговцами, то с попадающимися навстречу симпатичными девчушками...

От их непринуждённо восторженной реакции я хмелел больше, чем от неиссякаемого в холодильнике пива. Чем-то совершенно невероятным казалось то, что они прекрасно понимают меня, а я – их!

Страшские переговоры тоже оказались воздушно-лёгкими. Перед первым официальным днём я не мог заснуть всю ночь, под утро окончательно уверив себя, что ничего кроме «здравствуйте, товарищи!»

по-китайски сказать не смогу, и после нескольких минут жгучего позора мне сконфуженно придётся обращаться за помощью к дядюшке Шэну.

Однако стоило гладкому китайскому журчанию политься в одно из моих невыспавшихся ушей, а в другое – загроыхать чугунистым речевым оборотам Бубенкова, я вдруг неожиданно перевоплотился в какую-то машину, одновременно фильтрующую и смысл, и культурологические особенности говорящих, выдавая на выходе понятные для собеседников фразы. Очнулся я, совершенно обессиленный, уже перед обедом. Почти ничего, из того что я в течение трёх часов непрерывно переводил, в голове не осталось.

– Ну ты крут, чувак! – с восхищением пожал мне руку Леонид. – Я хотел было тебе помочь, да боялся, что на твоём фоне бледно выглядеть буду! Ладно, после обеда – моя очередь отдуваться... А где это ты так насобачился?

Мне, ощущающим себя героем дня, было даже неловко признаться, что тайваньский господин Ван, случайно встреченный мною в Ливии, был единственным живым китайцем, с которым я до этой поездки общался. Проявилась наконец закалка, которую пять лет упорно выковывали в нас институтские преподаватели.

Остальные переговорные дни пролетели безо всякого напряжения. Мы с Лёней, сменяя друг друга, переводили с китайского на русский, Шэн в одиночку легко справлялся с косноязычием Бубенкова и витиеватыми репликами зама. Чувствовалась великолепная старая школа и мощный, ничуть не заржавевший опыт более чем 30-летней давности.

Дня через три он, впрочем, уехал, и вместо него появились сразу два молодых китайца, куда менее искушённые в лингвистических тонкостях. Старший из них с гордостью представился Климом-переводчиком «русско-китайского языка» (его мы сразу прозвали Чугункиным).

Второй назвался Мефодием, но объяснить кто он, смог лишь на каком-то наречии, отдалённо напоминающем древнеславянское. Переглянувшись, мы с Леонидом одновременно вздохнули – стало ясно, что молодая поросль китайских филологов и в подмётки не годится старой, однако мы к тому времени уже ощущали себя опытными асами, способными справиться и без чьей-либо помощи.

Изнуряющей проблемой, однако, оказались банкеты, организуемые радушными китайцами едва ли не каждый вечер. Нашу небольшую группу обычно равномерно распределяли по четырём огромным круглым столам, чтобы на каждый приходилось по одному переводчику.

При таком раскладе даже попробовать хоть что-то из поражающих воображение яств, было практически невозможно. Тосты и всё более оживлённые беседы приходилось переводить безостановочно, с тоской провожая взглядом проплывающие мимо на вращающемся стеклянном круге головокруглительно пахнущие блюда. Успевал я лишь выпить три-

четыре рюмки маотая⁷, но в отсутствие закуски скоро приходилось тормозиться и с этим, дабы преждевременно не лишиться собеседников роскоши человеческого общения.

Правда, иногда кто-нибудь из сердобольных китайцев, заметив мою пустую тарелку, щедро наваливал на неё целую гору самого на его вкус лакомого из необъятного кулинарного изобилия. Однако вкусы их в корне отличались от моих, ибо после такого жеста доброй воли мне приходилось потом весь вечер закусывать водку приторными пирожными или совершенно пресными пампушками, напоминающими куски непечённого теста.

Но главная засада таилась в переводе анекдотов, которыми раскрасневшиеся собеседники, к концу вечера чувствуя нарастающую взаимную симпатию, наперебой пытались усладить друг друга.

– ...Нет, ну ты переводи – самолёт разбился, а командир вылезает из-под обломков и говорит: стюардесса блядь, и шутки у неё – блядские! – захлёбывался от смеха один из штурманов, словно не замечая, что китайцы как один уже и так сидят с окаменевшими лицами.

Я обречённо переводил. Китайцы принимались озабоченно перешёптываться, потом не выдерживали: – Миша! А когда это случилось? Это недавно у вас самолёт разбился?

– Да это же анекдот, – мрачно объяснял я. – Никто не разбился, просто такая смешная ситуация...

Китайцы вежливо кивали, но весёлости ситуации явно не разделяли. – Э, да ты, наверное, неправильно перевёл... – с досадой вздыхал штурман.

Словно в отместку, кто-нибудь из китайцев, заранее объявив, что сейчас будет шутить,⁸ заводил бесконечную историю с совершенно невнятным окончанием, над каждой фразой которой китайцы дружно заливались, зато наши сидели молча, с напряжением вслушиваясь в мой добросовестный пересказ этой галиматьи. Положение как всегда спасал лишь маотай...

Дня через три мне надоело выглядеть полным идиотом, и я взял организацию веселья за стол в собственные руки. Русским коллегам под видом перевода забубённых китайских притч, я принялся травить свои излюбленные анекдоты, подменяя Василия Ивановича и Штирлица героями китайского народного эпоса, а китайцам – пересказывать их собственные же истории, услышанные пару дней назад (не забывая предупреждать, что сейчас пошучу).

---

⁷ Маотай – один из лучших и дорогих сортов китайских водок. Крепость – более 50 градусов.

⁸ Кайваньсяо (кит.) – «открываю шутку» – обязательное выражение перед произнесением шутки, без которого всё сказанное воспринимается китайцами всерьёз.

Эффект оказался сногшибательным. Хохот за нашим столом напоминал порою пороссячий визг. У меня даже появилась возможность быстренько перекусить, пока все гоготали, отирая слёзы.

– Ну какие же весёлые ребята, эти китайцы! – в восторге колотил меня по плечу Гена Фролов. – Прямо не ожидал от них такого нашенского чувства юмора!

Я скромно орудовал палочками, подкладывая себе остатки рыбы в кисло-сладком соусе. Русско-китайское братание выходило из берегов.

Из-за соседних столов на нас с завистливым недоумением поглядывали те, кто юмором оказался обделён.

После банкета ко мне подбрёл измученный Лёня: – Расскажи, как тебе это удаётся?! – простодушно взмолился он. – А то меня, наверное, дебилом считают и наши, и китайцы...

Леонид оказался толковым учеником, и уже на следующий день соседний стол тоже сотрясался от громогласного хохота.

Особым испытанием было очутиться за одним столом с Бубенковым. После двух-трёх рюмок он становился необыкновенно велеречив. К тому же, его начинали обуревать подозрения, что я не так перевожу сказанные им глупости.

– Нет, ты прямо дословно переведи: Кто старое помянет – тому глаз вон!

– Если вы вспомните прошлое, то останетесь без глаза! – исполнительно докладывал я. Китайцы остекленевали.

– Ну, это такой русский чэньюй,⁹ – приходилось разъяснять в попытке загладить неловкость. – Означает, что о неприятном прошлом вспоминать не стоит.

– Что ты им там переводишь? Я же больше ничего не сказал! – нервничал Бубенков.

– Уточняю, какой глаз: левый или правый, – мстительно огрызнулся я. – Китайцы – люди конкретные! – обдумывая между тем, что бы такого политически выверенного сообщить китайцам в следующей фразе, абстрагируясь от тяжкого бреда Бубенкова.

Ещё через несколько дней Бубенков собрал нас всех в своём «штабном» номере.

– Москва... довольна нашей работой! – торжественно сияя, сообщил он. – Все наши договора утверждены на правительственном уровне. Принято решение оставить группу в полном составе для проведения аэрофотосъёмки границы! Так что Родину увидим нескоро – месяца через два, а то и три.

---

⁹ Устойчивое идиоматическое выражение, пословица. В китайском языке обычно состоит из 4-х иероглифов.

– Более того, – добавил он, явно наслаждаясь нашей реакцией на доверие далёкой Москвы. – Мы добились выплаты командировочных для поддержания авторитета членов группы в размере...

Он сделал эффектную паузу: – 5 долларов США в день!

Мы буквально остолбенели. Такой щедрости от скуповатой Родины никто не ожидал. Мало того, что нам продолжала «капать» офицерская зарплата, достигшая у меня с учётом дальневосточных надбавок почти 200 рублей, а тут ещё и столь великодушный подарок при кайфовой жизни на всём готовом, включая пиво!

– Я убедил вышестоящее начальство, – самодовольно улыбнулся шеф, – что в целях престижа советского человека нам необходимо иметь деньги на карманные расходы.

Ни фиги себе карманные! Доллар на чёрном китайском рынке стоил около 10 юаней, а юань при фантастической китайской дешевизне даже в ту пору безмерно превосходил бестолковый рубль...

Глаза присутствующих заволочло мечтательными прикидками сколько и чего можно успеть приобрести за предстоящие месяцы...

– Но хочу сразу предупредить! – садистски заявил Бубенков. – Во избежание валютных махинаций деньги будут выдаваться в виде вайхуэв!¹⁰

– Это что, натурой что ли? – с разочарованием спросил кто-то из ларца.

– В виде маотая? – тут же заинтересовался Гена Фролов.

– Насчёт этого хочу предупредить отдельно! – с ходу завёлся Бубенков. – На время аэрофотосъёмки – о маотаях забыть! Всё, банкеты закончились, завтра перебазирuemся в город Хайлар и приступаем к полётам.

Поздним вечером следующего дня мы из окна поезда зачарованно оглядывали неторопливо плывущие в свете луны не по-китайски просторные степи Внутренней Монголии.¹¹ В своё время до боли надоевшие мне пейзажи вызвали странно ностальгические чувства – вот уж никогда не думал, что буду рад новому свиданию с Монголией!

...Заскрипев тормозами, поезд медленно остановился на небольшом полустанке. Прямо напротив открытого окна нашего купе оказался ярко

---

¹⁰ Вайхуй – инвалютный юань, свободно обмениваемый на конвертируемую валюту по официальному курсу. На китайском рынке имел свободное хождение практически наравне с обычным юанем. Курс в то время составлял где-то 4,5 за один доллар, т.е. нам одним бюрократическим махом урезали командировочные более чем в 2 раза.

¹¹ Внутренняя Монголия – автономный район КНР. «Внутренней» её назвали не монголы, а китайцы, поскольку эта административная единица находится внутри Китая, в отличие от «внешней», т.е. суверенной Монгольской Народной Республики. Кстати сказать, по территории Внутренняя Монголия лишь немного уступает «внешней», зато по количеству живущих там монголов почти в 2 раза превосходит МНР.

освещённый ларёк, витрина которого была заставлена десятками самых разнообразных бутылок. В нём, несмотря на поздний час, сидели две симпатюшечные девушки.

– Нимэнь хао! – не удержавшись, игриво поздоровался я.

– Ни хао! Ни хао! – дружно пропищали они в ответ и засмеялись.

– Они что, до сих пор открыты?! – заволновался штурман Фролов. – Ты лучше спроси: водка до скольких продаётся?

– Пока поезда ходят! – вновь хором захихикали девушки.

– Тогда – давай на все! – торопливо выгребая из кармана остатки первых суточных, засуетился Геннадий.

Протяжно свистнув, поезд неохотно поплыл в степные сумерки. Вслед за водкой вторая китайка успела сунуть мне в окно копчёную до угольной черноты курицу в промасленной бумаге.

– Сказка... – прижимая к широкой груди четыре бутылки, прошептал Гена со светящимися глазами. – Живём, ребята!

Хайлар оказался вполне заурядным провинциальным местечком с невзрачной растительностью и огромным мостом, нависающим над дохленькой речкой, однако мне город представился озарённым чарующей китайской аурой.

(Таковым он и продолжал грезиться ещё много лет, пока я не очутился в нём уже после череды необыкновенных путешествий вдоль и поперёк Китая, да и почти всей юго-восточной Азии. Шагая спустя всего три года по низеньким, ничем не примечательным улочкам, я не мог поверить, что это и есть тот самый Хайлар, который так долго чудился мне едва ли не самым прекрасным местом на свете! Воистину, не стоит даже пытаться входить дважды в одну и ту же реку...)

Гостиница, где нас поселили, была гордостью городка – новенький, первый в Хайларе трёхзвёздный отель, объективно совершенно безликий и средний по всем стандартам. Но для нас, никогда прежде не видевших ничего подобного, он явился чем-то несказанно роскошным и поразительным: мраморные полы холла; симпатичные девушки в униформе, стоящие в лифтах только лишь для того, чтобы избавить от необходимости самим нажимать кнопку; стопки белоснежных полотенец, меняющихся каждый день; ванная, оборудованная невообразимой сантехникой и принадлежностями; белые мешки для грязной одежды, которая на следующее утро уже висела на вешалках чистой и старательно поглаженной...

Мы всласть наиздевались над «двоими из ларца», притащившими с собой постельное бельё, однако поводов устыдиться собственной дикости хватило очень скоро у каждого.

Я, решив тут же принять душ, с вожделением забрался в сверкающую чистотой и хромом ванну, но спустя несколько минут оказался стоящим по щиколотки в мыльной воде, которая неприятно поднималась всё выше.

Пошарив руками по дну, я обнаружил пробку, на которой, однако же, не оказалось привычного колечка. Подцепить её ногтями так и не удалось, поэтому я, чертыхаясь, вылез из-под ласкающих струй и принялся искать подходящий инструмент. Предоставленная заботливыми китайцами зубная щётка сломалась после третьей попытки, после чего откупорить ненавистную пробку сделалось уже делом принципа.

Наконец, я, кряхтя, отвинтил от стены какую-то никелированную штукуну и с усилием поддел её острым краем упрямую затычку... Осознание того, что делается что-то не то, пришло сразу, едва я углядел массивную цепь, вылезшую вслед за сдавшейся пробкой из отверстия, куда радостно устремилась застоявшаяся водица.

Почесав голову, я только теперь заметил небольшой рычажок на стенке душа, который и был предназначен для открывания и закрывания этой невиданной мною прежде системы. (Гостиничные китайцы долго недоумевали потом, каким образом столь надёжный механизм мог сломаться...)

Выйдя наконец из душа, я обнаружил в номере почти всех членов группы, с нетерпением ожидающих возможности попасть в уборную.

– Не работает у нас туалет, ёшкин кот! – в сердцах посетовал Бубенков, на правах старшего первым устремляясь в уже освоенную мной комнатку.

– Как это не работает? – не поверил я.

– Да вот же ж – вроде гостиница такая шикарная, блин, а унитазы бумажками заклеены! – принялись наперебой жаловаться остальные. – А тут ещё Лёня куда-то запропастился...

– Вот зачем иероглифы учить надо! – назидательно заметил я, вновь ощущая себя орлом. – На бумажках тех написано: «Продезинфицировано – микробов нет»! Так что идите и спокойно ссыте в свои стерильные унитазы...

Впрочем, случались открытия и несколько иного свойства. Прогуливаясь по мосту через местную речушку – тёзку города, мы ещё в первый день отметили, что противоположный берег служит чем-то вроде муниципальной прачечной – он с утра и до ночи был усеян тучками китайнок, усердно трущих и полощущих груды принесённого в корзинах белья. Медленное течение не успевало справляться с обильной пеной, и сверху казалось, что стирать в этой воде вполне можно и без мыла.

Мы гордостью ощущали себя «белыми людьми», приобщёнными к благам цивилизации, пока кто-то из нас не приметил вдалеке группу девушек в униформе нашего отеля с тележкой знакомых белых мешков... После этого, трусы и майки мы стирали в раковинах самостоятельно, а «двое из ларца» торжествуя извлекли-таки из чемоданов припасённое постельное бельё.

Ещё более разочаровывающим откровением стала китайская водка. Выяснилось, что бутылка уже полюбившегося маотая стоит аж 80 юаней, да и справедливости ради сказать, даже он не отвечал русским понятиям о

правильном напитке. Все остальные представители местного водочного царства, несмотря на разнообразие цен, форм и названий, имели ярко-сивушный вкус, надолго оскверняющий пищевод отвратительной отрыжкой.

Мы передегустировали десятки сортов по самым разным ценам, но отрыжка оставалась неизменной. Как объяснили мне китайцы, водка ценна именно своим вкусом, поэтому изгонять его излишней очисткой представлялось им кощунственным.

Загрустив, мы остановились было на одной из наименее противных водочек с удобной ценой в 10 юаней, что хотя бы номинально соответствовало закрепившейся в ту пору стоимости продукта на Родине. Однако в один из прекрасных вечеров, когда мы после полётов расслаблялись на кроватях в ожидании традиционно обильного ужина, в наш с Лёней номер, посверкивая глазами, ворвались предприимчивые штурмана.

– Как по-китайски «спирт» знаете? – с порога завопил Гена.

– Цзюцзин, – автоматически отозвался я и тут же вскочил на ноги, осознавая величие открытия.

В ближайшую аптеку мы влетели будто за спасительным лекарством для умирающего больного.

– Спирт есть, только он в больших бутылках, – с беспокойством поглядывая на нас, сообщила морщинистая словно сушёное яблоко аптекарша в безукоризненно отглаженном халатике.

– Так... – на мгновение задумался Гена, погружаясь в замысловатые расчёты. – Если в ней 30 литров, как у нас, то это... 120 бутылок, по четыре в день, ну, на месяц должно хватить! – радостно заключил он.

– Можно было бы и две сразу взять, да от Бубы сложно будет спрятать, – озабоченно добавил второй штурман Серёга. – Давай возьмём пока одну.

Китайка проворно укобыляла в подсобку и через несколько секунд явилась вновь, держа в руках запылённую литровую бутылку.

– Это что – большая?! – возмущённо оборотился ко мне Геннадий. – Опять ты неправильно перевёл... Ну ладно, сколько стоит? Три юаня?! Скажи ей – пусть несёт ещё штук пять!

На ужин наша компания прибыла с небольшим опозданием и лукавым блеском в глазах. Бубенков подозрительно повёл носом, но не уловив знакомого характерного аромата, смолчал. Китайский спирт, хотя тоже слегка отдавал сивушкой, однако в смеси с вишнёвым или ананасовым соком перевоплощался во вполне достойный напиток. Китайская жизнь налаживалась.

Ежедневные полёты привносили в моё мироощущение дополнительный отблеск романтики. Особенно манила находящаяся на самом носу нашего Ан-30 штурманская кабина, остеклённая вкруговую от пола до потолка. Во время посадки казалось, будто мои вытянутые ноги

вот-вот сами поскачут по набегающей с неумолимой стремительностью полосе, и их рефлекторно хотелось поджать до самых плеч.

Зато после пружинного столкновения с неправдоподобно близкой землёй, когда самолёт, взыв реверсом, начинал рывками сбавлять скорость, всё тело вмиг наполнялось таким сладким облегчением, что впору было орать и скакать от неизвестно откуда налетевшего счастья. Никакие американские горки тут и по соседству не стояли!

Возвращаясь после полёта, я шёл от микроавтобуса к бесшумно раздвигающимся дверям гостиницы слегка раскачивающейся, солидно-усталой походкой человека, честно заслужившего и предстоящий лакомый ужин, и полстакана «компота», как мы прозвали спирт, смешанный с соком в равных долях.

Между тем, адреналин и прочие рвущиеся на волю гормоны добросовестно делали своё тайное дело, и я стал всё пристальнее приглядываться к окружающим китайкам.

Азиатками я оказался околдован не меньше, чем самим Китаем. Их образы окутывал некий бесподобный шарм дивной смеси восточного достоинства и вместе с тем кроткой податливости, воспламеняющей воображение, а тонюсенькие, девические силуэты чувственно теребили какие-то глубоко припрятанные, предосудительные инстинкты.

Вообще-то, отношение к этим экзотичным куколкам было далёким от привычного влечения к представительницам прекрасного пола – я отдавал себе отчёт, что мною движет прежде всего эгоистическое любопытство, страстное стремление постичь таинственную загадку психологии (и физиологии!) существ с иной планеты.

Чуть ли не в каждой молодой особи я находил это стоящее недюжинных усилий таинство, и потому всюду флиртовал и со смешливыми официантками, и с юными продавщицами, и просто с симпатичными прохожими девицами, благо знание языка неизменно вызывало острый ответный интерес.

Ребята посмеивались надо мной, а Гена Фролов честно недоумевал: – Ну как ты можешь их вообще за женщин принимать?! Ни сиськи, ни письки, и жопа – с кулачок...

– В том-то и прелесть, Геннадий, – мечтательно жмурясь словно мартовский кот, объяснял я. – Ты только представь: вот такая ма-аленькая попочка целиком в твоих ладонях...

– Ну а грудь?! Без грудей-то как? – горячился Гена. – Прямо Китайская стена какая-то!

– А к чему они большие? – отшучивался я. – Всё, что в рот не помещается – это излишество.

Фролов безнадежно махал рукой: – Да ну тебя, извращенец! Ладно, напрягайся, потом расскажешь...

Я напрягался, но результаты были неполноценными. При всей своей открытости и раскрепощённости, которую я поначалу ошибочно принял за лёгкую доступность, китайки мягко избегали даже приближения к черте, за которой отношения могли бы считаться уже не просто дружескими. Тайны их китайских сердец оставались за восемью нефритовыми печатями, что ещё сильнее катализировало мою обобщённую к ним всем страсть.

Танцы с местными девушками представляли целомудренное вальсирование на расстоянии ладони в диковинном китайском ритме под музыку 50-60-х годов, а ярко освещённые залы не давали ни малейших шансов сократить дистанцию, не говоря уж о более откровенных поползновениях.

Плюнув на бестолковые, обделённые сексуальностью танцульки, я принялся изобретать обольстительные мизансцены, из которых можно было бы плавно перейти к более тесному общению.

Приглашения в ресторан, которые в условиях российской действительности являлись вполне откровенным намёком на желание совместно продолжить приятный вечер, здесь оказались также начисто лишёнными привычного нам смысла, ибо галдящие китайские кабаки не располагали к романтическому перешёптыванию, да к тому же заканчивали свою работу засветло, после чего ангажированная дама, вежливо поблагодарив за еду, усаживалась на велосипед и буднично укатывала в светлую июньскую даль по пыльной улочке.

После этого оставалось лишь вернуться в гостиницу, где уже весёлые товарищи с нетерпением ожидали рассказов о донжуанских похождениях, и не обращая внимания на их шуточки, мрачно махнуть разом полстаканчика «компота».

Большие надежды я возлагал на предложение «позагорать вместе», которое неожиданно охотно приняла одна из хорошеньких официанток. Я уже предвкушал, как на безлюдном полудиком пляже, где прямо к воде подступали заросли густых ив, создающие укромные закуточки, под тихий плеск воды наши разомлевшие, почти обнажённые тела постепенно окажутся совсем близко и уже не смогут устоять перед безудержным влечением молодых разнополых организмов друг к другу...

Увы. Действительность оказалась издевательской насмешкой над моими эротоманскими грёзами... Юная официантка, с некоторым ужасом понаблюдав как я стремительно скидываю с себя одежду, уселась на песок поодаль и, даже не сняв туфель, принялась с изяществом тургеневской барышни обмахивать подолом длинного платья свои красивые тонкие голени

– Ты что, не будешь... загорать? – упавшим голосом спросил я. Слово «раздеваться» в данной ситуации показалось и вовсе неуместным.

– Я загораю, – удивлённо отозвалась она и добавила, казалось бы, совершенно нелогично: – Солнце портит кожу.¹²

Проникновения пытливого Запада в таинственный Восток не случилось и на этот раз...

Тогда мне было ещё невдомёк, какая пропасть отделяет северный Китай от остальных его провинций буквально во всём: здесь лежала будто бы совсем другая, патриархальная страна, где мораль и нравы застыли со времён образования народной Республики, а то и незапамятных феодальных веков.

Глава 2. ДЛИННЫЕ РУКИ

Не дай вам бог жить в интересное время.

Древние китайцы

***Октябрь 1996 года
Сиэтл, штат Вашингтон***

Чёртов телефон разбудил меня как обычно в самый неподходящий момент. Я только-только начал сладко задрёмывать после ночного дежурства, едва за окном наконец-то стихла какофония рэпа, сопровождаемая жизнерадостными воплями чёрных соседей, затеявших барбекю с самого утра. Судя по просачивающемуся сквозь плотно закрытое окно тошнотворному дыму, на завтрак у них были копчёные рёбра.

– Миххаиль? – осведомился телефон с кавказским акцентом. Спросонья мне почудилось, будто это голос моего бывшего командира из Краскинского УРа.

– Да! – бодро ответил я по укоренившейся военной привычке никогда не выказывать будто только что спал.

В трубке раздалось какое-то осторожное шуршание, потом тот же голос, словно на автоответчике повторил вопрос: – Миххаиль?

---

¹² Китайское выражение «шай тайян» (загорать) – означает просто «подставлять себя солнышку», и вовсе не подразумевает привычного для нас лежания в полуголом виде на палящем солнцепёке. Китайцы ценят белый оттенок кожи куда больше самого красивого загара, и «загорелый» для них означает намеренно перешедший в менее уважаемое сословие человек.

– Михаил, Михаил! – раздражённо подтвердил я, уже теряя терпение. – Кто это?

Телефон помолчал. – Слушай, брат, – наконец тихо произнёс голос. – Мы из России тебе посылку привезли. Встретиться надо.

Сердце моё застучало как бешеное. «Вот и они! Явились! Ну чего им ещё нужно от меня?! Мало того, что скитаюсь как последний клошар без Родины, без всего...! Стоп, спокойно! Сантименты тут никому не нужны...»

– А кто вы? – стараясь изо всех сил быть непринуждённым, спросил я. – И от кого посылка?

Говоривший опять помолчал. Видимо, это была его манера общаться, и надо сказать, работала она эффективно. Хозяином разговора был явно он. – Мы – твои друзья, – веско сообщил наконец его голос. – Подъезжай, поговорим, и посылку отдадим.

– Куда подъехать? – обречённо поинтересовался я. Было уже ясно, что от незваных гостей так просто отвертеться не удастся.

– Ждём тебя в «Мак-Дональдсе» у аэропорта. Какой тут улица? – спросил он у кого-то. – Вот, говорят, на 99 хайвэе, знаешь? И захвати с собой хатя би несколько тысяч, – добавил он. – А то трудно будет разговаривать.

Он повесил трубку. Я подскочил на кровати, в бешенстве отшвырнув одеяло. Какие к чёрту несколько тысяч?! Они что, не знают...?!

«Спокойно. Спокойно!» – вновь укротил я рвущиеся в разные стороны эмоции. Надо исходить из того, что имеем. Имеем явно бандитов, которым нужны деньги. Значит, пока они их не получают, убивать меня им нет никакого смысла. Иначе бы даже звонить не стали. Следовательно, надо ехать на стрелку, как это ни в лом, и выяснять: кто они? от кого они? можно ли им чего-то объяснить? ...

С тяжким вздохом я слез с кровати. Только-только начал было отвыкать от всех этих бандюганских разборок...

Джон – хозяин дома, где я снимал крохотную комнатку – с удивлением взглянул на меня, отрываясь от газеты. – Не спишь, Майкл? Тебе же вечером снова на дежурство...

– Извини, Джон, – хмуро прервал его я. – Можно взять твою машину? Я её на обратном пути заправлю.

Подкатив к затрапезному «Мак-Дональдсу», я присвистнул. Эта парковка вряд ли когда-либо видела подобную роскошь – весь периметр был уставлен чёрными джипами, а прямо перед входом красовался неизвестно как въехавший сюда вороной лимузин. Разговор, видимо, предстоял серьёзный.

– Проходи, проходи, Майкел! – радушно проводили меня к угловому столику тут же обступившие меня одинаково плотные ребята в одинаково чёрных кожаных куртках. Я в удивлении помотал головой: «И куда только полиция смотрит?! С такими шеями всех можно сразу в тюрьму отправлять – не ошибёшься...»

– Садысь, Майкл! – по-хански развалившись на угловом диванчике, приветствовал меня невысокий чеченец. – Угощайся! – щедро подвинул он ко мне пакетик с жареной картошкой.

Невольно сглотнув слюну, я сел.

– Ну что, рассчитываться когда будэм? – весело спросил чеченец. – Люди ждут, вот нас даже сюда послали тэбе напомнит...

– Какие люди? – как можно более тупо спросил я. – А где посылка? «Надо для начала выяснить, кто их прислал, и что они обо мне знают...»

Чеченец располагаясь рассмеялся, обнажив жёлтые волчьи зубы. – Посылка – это мы! А то что ты забыл, кому должен 80 тысяч – это нехорошо! В России и не за такие деньги без башьки остаются...

«Так, если 80 тысяч, значит это – вексель. Хотя по векселю я должен всего 40, но ещё 40 – эти ребята добавили свои комиссионные, как водится. Так, хорошо это или плохо, что они не знают о моём общем долге в 300 тысяч? Наверное, пока хорошо. Так, попробуем выяснить, насколько круты эти ребята...»

– Извини, не знаю, как тебя зовут, но 80 штук я никому не должен. Да, я задолжал людям, и отдам, когда смогу, но у тебя лично я ведь ничего не брал? ...

Он захохотал так, будто я сказал что-то невообразимо смешное. Вслед за ним глупо заржали и дышащие мне в шею молотобойцы.

Смеяться он прекратил неожиданно: – Ты, наверное, что-то попутал. Думал, спрятался в этой Америке? Так ми найдём тэбя хоть в Австралии! А будэшь упрямиться – на счётчик поставим. День – тысяча.

– Я ни от кого не прячусь, – возразил я. – И сам к вам приехал. Но денег сейчас у меня нет. Ищу как заработать...

Он опять развеселился. – Ай, ну не вешай нам тут лапшу! Уже год в Америке живёшь – а денег нэт? Нам сказали – на белом «Мерседесе» по Сиэтлу рассекаешь... Короче, есть-нэт – не наше дело. Доставай где хочешь. Не можешь все сразу – по 10 штук в мѣсяц отдавай. А если кто-то ещё будет наезжать – скажешь: Сулим первый в очереди.

Он положил руку на плечо сидевшего рядом с ним парня: – Вот наш чэловек Валодя – здѣсь живёт, ему будэшь приносить. Он за тобой присмотрит. Сэчас к тебе домой поедет – поглядит как живёшь, что забрать можно. «Мерседес» на него перепишешь.

– Да нет у меня никакого «Мерседеса»! – взорвался я. – И вообще ничего нет! Комнату снимаю в негритянском районе – там даже кошки все чёрные. Если найдёте чего забрать – я только рад буду!

Сулим испытываяще поглядел на меня. – Ну, если спрятал – ми ведь всё равно найдём. Поэтому давай по-хорошему: мне через 2 дня улетать – я же не вернусь с пустыми руками! Иди поищи, найди 15 штук до завтра, привезёшь сюда. Только глупостей дэлать нэ вздумай. Мы бошки быстро отрезаем!

Он кивнул окружавшим меня ребятам, и те медленно расступились. – Давай, иди, завтра в это же время – сюда. А у нас тут ещё дела есть.

Усаживаясь под строгими взглядами кожаных бандюков за руль старенького Джонова «Шевроле», я не сразу осознал, что всё это происходит в Америке. «Ну и на кой чёрт ты к ним поёрся?! Ясно же было, что приехали не разговаривать, а бабки выбивать... С другой стороны, что ещё оставалось делать? Прятаться? Так всю жизнь прятаться не будешь. И деньги действительно надо как-то отдавать. Не этим козлам, конечно, и не банку бандитскому, но ведь должен ты ещё и реальным людям. Тем более – друзьям... Ну а как теперь с козлами быть? Они ведь просто так уже не отпустят...»

Джон всё ещё читал ту же самую газету, переместившись из-за обеденного стола в старое объёмное кресло в своей спальне. Я протянул ему ключи от машины: – Спасибо. Только заправить я её не успел, извини. Компенсирую пивом.

– Что-то случилось, Майкл? – спросил он, проницательно глядя на меня поверх очков.

«Надо ему всё рассказать, – подумал я. – А то ещё подставлю ничего не подозревающего человека под эти разборки».

– Видишь ли, Джон... – тяжело опускаясь на стул, начал я по порядку. – ... Короче, всё это может закончиться очень стрёмно. Публика серьёзная. Как разрулить ситуацию – я не знаю. Прятаться не собираюсь, но думаю, что мне надо срочно найти себе другое жильё. Не хватало, чтобы ещё и ты, и твои жильцы оказались в этом замесе.

Джон какое-то время молчал, продолжая внимательно рассматривать меня. – Из моего дома тебе никуда уходить не нужно, – наконец сказал он спокойно. – Другим жильцам я всё скажу сам – если кого-то это напугает, пусть съезжают.

Он сложил газету и неожиданно резко встал. – На случай, если меня не окажется дома, когда они придут: вот пистолет.

Порывшись в куче старых бумаг высоко на полке, он любовно извлёк оттуда «Кольт» весьма внушительного калибра. – Будет теперь всегда лежать в правом ящике стола. В обойме 9 патронов, с предохранителя снимать вот так. – Он по-ковбойски лихо щёлкнул рычажком.

Я осторожно взял его за руку, направляя ствол вниз. – Джон, извини, нас учили, что оружие никогда не должно смотреть туда, где могут находиться люди. Если ты не собираешься в них стрелять.

– Да, прости! – спохватился он. – Просто не могу поверить, что какие-то сукины дети...

Джон с грохотом сунул пистолет в указанный ящик и сел за стол. – Я, кажется, знаю, что нам надо делать. – Он взял телефонную трубку. – У меня есть один старый приятель в ФБР...

– погоди, Джон! – крикнул я, вскочив, но он, не слушая меня, уже набирал номер.

– Запомни: если начнётся стрельба – падаешь на пол и закрываешь голову руками... – в который уже раз инструктировал меня Патрик.

– Да знаю, знаю, – буркнул я. – Ногами в сторону взрыва.

– Какого взрыва? – напрягся Патрик.

– Ядерного, – язвительно пояснил я. – У русской мафии в записке и это есть.

Он без улыбки взглянул на меня. – Давай оставим шутки, Майкл. В конце концов, наши ребята рискуют собой, чтобы защитить тебя.

– Извини, – с неохотой пробормотал я. – Но всё это похоже на какой-то глупый голливудский боевик! – Я с отвращением дернул за антенну, высунувшуюся из разреза рубашки. Всё моё тело было тщательно опутано проводами, расползающимися по карманам, напичканным какими-то передатчиками и магнитофончиками.

– Вот этого делать не надо, – терпеливо заметил Патрик. – И никаких лишних движений, чтобы шуршание одежды не искажало сигнал. Вспомни, когда ты с ними разговаривал, куртку ты с себя снимал, или нет?

– Не снимал, – сквозь зубы сказал я. – В «Мак-Дональдсе» гардеробов не предусмотрено.

– Хорошо! – радостно улыбнулся он. – Ты должен выглядеть в точности как во время первой встречи, чтобы они ничего не заподозрили.

Я вздохнул, но в этот момент у меня в кармане запиликал телефон. Патрик выдернул его из моих рук: – Это они. Отлично! Сейчас заодно и проверим, как работает аппаратура!

Пожав плечами, я взял у него телефон.

– Миххаиль? – услышался знакомый чеченский говор. – План поменялся, нам надо срочно улетать. Встречаемся в аэропорту через час. Бабки нашёл?

– Как раз еду за ними, – по инструкции ответил я. – Через час могу не успеть, – добавил я уже от себя. Патрик показал мне большой палец.

– Успеешь, – жёстко заявил Сулим. – Иначе – счётчик.

Он повесил трубку. Патрик вскочил, словно счётчик должны были включить ему. – Прекрасно! В аэропорту даже лучше! Там мы людей расставим как нам нужно!

Уже через двадцать минут в какой-то крохотной аэропортовской подсобке мне представляли агентов ФБР, задействованных в операции. Ни один из участвующих персонажей никогда не вызвал бы у меня ни малейших ассоциаций с этой конторой: зашуганный мексиканский уборщик; улыбчивая стюардесса в униформе «Дельты» с элегантно чомоданчиком; похожий на лесоруба реднек в клетчатой рубашке и вызывающе алой бейсболке; бизнесмен недовольного вида в дорогом галстуке и с идеально прилизанными волосами.

Я не мог не восхититься столь искусным маскарадом, вот только немного настораживала масштабность приготовлений. Неужто они и впрямь планируют устраивать тут пальбу?!

– Извините, а вы сегодня никуда не улетаете? – улучив момент, тихонько поинтересовался я у соблазнительной стюардессы. – Может быть, сходим куда-нибудь после окончания мероприятия?

Она профессионально улыбнулась и отошла от меня подальше.

– Внимание! Они здесь, – сообщил, отрываясь от рации Патрик. – У стойки «Дельты». Всем занять свои места и проверить связь!

Агенты один за другим покинули комнату. Я потянулся было вслед за стюардессой, но Патрик остановил меня: – Подожди! Ещё не всё готово. К тому же надо им дать понервничать.

Через несколько томительных минут я наконец вышел из неприметной двери подсобки в зал аэропорта, словно в совершенно иной мир. Мир был заполнен оживлёнными, торопящимися в разные стороны обычными людьми, и оплетающие меня провода шпионских устройств представились совсем неуместной шуткой. Я потряс головой. Где бы найти такую дверь, чтобы очутиться в нормальном мире, без ФБР и бандитов?

Вздыхнув, я неторопливо направился к стойкам «Дельты», впитывая в себя упоительную атмосферу предвкушения далёких странствий, пусть и принадлежала она на этот раз совсем не мне. Хотя я провёл в аэропортах немалую часть своей жизни, вволю насладиться этим волнительным ощущением удавалось редко – суматошный ритм событий всякий раз вынуждал приезжать в последние мгновения перед отбытием самолёта. Ну а теперь мой самолёт и вовсе улетел куда-то без меня...

– Вот он! – очнулся я от громкого крика. Ко мне поспешно приближались несколько человек в чёрных кожанках. – Давай, шевели колготками! – бесцеремонно приобнял меня один из них.

Я брезгливо снял воняющую куревом руку со своего плеча. – Не надо нежностей, а то за педиков примут. Где Сулим?

Впрочем, я и сам уже видел небольшую, развязно галдящую порусски чёрную толпу, напоминающую стаю перелётных грачей. Поспешно отдёргнувший руку качок тем не менее ткнул меня в спину: – Вон Сулим! Психует уже.

Расплывшийся в миролюбивой улыбке чеченец впечатления нервного человека никак не производил: – А, Мища! Молодец, что приехал. Ну, давай бабки, а остальное вот уже с Валодей порешаете – где и как остальное отдавать ему будешь. – Он подтолкнул ко мне молчаливого парня, не очень походившего на бандита, несмотря на типовую чёрную куртку.

– Нет у меня денег, – угрюмо заявил я. – Не нашёл.

Спиной я почувствовал, как меня плотно обступают тупо сопящие туши.

«Только не вертеть башкой! – приказал себе я. – Нельзя выглядеть напуганным. Тем более, что здесь убивать они всё равно не будут.»

Улыбка словно испарилась с лица Сулима. – Ты чо, брат, а? – теперь он уже явно психовал. – Я чо тебе тут – клоун?! Меня люди спросят: где бабки? ты за чем летал? чо я им скажу – не нашёл?!!

Он в бешенстве взмахнул было рукой, но совладал с собой. Напрягшись, я внимательно следил за ним. Остальные – пешки, тут важно, как поведёт себя он.

– Короче, так! – решительно заявил чеченец. – Мы по-любому улетаем, но ты за этот кидок ответишь! – Он быстро взглянул по сторонам. – Валодя, ты сейчас паедешь с ним: отбери паспорт, права, всё что у него есть. Толян, ты тоже остаёшься – будете вдвоём его пасти, пока мы не вернёмся. Пусть подумает, где взять бабки, а если не найдёт – я ему лично бошку отчикаю. Он не первый такой хитрожопый! Жить захочет – значит найдёт.

Неожиданно весело подмигнув, он протянул мне жёлтую руку: – Вот так-то, брат! Сам считай, на сколько ты сейчас себя наказал. День – тысяча! Давай теперь, напрягайся, раз не захотел по-хорошему.

Я равнодушно пожал протянутую мне сухую, твёрдую ладонь: – Да я хоть усрусь, бабок всё равно не будет. Вот такие как ты и загнали меня в эту жопу...

Вокруг меня вспыхнул возмущённый ропот. – Да ты хоть понимаешь, с кем говоришь?! – хрипло выкрикнул невысокий коренастый мужичок, похожий на взъерошенного попугая Кешу. – Ты знаешь, сколько мы уже яиц без обезболивающего оторвали? ...

Сулим властно поднял руку, и все затихли. – Короче, разговор кончен. Будут бабки – останешься жить себе на здоровье, нет – пожалеешь, что мама вообще родила. Всё. Валодя, Толян – с ним. Остальные – на посадку.

Грачиная стая вокруг меня рассеялась. Толяном оказался тот самый пожилой попугай. – Пошли! – сурово приказал он, крепко взяв меня за рукав.

– Пойдёмте, – согласился я, высвобождая руку: – Анатолий, извините, не знаю вашего отчества, но здесь так ходить не принято. Могут неправильно понять. – Он грозно хмыкнул, но рукав отпустил.

Краем глаза я заметил мексиканского уборщика, сосредоточенно катящего вслед за нами тележку со швабрами. Где-то среди толпы мелькнула и алая бейсболка.

В тесном сопровождении бандитов я дошёл до припаркованного «Шевроле» Джона. – Видите ли, Анатолий... – начал было я, доставая ключ, и вдруг почувствовал, что рядом со мной никого нет.

Я круто обернулся. Рядом со мной действительно не было ни взъерошенного Анатолия, ни молчаливого Володи, ни даже мексиканского уборщика.

Была лишь полная иллюзия того, что все наконец-то оставили меня в покое. Иллюзия развеялась, когда из окна проезжающего мимо фургончика мне приветливо помахала рукой обаятельная стюардесса.

Глава 3. ЭВОЛЮЦИЯ ВИДА

В жизни есть две трагедии. Одна – не добиться исполнения самого сокровенного желания. Вторая – добиться.

Джордж Бернارد Шоу

Июль 1990 года Штаб КДВО, Хабаровск

Втроём, мы навтыяжку молча стояли перед полковником Лавренчуком.

– Ребята, – неожиданно спокойно произнёс наконец он. – Вы понимаете, что вы делаете?

Он встал и подошёл к окну. – В стране чёрт знает что творится, а тут ещё и вы мне демонстрации устраиваете, – процедил он, не оборачиваясь. – Вы о семьях своих подумали, как кормить их будете? Люди на гражданке без зарплат, без работы сидят – на что вы жить-то собираетесь?

Мы упорно молчали, искоса поглядывая друг на друга.

Он вернулся к столу и взял наши рапорта. – Ну ещё ладно бы перспектив у вас в армии не было – но ведь вы такие молодые, а уже на майорских, на подполковничьих должностях! Что вас не устраивает – объясните мне.

В кабинете опять сгустилась напряжённая тишина.

– Капитан Баженов, объясните мне, что вы собираетесь делать на гражданке?

– Работать, товарищ полковник, – негромко кашлянув, ответил я. – Делать дело.

Лавринчук удивлённо взглянул на меня. – А сейчас вы делаете не дело?

– Никак нет, – уже увереннее сказал я. – Сейчас я делаю бесполезное дело. Кому нужны эти листовки, эти пропагандистские программы, которые мы так творчески плодим? Кому нужны наши разведсводки, в которых мы докладываем правду, а нас за это называют предателями? Мир поменялся, товарищ полковник, а мы продолжаем жить в прошедшем времени...

– Ну хорошо, – остановил он меня усталым жестом. – Да, армия – это консервативное заведение, но ведь без неё не обойтись! Кто в ней служить-то будет?

– Служить будут те, кто хочет служить, – пожал я плечами. – А я хочу не служить, а делать дело.

Лавренчук иронично усмехнулся. – Ну а вот я, к примеру, хочу служить. Но если я сегодня подпишу ваши рапорта, то завтра меня уволят вслед за вами.

Я промолчал.

Полковник снова сел за стол. – Стало быть так. Уговаривать, отговаривать я вас не собираюсь. Решили – значит решили. Но три рапорта в один день я не подпишу. Определяйте сами, кто будет первым, кто пойдёт следующим, через месяц. В сентябре – третий. Пять минут вам на обдумывание.

За тяжёлой дверью мы одновременно с облегчением выдохнули. – Да, всё же Аркадий – человек! – громко прошептал Серёга Новосельцев, качнув головой. – Я уж думал он сейчас шашку выхватит, рапорта в капусту, а нас – в войска, на перевоспитание... – Он покосился на меня, – А ты помолчать никак не можешь! Зачем эти игры с огнём, споры идеологические?

– Помолчать могу, – не согласился я. – Когда меня не спрашивают. А если спрашивают – то действительно не могу...

– Ладно, ребята, у нас пять минут, – спохватился Серёга. – Как, на пальцах бросаем, или номерочки из фуражки тянем?

Капитан Бутенко громыхнул извлечёнными из кармана спичками. – На спичках надёжнее и без обид. – Он сломал одну пополам, отщипнул кончик от другой и оставил нетронутой третью. Поколдовав ими за спиной, он показал нам три зажатые между пальцами головки: – У кого короткая – идёт первым. Ну, кто?

Я решительно протянул руку и вытащил самую длинную. – Вот, блин! – выругался я, в сердцах переламывая злосчастной спичке хребет. – Получается, мне до осени тут ещё загорать...

– Ничего, Майк! – лицемерным голосом утешил меня Новосельцев, торжествующе демонстрируя короткий обломок. – Посмотришь, как мы на гражданке прозябать будем – может и увольняться раздумываешь!

Раздумывать я не собирался. Моё 12-летнее пребывание в армии, даже изначально весьма несообразное, за последние пару лет стало казаться просто вопиющим абсурдом. Страна вскипала свежими идеями, захватывающими дух возможностями безграничного полёта, а за толсто-красными стенами штаба ДВО затхлое время не могло выветриться никакими перестроечными сквозняками.

Нет, новые веяния проявлялись и там – офицерам наконец разрешили в жару носить рубашки с короткими рукавами и без галстуков, со скрипом был снят запрет политорганов на чтение журнала «Огонёк», да

что там говорить – нам даже разрешали ездить переводчиками в Китай с устремившимися туда официальными и совсем неофициальными делегациями.

После каждой такой поездки мы были обязаны представлять подробные разведывательные отчёты, но командование интересовала не реальная информация о стране, а любые факты, изобличавшие враждебность соседей к Советскому Союзу, и несостоятельность курса «авантюристических реформ китайских ревизионистов, предавших светлые коммунистические идеалы».

Писать подобную чушь было отвратительно, но без таких «реляций» путь за реку Амур, он же – Хэйлунцзян, был для нас закрыт.

За два года, прошедших со времени моего первого внезапного знакомства с Поднебесной, я побывал там более десятка раз, перезнакомившись со множеством занятых личностей как из структур власти, так и из мира стремительно матеряющего бизнеса.

Ошеломляющее большинство новоявленных русских коммерсантов имели настолько превратное представление о международных деловых отношениях, что было до красноты стыдно переводить ту несусветную ересь, которую они несли. Многие, воспитанные на добрых традициях советской халавы, вообще ехали туда лишь затем, чтобы попользоваться сказочным китайским гостеприимством, вволю попировать, до бесчувствия накачиваясь «маотаем» на щедрых банкетах, да ещё и нагло потребовать «командировочных» от принимающей китайской компании, заодно прихватив из отеля полчемодана туалетной бумаги и наборчиков для гигиены полости рта, прозванных «подарок начальнику».

С каждой такой поездкой в моей голове всё более отчётливо вызревал вопрос: почему бы вместо того, чтобы выступать в роли обслуживающего персонала для профанов и откровенных жуликов, самому не заняться каким-нибудь нормальным бизнесом с предприимчивыми китайцами?

– Миса, у тебя живой ум и изрядное образование, – тихо внушал мне в ухо генеральный директор Ляонинской международной торговой компании. – Я доверяю тебе, и хотел бы иметь дело с тобой, а не с этими... – с вежливой улыбкой он кивнул через плечо в сторону моих уже всерьёз поднабравшихся спутников.

Не зная, как реагировать, я лишь сдержанно кивал. Некоторой загвоздкой для серьёзной беседы являлось то, что она происходила в весьма пикантной ситуации – мы с директором кружили в туре вальса по диагонали гигантского танцевального зала, куда наша делегация переместилась в целях продолжения культурной программы после обильного банкета.

Приглашение на танец настолько ошеломило меня, что я почти полностью протрезвел (справедливости ради стоит признаться, что я и сам слегка злоупотребил маотаем) и поначалу решительно отказал директору, но сидящие вокруг китайцы, ободрительно загалдев, буквально

вытолкнули меня в распахнутые объятия генерального. Сделав первые неуверенные шаги по светящемуся полу, я оказался вынужден подчиниться напористо, по-мужски ведущему танец руководителю крупного международного бизнеса, стараясь хотя бы не вертеть по-блядски задом.

Несколько приободрило меня то, что вокруг нас порхало сразу несколько однополых пар, и судя по их манерам, здесь в этом не было ничего гомосексуального.

Шептать что-либо ответное, склоняясь к волосатому уху галантного партнёра, я, тем не менее, не стал.

Следующим днём мы компактной толпой человек из двадцати прогуливались по гигантскому авиарию города Шэньян. С китайской дотошностью, сдвигающей крышу мозга, там были воспроизведены ареалы обитания всевозможных пернатых со всех уголков света: суровые утёсы, усеянные подобными чёрным молниям буревестниками, гнездовья осанистых белоголовых орланов, по-американски прямодушно именуемых лысыми, роскошные гирлянды тропических соцветий с зависшими над ними радужными стайками колибри.

Крыши, между тем, никакой не было – над нашими головами сияло высокое безоблачное небо. «Почему же они не разлетаются?» – вилась в слегка похмельных извилинах изумлённая мысль, однако уже приученный к китайским извращенческим придумкам, я даже не стал задавать этот вопрос вслух.

Крышу снесло окончательно, когда я, осенённый какой-то неясной тенью, задрал вверх тяжеловатую голову: в далёкой небесной вышине, широко раскинув руки и ноги, над нами парили чёрные силуэты пяти или шести китайцев...

«Мля-а... Ужель это люди-соколы своим барражированием оберегают границы птичьего царства от попыток дезертирства?!» пронеслась в башке совсем уж дикая мысль, пока я наконец не сообразил, что это отнюдь не человекообразные пернатые, а попросту рабочие, чинящие натянутую высоко в небе невидимую для глаза сеть.

Несмотря на прозаичность открывшейся истины, мне вдруг с пронзительной остротой захотелось вот так же, раскинув руки, взмыть хотя бы в видимости свободного полёта...

– Михаил Адольфович, – подчёркнуто вежливо обратился ко мне полковник Лавренчук. – Я хорошо помню о ваших планах, но хотел бы попросить вас повременить ещё хотя бы месяц. Окружные учения через две недели, а у меня офицеров почти не осталось. Пожалуйста, отработайте уж напоследок.

Я вновь стоял перед его просторным столом, только теперь уже в одиночку. Новосельцев и Бутенко давно влились в сословие сугубо

гражданских лиц – в вихре горбачёвского сокращения вооружённых сил они были уволены с обещанным интервалом в один месяц без единой заминки. Это казалось настоящим волшебством – до сего времени существовало лишь три способа уволиться из армии: по выслуге 25 лет, по тяжёлой болезни, либо по дискредитации звания советского офицера, для чего надо было приложить немало усилий, на что зачастую уходили все те же 25 лет...

«Ох уж эти учения!» с тоской подумалось мне. «Ну до чего некстати! Ведь я через пару недель в Китай собирался – бизнес себе подыскивать...»

– Обещаю вам: на следующий день после окончания учений я подписываю ваш рапорт, – добавил полковник.

Я вздохнул. Отказать Лавренчуку я не мог.

Учения прошли триумфально. В час, когда наши доблестные войска от оборонительных действий перешли к решительно наступательным, мне в результате хитроумной спецоперации удалось залучить в наш КУНГ, замаскированный под фрагмент опушки таёжной поляны, трёх миловидных официанток из генеральской столовой, и хотя одна из них после полстакана водки внятно произнесла: «Ну ё.. твою мать!», тут же уснула с прямой спиной в неудобном крутящемся кресле, две остальные добросовестно исполнили роли покорных трофеев для услады неукротимых победителей.

Пренебрегая честно заработанным отгулом, на следующий же день после завершения манёвров я снова вырос перед столом Лавренчука. Сочувственно взглянув на меня, он молча протянул лист кодограммы, на углу которой красовался отчётливый гриф «совершенно секретно». С занявшим от нехорошего предчувствия сердцем я взял хрустящий листок.

«...Запретить увольнения с воинской службы молодых офицеров в званиях до капитана включительно, за исключением случаев реального сокращения занимаемой должности» – жёстко регламентировал секретный приказ, датированный сегодняшним числом. «Главком Сухопутных войск ВС СССР, генерал-полковник Варенников¹³» – не менее жёстко подводила итог внушительная подпись.

– Вопросы есть? – не отрываясь от бумаг на столе, осведомился Лавренчук.

– У капитанов нет вопросов, – мрачно ответил я. – Разрешите идти, товарищ полковник?

Лавренчук неопределённо махнул рукой.

---

¹³ В.И. Варенников – советский военачальник и российский политик. В 1989-91 гг. – Главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны СССР. Активный участник путча в августе 1991 г. Был единственным из подсудимых по делу ГКЧП, который отказался принять амнистию и добровольно предстал перед судом. Был оправдан.

Январь 1991 года
Неврологическое отделение
Окружного военного госпиталя, Хабаровск

– Езжай в свой Китай и ни о чём не беспокойся, – степенно загрызая лимончиком мензурку армянского коньяка, заверил меня начальник неврологического отделения майор Остапов. – Если опять проверить попытаются – скажем, что ты в карантинке с острой вирусной инфекцией. Туда ни один дурак не сунется!

– Спасибо, Палыч! – проникновенно сказал я. – Не забуду. Мне в Пекин на ярмарку ехать – край как надо: там такие серьёзные контакты намечаются! Скажи лучше, что тебе из Китая привезти?

С закрытыми глазами прислушиваясь к утончённым внутренним ощущениям, Палыч лишь с отрицанием повёл пальцами.

– Забудь! – убедительно заявил он, наконец приоткрывая веки. – Ты и так уже всё отделение задарил, сёстры вон от тебя вообще без ума. Да ведь и не мздоимцы же мы какие – просто хорошему человеку помочь хочется. Думаю, после этой госпитализации тебя уволят наверняка.

Это была уже моя третья добровольная ходка на улицу Серышева. После неудачной попытки уволиться по сокращению, единственно реалистичным остался лишь вариант по состоянию здоровья. Однако поскольку здоровье представлялось несокрушимым и нетленным, и это нагло бросалось в глаза, было необходимо убедительно изобразить весьма серьёзную хворь, чтобы добиться наконец желанной цели.

Из опыта работы переводчиком с группой советских врачей в Ливии, основной задачей которых как раз и было разоблачение уклонистов, манкирующих почётным званием воина Джамахирии, я прекрасно знал, что достоверно симулировать нельзя ничего, за исключением некоторых неврологических болезней. После тщательного штудирования медицинской литературы был избран редкостный недуг с завораживающим именем «синдром шлёпающей стопы».

Все симптомы и признаки заболевания я демонстрировал с такой добросовестностью, что сразу же заслужил безусловное уважение лечащих врачей, которым никогда ещё не попадался столь грамотный симулянт. Впрочем, свои истинные намерения я и сам скрывал недолго, и скоро весь персонал отделения сделался моим ревностным сообщником.

Папка, озаглавленная «История болезни капитана Баженова М.А.» стремительно утолщалась, хотя, числясь коечным больным, в госпиталь я забегал лишь затем, чтобы раздать китайские сувениры заботливым докторам и ласковым медсёстрам.

Февраль 1991 года
Международная торговая ярмарка, Пекин

– Так вы тоже из Хабаровска? Очень приятно! – с лёгкой надменностью пожал мне руку полноватый голубоглазый блондин. – Не поможете ли переговоры с китайцами провести, часа на два-три, не больше? Вопрос важный, а переводчик ни уха, ни рыла...

Рядом с ним стоял торжественно улыбающийся молодой китаец с толстенным фолиантом в руках, претенциозно озаглавленным «Всеохватный русско-китайский слобарь». Я вспомнил транслейтора русско-китайского языка Клима Чугункина и усмехнулся. – Что же вы без переводчика ездите?

– Да китайцы пообещали, что у них свой будет, – с досадой махнул он рукой. – А тут вот это чудо...

Толмач приветливо поклонился и, почуяв опытного коллегу, подобострастно приник ко мне: – Господин, вы не могли бы взглянуть на мою визитную карточку? Мне кажется, на русском языке напечатали с ошибкой – все, кому её даю, почему-то смеются...

Я вежливо, обеими руками принял карточку, но при взгляде на неё и сам не смог удержаться от неприличного смешка.

– Что-то не так? Ошибка? – озабоченно заглядывал мне через плечо незадачливый переводяга.

– Знаете, я бы вам посоветовал сменить имя, если вы собираетесь работать с русскими, – пытаюсь быть по-возможности учтивым, сказал я.

На пахучей визитке золочёными вензелями было выведено: «Мамин Хуй, переводчик на всю жизнь»...

– Воронин, Дмитрий, – представился напыщенный блондин. – Директор центра «Дальний Восток» – туризм, спорт и всё такое. Хочу вот международные соревнования по спортивному ориентированию у Великой стены организовать, а этот драгоман, по-моему, переводит, будто у меня ориентация нетрадиционная...

Я засмеялся: – С ориентацией разберёмся. Полдня свободных у меня есть – где ваши партнёры?

Поздно вечером, вырвавшись наконец из назойливых рук, изрядно поднадоевших за неделю ярмарки китайцев, мы с Ворониным сидели в полумраке фойе «Гранд-отеля» на парадной центральной улице Чананьцзе, неподалеку от Тяньаньмэня. В ту пору более-менее приличный кофе можно было найти только там, а этот напиток, как выяснилось, мы фанатично любили оба.

– Закормили они уже своими кушаньями, – посетовал Дима. – Хочется чего-то простого: лапши, например, какой-нибудь...

– О! – тут же отозвался я. – Хочешь, лучшей в Пекине лапшой угощу? Только для этого надо в трущобы ехать.

Через несколько минут я уже объяснял нагловатому водителю такси, в каком хутуне найти нужную нам харчевню, однако то ли мой китайский сильно ухудшился после банкетных возлияний, то ли водила оказался ещё наглее, чем виделось, но после почти часового кружения по тёмным переулкам он наконец остановился перед очень сомнительного вида забегаловкой, которой как выяснилось заправлял его родственник.

Несмотря на поднявшуюся вокруг нас суету, и даже изобильно льющуюся водку с пивом, стряпня родственника оказалась весьма посредственной, что очень расстроило меня, как истинного ценителя кухни маленьких китайских кабачков, дискредитируя моё благородное стремление поделиться своей искущённостью со случайно встреченным земляком.

Счёт, выставленный нам за лапшу, сделал бы честь ресторану «Гранд-отеля», к тому же в него оказалось включено всё, съеденное и выпитое нашим водителем (подозреваю, что не только им), но даже это не смогло вывести нас из приятного душевного равновесия.

Последней каплей соевого соуса, переполнившей чашу нашего небесного смирения, явилось наглое закидывание удочки таксистом на обратном пути насчёт оплаты его услуг как гида, причём по какому-то нереальному тарифу, на что мы окончательно возмущившись, потребовали остановить машину.

Чувствуя свою ничем не ограниченную власть над двумя подвыпившими иноземцами, он охотно высадил нас посреди совершенно тёмного закоулка, но не уехал, а медленно потащился вслед, выкрикивая на манер отца Фёдора свои предложения, растущие в геометрической прогрессии.

Воронин наконец остановился, но выскочивший из кабины чтобы распахнуть нам дверцы водила радовался преждевременно – Дима молча съездил ему правой в челюсть так, что тот мгновенно оказался под машиной.

Поднявшись с земли, несостоявшийся гид бросился к багажнику, как я было предположил за монтировкой или нунчаками, однако выяснилось, что внутри багажника всё это время отдыхал его напарник. Напарнику повезло ещё меньше, чем нашему главному обидчику – на свободе он оставался недолго: получив несколько увесистых тумачков, был насильно возвращён нами в багажник и захлопнут крышкой.

Такси проворно укатило в ночь, а мы с Ворониным оказались чёрт знает где в полной темноте и в отсутствие каких-либо признаков цивилизации. Мы медленно побрели наугад в сторону центра, затянув народную песню «Ой, то не вечер, да не вечер» чтобы хоть как-то поразвлечь мёртво спящий околоток.

Через полчаса на одном из тусклых перекрёсточков мы наткнулись на какого-то деда верхом на волах, уныло тянущих повозку, и убедили его за какие-то бешеные бабки отвезти нас в «Гранд-отель».

Сидеть в повозке оказалось невозможно по причине наличия грязи и отсутствия сидений и бортов. Пришлось встать в самом её центре, взявшись за руки, и, заглушая грохот телеги, продолжить пение. На Чананьцзе-стрит наше появление произвело фурор – жаль, что в такое время суток зрителей было не очень много. А при подъезде к крыльцу «Гранд-отеля» мы эффектно приняли позу рабочего и колхозницы (эффектности добавили наши одинаковые кожаные плащи), чем навсегда покорили сердца швейцаров и прочих присутствующих.

– Слушай, бросай ты эту свою армию, – предложил мне Воронин, когда мы вновь оказались в удобных креслах фойе, охлаждая исполнительский пыл ледяным пивом – бар исправно работал круглые сутки. – Давай совместную фирму сделаем, 50 на 50 – тут же в Китае для бизнеса поле непаханое.

– Уговорил, – коротко ответил я, делая большой глоток.

31 декабря 1991 года

Офис компании «Восток», Хабаровск

– С Новым годом, Михаил Адольфович! Вы домой-то идёте?

– Да-да, – рассеянно ответил я стоящей на пороге бухгалтерше. – Скоро идём. Давайте я дверь за вами закрою. С Новым годом вас!

Запирая входную дверь, я выглянул на улицу. Над Хабаровском сгущались синие новогодние сумерки. Вот ёлки-палки! Новый год-то уже через несколько часов! Действительно, пора домой.

Я вернулся в непривычно опустевший офис. В последние месяцы рабочая суета здесь утихала обычно ближе к полуночи.

– Дима, ты ёлку-то купил? – спросил я, входя в наш общий кабинет.

– Тьфу ты, чёрт! – выругался Воронин. – Надо сейчас заехать, а то ребёнок мне этого не простит. Не знаешь, где они продаются?

– Да хрен их знает, – растерянно отозвался я. – Забыл уже, когда в магазине последний раз был и сколько чего стоит. Хозяйством теперь только жена занимается. С этим бизнесом и жить некогда стало – пропади он пропадом!

Воронин осуждающе взглянул на меня: – Что, по офицерской зарплате соскучился?

Он встал из-за стола и подошёл к большому металлическому ящику, служившему нам сейфом.

– Кстати, давай хоть посчитаем, на сколько мы с тобой наработали.

– Он загремел амбарным замком.

– Дима! – взмолился я. – Поехали по домам! Не знаю, как тебя, а меня оттуда скоро выгонят!

– Не выгонят, – сурово заявил он, выгребая из недр ящика прямо на пол перехваченные резинками толстые зелёные пачки, вперемежку с ворохами смятых бумажек. – Когда нам ещё итоги подводить? Послезавтра всё опять начнётся – чартер с армянами прилетает...

– Они что, Новый год не отмечают что-ли? – жалобно поинтересовался я, со вздохом опускаясь на пол и обречённо собирая разлетевшиеся купюры.

– У них свой Новый год, армянский, – уверенно пояснил он. – Короче, сначала сортируем, складываем по пачкам, потом считаем. После каждой тысячи – ставь на бумажке галочку.

Со дня моего увольнения из армии «по ограниченному состоянию здоровья» прошло почти десять месяцев, и все это время меня не покидало ощущение, будто я сиганул за борт с полусонного корабля, который, медленно покачиваясь, растаял в предрассветном тумане, а я барахтаюсь теперь, плывя неведь куда, лихорадочно пытаюсь определить, в какой же стороне земля или какой-никакой островок, чтобы хоть немного перевести дух.

Сложно было поверить, что ещё в начале марта мы толком не знали, чем будет заниматься наше так называемое малое предприятие «Восток», в учредительный договор которого, как тогда было принято, мы на всякий случай забили все вообразимые виды деятельности, от «организации фестивалей, концертов, ярмарок, выставок, соревнований и прочих массовых мероприятий» и вплоть до «строительства спортивных и иных общественных сооружений».

Неизвестно как сложилась бы жизнь, займись мы строительством какого-нибудь общественного сооружения, но лукавая судьба заставила нас забыть о прочих вариантах деятельности, едва лишь открылся еженедельный прямой аэрофлотовский рейс Хабаровск – Харбин. Несмотря на вполне естественную эгоистическую радость от того, что любимый Китай стал теперь от меня всего в часе полёта, я всё же откровенно недоумевал, кто же будет летать туда за такие деньжищи: билет продавался аж за 80 рублей, что почти равнялось стоимости 8-часового перелёта от нас до Москвы.

Первые рейсы действительно отправлялись практически пустыми, но уже меньше чем через месяц всё круто изменилось.

Хабаровск оказался для всего Советского тогда ещё Союза практически первым окном в гостеприимно распахнувшийся вожделенный Китай, и через это окно сначала осторожно, поодиночке, затем мелкими группками, а вскоре уже лавинообразным потоком хлынули челноки со всех углов необъятной, жаждущей Родины. Кавказ, Украина, Белоруссия, Прибалтика, Сибирь и даже снобистская Москва ринулись насыщать китайский рынок дефицитными там в ту пору утюгами, фотоаппаратами и драповыми пальто, в обмен на ещё невиданный здесь многообразный китайский ширпотреб.

Наш «Восток» стал естественным и по сути единственным организатором и координатором этой стихийной волны небывалого ажиотажа. Всё совпало просто идеально. Благодаря моим китайским знакомствам, мы оперативно обеспечили приём и обслуживание в Харбине для нетребовательных челночных бригад, Воронинские завязки в «Аэрофлоте» позволили забронировать едва ли не все билеты на год вперёд, а встреча в Хабаровске, размещение и спроваживание сначала за кордон, а потом в обратном направлении галдящих, ругливых толп, хотя и оставалось самой колготной частью этой цепи, но тоже понемногу превратилось в отлаженный процесс.

Очень скоро одного недельного рейса стало катастрофически не хватать, да к тому же торопящимся назад челнокам было нечего делать в Китае целую неделю. Мы уговорили «Аэрофлот» сначала на один дополнительный чартер, а вскоре самолёты принялись снова туда-сюда практически каждый день. Для авиаотряда, задыхавшегося от нехватки денег на топливо, наши чартеры стали настоящим спасением – доходило до того, что аэрофлотчики отменяли неприбыльные внутренние рейсы, чтобы отправить нашим челнокам дополнительный самолёт для вывоза их безразмерных баулов.

...Когда количество моих галочек перевалило за сотню, а куча раскиданных на полу денег уменьшилась едва ли наполовину, я растерянно потёр вспотевший лоб. Мне, разумеется, приходило в голову, что заработали мы немало, но чтобы такую прорву! Воронин с хладнокровной брезгливостью считал мелкие купюры, однако и на его листе галочек хватало...

– Ну что, Михаил Адольфович, поздравляю! – торжественно объявил он, наконец стягивая резинкой последнюю пачку потрепанных бумажек. – Миллионерами мы ещё не стали, но триста тысяч меньше чем за год – тоже неплохой результат!

У меня шумело в ушах. Триста тысяч долларов! От нереальности подобной суммы я плохо представлял себе, что с этим делать дальше.

Всего лишь год назад – да, именно в такой же предновогодний вечер! – спеша со службы домой и наткнувшись на извилистую очередь за баночными ананасами, я выстоял в ней почти час, пританцовывая на морозе в тонких хромовых сапожках, чтобы купить единственную банку, хотя их давали по две в руки – на вторую просто не хватило лишь одного рубля...

Погружённый в неопределённые раздумья, я брёл в направлении дома, недоверчиво поглаживая в кармане две пухленькие пачки заморских денег, взятых на мелкие расходы, не обращая внимания на капли от тающих снежинок на лице.

Не могу сказать, что я испытывал ощущение счастья или даже радости – скорее, был просто оглушён каким-то неведомым осознанием

собственного всемогущества и доступности всего, о чём раньше не было смысла даже задумываться, подобно Шуре Балаганову, которому для полного удовлетворения хватило бы и шести тысяч четырёрхсот рублей.

Теперь я внезапно сделался человеком совсем другого сорта, и при всей пугающей новизне этого состояния, оно казалось вполне естественным, заслуженным и самое главное – вечным.

Март 1992 года

Офис компании «Восток», Хабаровск

– Михаил Адольфович, надо срочно в Харбин лететь, – входя в кабинет, озабоченно заявил Воронин.

– Дима, я же только что оттуда! – возмутился я. – Что там опять стряслось?

– Армянский бунт, – коротко пояснил Воронин. – Их мешки в один самолёт не входят, а без них они лететь отказываются. Надо уговорить, чтоб летели, а грузовик через день-два все их баулы заберёт. Иначе у нас вся чартерная цепочка ломается.

– Дим, может ты слетаешь? – жалобно попросил я. – Жена не верит уже, что я в Китай по четыре раза в месяц мотаюсь – думает, будто по любовницам шастаю.

– Кто у нас главный укротитель армян? – вместо ответа спросил Дима. – Я с ними разговаривать не могу – моя кровь турецкая тут же вскипает. Давай-ка ты следующим нашим рейсом в Харбин, а я в «Аэрофлот» – грузовик выбивать.

Я сурово покосился на турецко-подданного голубоглазого блондина и потянулся к телефонной трубке. Жена, как и ожидалось, лишь многозначительно фыркнула.

Более серьёзным препятствием стало, однако, другое: как внезапно обнаружилось, в моём загранпаспорте не осталось ни одной чистой страницы.

Кляня себя за непредусмотрительность, я помчался в ОВИР сдавать документы на новый паспорт. В коридоре толпилась куча народа и я, скрежетнув зубами, покорно уселся в конце очереди.

Минуты через три передо мною возник какой-то сержант. – Товарищ Баженов, вас просит зайти зам начальника отдела загранпаспортов, – строго сказал он.

– Ну это ещё зачем? – простонал я, ожидая какой-нибудь новой бюрократической препоны.

Вслед за сержантом я возмущённо проследовал в небольшой кабинет, однако расстраиваться было совершенно преждевременно.

Заместителем начальника оказалась весьма миловидная молодая дама в погонах старшего лейтенанта.

– Зачем же вы сидите в общей очереди, Михаил Адольфович? – вкрадчиво промурлыкала она. – Для таких клиентов как вы, у нас особый порядок оформления. Оставьте мне, пожалуйста, ваши фотографии, а паспорт мы вам доставим сами.

– А нельзя ли уж тогда выдать мне документ под номером 001? – шутливо поинтересовался я, кладя на стол фото с анкетами. – Как партбилет у Ленина.

– Можно, но я бы предложила вам номер 007, – совершенно серьёзно ответила она. – Вы куда больше похожи на Бонда, чем на Ленина.

Я более внимательно взглянул на неё. А ведь очень даже недурна! Фигура обалденная, а эти серые глаза просто чертовски подходят к ладно сидящей милицейской форме...

Она спокойно выдержала мой оценивающий взгляд и улыбнулась так, что у меня сладко заняло нечто в глубинах чресел.

– Лучше всё-таки 001, – по джеймс-бондовски усмехнувшись, возразил я. – А то, что на самом деле это 007, пусть останется нашим маленьким секретом.

Она очаровательно хихикнула, а я пружинно-уверенной походкой покинул её кабинетик.

Эх, как всё-таки чудодейственно преображает внешность мужчины наличие денег! И как магически безошибочно это тут же чувствуют женщины...

Загранпаспорт мне принесли в офис через полчаса. Конспираторскими символами в конце его длинного номера выстроились циферки 001.

Июнь 1992 года

Ресторан «Версаль», Гуанчжоу

– Позвольте сегодня я приглашу вас на ужин, мисс Ли.

– Хорошо, с удовольствием, – скромно опустив вишнёвого цвета глаза отвечала китаянка. – Только я не хочу, чтобы вы потратили на меня много денег...

– Ну что вы, мисс Ли! Потратить деньги на вас – это огромное наслаждение! Я буду просто счастлив, если смогу сделать для такой дамы хоть что-то приятное!

Моё вдохновенное красноречие имело глубоко эгоистичные корни. Впечатлить эту изящную фарфоровую статуэтку мне страстно хотелось не только потому, что она являлась заместителем крупной туристической корпорации, а нам, в дополнение к челночному, предстояло срочно развивать и цивилизованный туризм.

Дополнительного очарования длинным изогнутым очам придавало и то, что её дедуля, старик Ли Дачжао был одним из основателей

коммунистической партии Китая и соратником самого Мао Цзэдуна, и это каким-то извращенческим образом необыкновенно возбуждало.

Когда нас представляли друг другу, и она как бы невзначай заметила, что у неё очень знаменитая фамилия, я чудом не отмочил жуткую бестактность, едва не пошутив насчёт по меньшей мере ста миллионов её однофамильцев.

Выяснилось, однако, что Ли в Китае бывают разные, и теперь я обхаживал её подчёркнуто галантно, тем более что, чего уж греха таить, она была весьма хороша.

– А в какой ресторан вы хотели бы сходить?

– Если возможно... но... – ещё скромнее потупилась она. – Там, правда, дорого...

– Пожалуйста, пожалуйста! – поощрил её я. – Куда только захотите!

– Это ничего? – обрадованно вскинула она ресницы. – Тогда пойдёмте в «Кейэфси»!

– Куда?! – опешил от неожиданности я. – «Кейэфси»?

– Ну да. Там, конечно, очень дорого, но я в нём ни разу ещё не была...

– «Кентукки Фрайд Чикен»? – всё никак не мог поверить я. – Эта американская забегаловка?!

Она виновато кивнула.

– Ну уж нет! – категорически возразил я. – Если вам нравится европейская еда, то мы пойдём в настоящий французский ресторан.

– Ой! – вдруг смутилась она. – Только я ещё ни разу в жизни не ела вилок. Да ещё и с ножом.

– Не беда, – покровительственно улыбнулся я. – Я вас легко научу.

Поднявшись по мраморным ступеням вдоль дворцовых колонн гуанчжоуского «Версаля», я, признаться, и сам слегка заробел. У дверей в зал возвышались привратники не то чтобы даже во фраках – на них блистали расшитые золотом камзолы, в каких не в падлу было бы выйти на бал и самому Людовику XIV.

Оба Людовика с немыслимыми для российских швейцаров одухотворёнными лицами почтительно склонились перед нами, отворяя двери, и мы оказались в зале с воистину музейным убранством: золочёные резные потолки, свисающие канделябры, увитые коваными дубовыми листьями, небольшой камерный оркестрик, негромко наигрывающий, по моему, Дебюсси. О том, что это всё-таки ресторан, напоминали не часто расставленные, покрытые гобеленовыми скатертями столики, между которыми торжественно плавали кружевные официанты в белых париках.

– Вау! – с отчаяньем прошептала внучка основоположника китайского марксизма, когда нас сопроводили к столику, увенчанному колоссальным подсвечником. По обеим сторонам белоснежных тарелок в мерцании свечей поблёскивало штук по пятнадцать разнообразных вилок и ножей, не считая прочих неведомых мне столовых приборов.

– Спокойно! – ободряюще прошептал ей я, с достоинством скрывая собственное замешательство.

Следующим сюрпризом оказалось то, что поданное меню было исключительно на французском языке: видимо, само-собой предполагалось, что пришедшие в этот ресторан гурманы должны прекрасно разбираться в аутентичных названиях галльской стряпни.

Кроме «мерси» и Дебюсси я не смог вспомнить ни одного французского слова, а о фуа-гра тогда ещё даже представления не имел, поэтому с видом знатока наугад ткнул пальцем в несколько заковыристых наименований с множеством апострофических запятых.

Напудренный гарсон многозначительно взглянул на меня и, уважительно поджав губы, кивнул. Цены в меню также означены не были, и этот кивок мог означать что угодно. К счастью, деньги на тот момент казались наименьшей из имеющихся в жизни проблем.

Откровенно говоря, вкуса подаваемых нам блюд я запомнить не успел. Порции были столь крошечными, что использование ножей оказалось вычурным излишеством. Вдобавок, после принятия заказа у нас предупредительно убрали со стола все лишние приборы, и Ли, немного успокоившись, довольно изящно справлялась с ролью великосветской мадемуазели, а я, не без влияния нескольких бокалов бургундского, расслабленно почувствовал себя истинно французским аристократом. Однако главное потрясение ожидало нас впереди.

Когда оркестр, словно очнувшись от тягучего менюэта, грянул вдруг бравурный марш, я не сразу понял, что именно мы имеем к этому прямое отношение. Но тут в зале погас свет, а лучи прожекторов ярко высветили наш столик, к которому торжественно шествовала возглавляемая метрдотелем процессия. Четверо официантов бережно несли на носилках нечто, покрытое белой скатертью.

– Что это ты заказал?! – испуганно прошептала Ли, впиваясь мне в руку.

– Сейчас увидишь! – сделал я загадочный жест, сам немало озадаченный тем, что же мне предстояло увидеть.

Под аплодисменты посетителей и туш оркестра метр церемонно сорвал покрывало с золочёных носилок. Нашему взору предстала артистично отёсанная глыба льда с крошечной лункой величиной в чайную ложку, заполненной каким-то зелёным паштетом.

– Какое расточительство! – потрясённо выговорила она, и я понял, что впечатлил её прагматичную китайскую душу, пожалуй, чересчур. Бездарно потратить такую уйму льда – это просто не могло уложиться в голове у китаянки, к тому наследницы всенародно любимого Ли.

Вкуса зелёного паштета я не запомнил вообще.

– Ну как? – небрежно поинтересовался я у дамы, выходя из ресторана. – А теперь давай пойдём поедим в твой «Кейэфси»!

«Кейэфси» неожиданно хорошо зарифмовался с «мерси» и Дебюсси.

Сентябрь 1992 года
Ул. Калинина 135, кв.68, Хабаровск

Натыкаясь в темноте на перила, я с трудом добрёл до пятого этажа. Интересно, как ребятам удалось допереть сюда ярко-алое пианино две недели назад? Понятно, конечно, что волокли они его днём, но эти тесные лестничные клетушки для такого совершенно не приспособлены.

Спать хотелось страшно, тем более что было уже часа три ночи, однако выспаться в ту ночь мне было не суждено.

Стараясь поменьше шуметь, я отпёр дверь и натолкнулся в крохотном коридорчике на два больших чемодана. Вспыхнул свет, и в дверном проёме возникла фигура жены в длинном халате.

– Что это? – поинтересовался я, потирая ушибленную коленку.

– Твои вещички, – спокойно пояснила она. – Мне надоело это всё. Живёшь тут как квартирант, даже спать не всегда приходишь.

Это было правдой. До дома я добирался далеко не каждую ночь. И виной тому была не только моя сумасшедшая работа, но кое-что иное. Головокружительное осознание себя в роли некоего супермена, победителя, властителя жизни придавало непоколебимую уверенность, что и вести себя мне теперь позволительно как хочется.

И всё же такой решительный поворот оказался полной неожиданностью.

– И куда я пойду? – спросил я, пока ещё не веря в серьёзность совершающегося.

– Куда хочешь, – твёрдо ответила она. – Тем более, что идти тебе есть куда.

Это тоже было правдой. В ту пору меня с распахнутыми объятиями в любое время суток встретило бы немало женщин. Вдобавок, мы с Ворониным только что закончили люксовый¹⁴ ремонт двух квартир, куда планировали селить постоянно навещающих в Хабаровск партнёров из Москвы, Китая, Японии. Там им было бы куда удобнее, чем в совковом «Интуристе».

Я потоптался в коридоре. – Мы же с тобой новую квартиру собирались себе выбирать, – тупо изрёк я, не зная, что ещё сказать.

– Не нужны мне твои квартиры, – тихо ответила она. – Я всё равно обратно в Москву уеду. Как выяснилось, мы с тобой совершенно разные люди.

Для выяснения этого факта нам потребовалось лишь около года жизни, которая раньше показалась бы позаимствованной из зарубежных кинофильмов. Обрушившийся на голову поток благосостояния, шмотки,

---

¹⁴ В скором времени это стало именоваться «евро-ремонт».

машины, видеокамеры, семейные поездки в Испанию, Швецию, Таиланд, выявили вдруг то, чего совершенно не было заметно все предыдущие десять лет, прожитых в любви и согласии в захолустных военных гарнизончиках.

– Как знаешь, – вздохнул я, прошёл в спальню, поцеловал спящего сына и, молча подхватив чемоданы, вышел из двери. На улице лил осенний дождь. Подняв воротник, я побрёл на стоянку, где ночевала моя машина.

Ну, что-же, в новую жизнь – с новыми чемоданами.

Октябрь 1992 года

Офис компании «Восток», Хабаровск

– Дима! – взбешённый я влетел в наш по-прежнему общий кабинет. – Мне бухгалтерша сказала, что деньги китайцам так и не ушли до сих пор! Ты же при мне им обещал, что в начале лета переведём! Ну что за фигня?!

Он взглянул на меня своими полусонными прозрачными глазами: – Как ты любишь с деньгами расставаться, Михаил Адольфович, – заметил он вместо ответа. – Подождут твои китайцы. Больше будут ценить партнёрство с нами.

– Да откуда у тебя такие взгляды на партнёрство?! – задохнулся я. – Ведь они же все условия выполняют аккуратно, точка в точку! А мы их кидаем с оплатой постоянно!

– Потому и выполняют, что боятся деньги свои назад не получить, – с уверенностью заявил Дима. – Работать надо так, чтобы партнёр был постоянно у тебя на крючке, а не ты у него, – поучительно добавил он. – Поэтому денежки надо придерживать.

– А «Хайвай»?! Цзинь ведь прямым текстом сказал, что они обанкротятся, если мы долг не вернём. Знаешь, что значит для китайского самолюбия в таком признаться?!

– Прибедняется твой «Хайвай», – отмахнулся рукой Воронин. – Если бы у них так всё плохо было, они б уже здесь давно пороги обивали.

Я обессиленно сел за стол. – Ну вот что, Дима. Меня всё это уже достало. Давай так: ты считаешь, будто лучше знаешь, как вести бизнес – вот и веди его дальше сам. А я больше не хочу иметь с этим ничего общего. Мне надоело постоянно чувствовать себя в роли пиздобола!

Он внимательно пригляделся ко мне: – А ты, я смотрю, ещё не протрезвел, Михаил Адольфович? Всё веселишься со своими беспонтовыми дружбанами, а вот я, между прочим, все выходные с нужными людьми из администрации провёл: на рыбалке, да в бане. Можно сказать, на рабочем месте.

– Вот-вот, в этом весь ты со своими комсомольскими ухватками, – язвительно заметил я. – Тебе самому не противно с этими старорежимными хряками водку пить? Как с ними вообще возможно общаться? А мои друзья хоть не в болонии...

– Это ты позже поймёшь, чего эти «хряки» могут и с кем нужно водку пить, – сухо сказал он. – А сейчас отдай мне печать и ключи от сейфа – и можешь быть свободен.

Я встал: – Отлично! В таком случае, у меня есть все основания полагать, что я и сам справлюсь с этим делом. Бывай здоров!

Вот и прекрасно – в новой жизни новым должно быть всё! Немного помедлив перед зеркалом, я не вполне уверенной рукой сделал себе элегантную косичку.

Глава 4. ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ

*От ненужных побед остаётся усталость,
Если завтрашний день не сулит ничего.*

А. Макаревич

27 декабря 1992 года Офис компании «Майкл», Хабаровск

– Я боюсь, Михаил Адольфович, что с вашим чартером завтра будут большие проблемы.

– Какого рода проблемы? Нам задерживаться нельзя – авиабаза там военная, гражданские самолёты принимает строго по расписанию.

– Боюсь, что рейса может не быть вообще, – хмуро пояснил он.

– Что?! Это невозможно! С чего вы взяли? Мне авиаотряд уже давно всё подтвердил!

– Когда я сегодня пошёл получать полётные карты, мне их просто не дали. Сказали: не понадобятся. – Он помолчал. – Не могу вам всего сказать, Михаил Адольфович, но у вас в «Аэрофлоте» есть очень могущественные враги.

Я озабоченно положил трубку и прошёлся по кабинету.

Звонил командир воздушного судна, зафрахтованного мной на новогодний рейс в Таиланд, и сигнал был очень тревожащим. От этого чартера во многом зависела судьба моей совсем ещё юной туристической компании «Майкл».

Идея Новогоднего тура пришла мне в начале ноября, когда я стоял у серого окна, в которое порывистый ветер злорадно швырял тяжёлый мокрый снег, и казалось, будто теперь этот мокрый, бесцеремонно забирающийся в самую душу промозглый холод намерен остаться там навечно.

Я всегда плохо переносил межсезонье, а в том году оно что-то подзатынулось, и с тоской думалось, что существуют ведь на Земле места, где взгляд не наталкивается каждое утро на плотно придавленные к земле тёмно-сырые тучи, а волен расслабленно парить в голубоватой дымке прогретого морского воздуха...

«А ведь наверняка найдётся немало людей, которым нужно сейчас то же самое» – мелькнула в голове праздничная мысль. «А что, если сделать эту поездку для людей и вовсе незабываемой?...»

Уже через неделю мой цветастый ролик с рекламой первого Новогоднего тура под девизом «Как встретишь Новый год – так его и проведёшь!» всюду крутился по ставшему необычайно популярным местному телеканалу ТВА.

– Да никто не поедет в Таиланд на Новый год! – уверяли меня скептики. – Это же домашний праздник! Воронинский «Восток» вон на 5 января свой чартер рекламирует и, говорят, народу уже полно набирается...

Ещё через неделю этот народ почти в полном составе уже торопился записаться на наш рейс. Идея протянуть бокал холодного шампанского к тёплым южным звёздам попала в самое сердце новых русских коммерсантов города Хабаровска...

Вечером мне позвонили домой ещё несколько туристов из группы. – Точно рейс будет завтра? – допытывался один въедливый старичок. – Меня Воронин лично заверял, что никакого рейса не состоится – так значит мне деньги забрать у вас надо срочно и отпуск перенести, чтобы на его чартер попасть.

Я скрипнул зубами: – Вылет в 11 утра, будьте в межсекторе за два часа. А если хотите встречать Новый год при минус сорок, то у нас есть люди на листе ожидания.

– Нет-нет, что вы! Я конечно буду! Просто хотел убедиться, что ничего не отменяется. Воронин так уверенно говорил...

– Ничего не отменяется! – решительно заявил я и, положив трубку, снова тяжело задумался.

В семь утра я был уже в авиаотряде. – Да что вы беспокоитесь, всё идёт по плану, – с улыбкой заверили меня. – Вот только разрешения из Москвы пока не получено, но они как обычно до последней минуты тянут.

К девяти просторный зал нового международного сектора заполнился расфуфыренной публикой. Летели в основном семьями или компаниями, и атмосфера в зале напоминала начало какой-то парадной вечеринки.

– Майкл, ты Хабаровск на Новый год оставляешь без самых уважаемых людей! – пошутил кто-то протягивая мне шипящий бокал с шампанским. – Давай проводим Старый год, пока ещё на Родине!

– Спасибо, – озабоченно отказался я. – Чуть попозже, ребята – у меня ещё много дел.

Регистрация на рейс не начиналась – разрешения из Москвы так всё ещё и не было.

– Ну что я могу сделать? – развёл руками начальник межсектора. – Спит ещё Москва. Вот проснётся – будем запрос повторять. Пока объявляем задержку.

Я зажмурился – это означало, что вылет задерживается как минимум до трёх часов дня, если не хуже...

В зале, где сквозь оживлённый праздничный гул уже начал проступать недоумённый ропот, ко мне протиснулся КВС¹⁵ в элегантной синей форме. – Михаил Адольфович! – зашептал он. – Не ждите – разрешения не будет! Они даже самолёт к вылету не готовили...

Я резко встал. – Так, Вася! – приказал я своему рыжему водителю весьма устрашающего вида. – Скинь свою куртку и надень какую-нибудь дублёнку поприличнее – вот Рома тебе на время одолжит. Нам сейчас о-очень серьёзный разговор предстоит.

– Командира авиаотряда нет – он в отпуске! – попыталась остановить меня водородная секретарша.

Я холодно отстранил её и вошёл в кабинет. Вася молча вошёл следом и вежливо закрыл дверь. В сочетании с расшитой дурацкими крестиками дублёнкой его кривая рыжая физиономия выглядела именно как надо.

Стоящие у окна командир и его франтоватый заместитель резко замолчали и обернулись ко мне. – Что это такое?! – попытался напуститься на меня зам, делая шаг навстречу. – У нас совещание!...

Не обращая на него внимания, я подошёл к командиру и мрачно посмотрел ему в глаза. – Значит так, – веско начал я, стараясь не сорваться на истеричный крик. – Вы немедленно начинаете готовить мой самолёт и не позже чем через час объявляете регистрацию. В противном случае у вас обоих будут такие неприятности, что мало вам отнюдь не покажется.

– Это что ещё за угрозы? – вспетушился зам. – Мы не имеем права объявлять регистрацию, пока не получено разрешение из Москвы! Вот сидим вместе с Николаем Игоревичем, сами переживаем, ждём...

Я впервые взглянул на него. – Вы же прекрасно знаете, что никакого разрешения не будет, – криво усмехнулся я. – Потому что запроса вы не даже не отправляли. И поэтому в ваших интересах не валять дурака, а немедленно готовить вылет. У меня там люди солидные

---

¹⁵ Командир воздушного судна

на рейсе. Знаете, что они с вами сделают, когда узнают, каким образом вы Воронину помочь решили?

Это был чистейший блеф, но по тому, как дёрнулась щека у командира, я понял, что угодил в точку.

– Дайте команду готовить самолёт, Юрий Петрович, – хмуро прогудел он.

– Но без разрешения... – растерянно заблеял тот. – Мы ведь не можем...

– Можете, – жёстко сказал я, поворачиваясь к двери. – Вы тут всё можете. Пойдёмте, Василий Геннадьевич, выпьем на дорожку.

– Пойдёмте, – несолидно шмыгнув носом, отозвался водитель.

Через два часа я жадными глотками пил из бутылки шампанское, сидя в пилотской кабине Ту-154, и провожая блаженным взглядом исчезающие внизу заснеженные поля. За моей спиной нарастал ликующий шум уже пьяного салона.

Февраль 1993 года

Офис компании «Майкл», Хабаровск

– Привет, Мишель, поговорить надо. Я заеду с ребятами через полчаса – будь на месте.

– Кто это?

– Ну только не делай вид, что не узнаёшь! Валя Большаков и ещё группа товарищей.

Я недоволю положил трубку. Узнал я его действительно сразу, вот только говорить с ним мне совсем не хотелось. Валёк Большаков, бывший боксёр, а ныне глава одной из авторитетных «бригад» уже был зловеще известен в Хабаровске как опекун стремительно нарождающегося частного предпринимательства. Слова «крышеватель» тогда, по-моему, в обиходе ещё не было.

Начав с жёсткой трамбовки торговцев пирожками и владельцев круглосуточных ларьков, Валя одним из первых в своём бизнесе уяснил, что трясти можно не только тех, кто работает с неучтённой наличностью, но напротив – реальные деньги вращаются как раз в более уважаемых организациях.

Моя молодая туристическая компания с честолюбивым именем «Майкл» старалась быть именно такой организацией. Категорически отмежевываясь от Воронина, прочно нажившего себе репутацию беспринципного стервятника, я стремился к строго противоположному, пытаюсь буквально во всём создать имидж хрустально порядочной, высокопробной фирмы.

Антураж и понты играли в этом деле далеко не последнюю роль. Я важно разъезжал с шофёром по Хабаровску на огромном чёрном «Шевроле», со мной уважительно здоровались, обо мне говорили и писали, моя креативная реклама занимала самое престижное место в газетах, на радио и телевидении. Огромный рекламный щит компании «Майкл» возвышался прямо над крышей бывшей Высшей партийной школы на площади Ленина, в которой респектабельно расположился мой офис, мозоля глаза небогатым тогда ещё руководителям краевой администрации.

Многие из наших фееричных туров в Китай, Таиланд, Корею, Израиль были уникальными и первыми в истории российского туризма, но больше всего услаждало душу то, что клиенты возвращались к нам снова и снова, таща с собой родню и друзей. Оборот туристов очень быстро взлетел у нас до объёма таких закоснелых зубров, как «Интурист», «Турист» и «Спутник».

Однако столь широкая известность приносила и не вполне съедобные плоды...

– Нехорошо, Мишель, – не здороваясь, начал разговор Валёк, без стука распахнув дверь в мой кабинет. – Нехорошо!

Вслед за ним в комнату вступили два тяжеловеса очень боксёрского вида и, сумрачно глядя на меня, остались стоять у двери.

Валёк подошёл к моему столу, с назидательным видом поднял палец и уселся на диван, положив ноги крест-накрест на стеклянный журнальный столик.

– Я всё понимаю: бизнесмены ссорятся, расходятся, это бывает. Но в те же лунки падать негоже, Мишель, – наставительно продолжал он.

– Какие лунки, о чём ты, Валентин? – спросил я, стараясь оставаться спокойным.

– Что тебе непонятно? От Воронина ушёл, а сам тем же самым занялся? Ты же знаешь, что мы с ним, как бы это сказать, хорошие товарищи. Я его бизнесу помогаю, а ты, получается, мешаешь, да ещё и его наработками пользуешься.

Он строго посмотрел на меня и сбросил с вытянутых ног туфли, распространив по офису тошнотворный запах несвежих носков.

– Валь, так по-твоему, я туризмом вообще не должен заниматься? – морщась, искренне возмущился я. – Только потому, что его Воронин уже окучивает? Но видишь ли, у него свой подход, а у меня – свой. И все наработки, особенно китайские, вообще в основном мои, а он только дело портил постоянно своим жлобством. Я ведь ему тоже претензии могу предъявить...

– Красавец! – ехидно рассмеялся Большаков и оглянулся на своих быков, как бы приглашая разделить его веселье. Те охотно оскалились... – Претензии предъявлять ты в другом месте будешь, – снова посерьёзнев, заявил он. – А сейчас нам надо разобраться, как с тобой быть, чтобы ты у Воронина поперёк дороги не стоял.

– А с кем надо разбираться? – поинтересовался я. – Я ничего непорядочного по отношению к нему не делаю: в «Аэрофлоте» не интригую, чартеры не саботирую, клиентов его не переманиваю, не звоню, как он моим. Свободный рынок: пусть люди сами выводы делают, в «Восток» идти или к «Майклу».

– Красавец! – ещё раз улыбнулся Большаков, но на этот раз почти без ехидства. – Да ты просто красавец, Мишель.

Он наконец-то натянул туфли и поднялся.

– Ну что-ж, я только один выход здесь вижу: нам надо с тобой вместе работать, – внушительно сказал он. – Смотрю, человек ты серьёзный и не пугливый, что важно. В разговоре наглый, – добавил он с некоторым уважением. – О'кей, Воронин сам по себе, но у нас с тобой ведь могут быть и свои отношения, правильно я говорю?

– Неправильно, – сухо ответил я. – Ты же сам сказал, что имеешь интерес в его бизнесе. А раз мы с ним в конкурентных отношениях находимся, ты же будешь ему в первую очередь подыгрывать.

– Ну почему же? – прищурился он. – Если у нас и в твоём бизнесе своя доля будет, мы и тебе сможем помочь.

– В чём? – высокомерно отозвался я.

– Ну, мы будем решать все твои проблемы, – вкрадчиво пояснил Большаков.

– У меня нет никаких проблем, – раздельно сказал я, глядя ему прямо в глаза.

Валёк приподнял бровь. – Ошибаешься, – угрожающе сказал он. – Теперь у тебя ЕСТЬ проблемы. Теперь у тебя МНОГО проблем...»

Проблемы начались буквально на следующий же день. Утром на крыльце здания ВПШ я застал трёх здоровенных быков в коже, громоздко топчущихся перед дверями. На моих глазах они остановили элегантно одетую женщину: – Куда? В компанию «Майкл»? Нет больше такой компании, идите отсюда!

Узнав меня, они, молча сопя, расступились, и я, свирепо взглянув на них, прошёл в офис. Там суетились взволнованные сотрудники.

– Михаил Адольфович! – при виде меня наперебой загомонили он. – Ну слава богу, с вами ничего не случилось!...

– А что со мной могло случиться? – недовольно поинтересовался я, заходя в кабинет. Они встревоженной толпой прошли следом.

– Да тут такое творится: вон Лере звонили несколько раз вечером, сказали, что её детям головы оторвут, если она на работу выйдет! Она дома сидит, трясётся вся, ждёт, чтобы вы ей сказали, что делать...

– Моим родителям тоже звонил кто-то вчера. Посоветовали, чтобы я себе другую работу искала, – сообщила секретарша. – Они меня из дома выпускать сегодня не хотели.

Я сел за стол. – Так, ребята. Если кто-то чего-то боится – может сразу писать заявление, я не обижусь. Но вас просто берут на пушку, я знаю кто, и я с этим разберусь. Всё это – дешёвые наезды. Ну а коли дело дойдёт до серьёзного, то начнут с меня – в этом можете не сомневаться. Поэтому, пожалуйста, по рабочим местам и никакой паники.

Продолжая беспокойно перешёптываться, работники разошлись по комнатам, а я задумчиво поднял трубку, но кому звонить в такой ситуации я, честно говоря, понятия не имел. Надо было хотя бы успокоить Леру.

Однако это, как выяснилось, было лишь прелюдией.

Через три дня меня вызвали на заседание комиссии по туризму при администрации Края. Я в раздражении отправился туда, досадуя лишь на бездарно потраченные несколько часов, ещё не подозревая подвоха. Уж чего-чего, а нареканий по поводу качества работы к нам быть не могло.

Однако, первый же вопрос комиссии, состоявшей в основном из каких-то криво повязанных тёток, заставил меня насторожиться: – Товарищ Баженов, вот ваша фирма занимается международным туризмом, а вы скажите, имеется ли у вас гостиничная база?

– Мне не нужна гостиничная база, – с недоумением ответил я. – Во-первых, у меня есть договоры со всеми приличными гостиницами города, а во-вторых, я в основном работаю на отправку российских туристов за рубеж...

– Это не имеет значения, – перебила меня председательствующая с явно райкомовскими замашками. – Согласно постановлению Совнархоза о международной туристической деятельности от 15 апреля 1962 года, этот вид деятельности разрешён только организациям, имеющим свою гостиничную базу.

– Какого-какого года? – с ироничной ухмылкой переспросил я.

– Одна тысяча девятьсот шестьдесят второго, – не смущаясь повторила райкомовская тётка, – Новых документов, регламентирующих международный туризм, правительство пока не приняло, поэтому мы вынуждены руководствоваться старыми. Следующий вопрос: у вас имеется свой автотранспортный парк?

– Зачем мне такая обуза? – искренне рассмеялся я. – У нас есть несколько легковых автомобилей, а автобусы мы арендуем у предприятий по мере необходимости...

– В том же постановлении Совнархоза говорится, – неумолимо продолжила она, – Что международной туристической деятельностью разрешено заниматься только организациям, имеющим свой автотранспортный парк.

Я промолчал, уже начиная догадываться, к чему всё это идёт.

– Таким образом, – торжествующе продолжила председательница, – Лицензия компании «Майкл» на занятие международным туризмом аннулируется на основании несоответствия установленным требованиям...

– Позвольте! – с возмущением воскликнул я, всё ещё не веря в происходящее. – У нас в Хабаровском крае, насколько мне известно,

несколько сотен туристических фирм, но только у трёх из них в принципе могут быть гостиницы и автопарки как наследство советского строя. А моя фирма, не буду скромничать, лучшая по многим показателям, если сравнивать...

– А вы на других не кивайте! – строго оборвала она меня. – С остальными мы после разберёмся, а сейчас речь идёт о вас. Вот устраните недостатки – и можете снова подать заявку на выдачу лицензии. До свидания. Протокол решения комиссии получите по почте.

Совершенно оглушённый я доплёлся до офиса, но там меня ожидал удар не меньшей силы. Не успел я усесться за стол, соображая, что же теперь делать, как в кабинет возбуждённым шмелём влетел лысенький замдиректора ВПШ.

– Значит так, Майкл! – завопил он с порога. – Извини, но придётся тебе поискать новый офис. Принято решение весь этаж переделать под общежитие, так что три дня тебе сроку, и с понедельника тебя здесь нет!

– Ты что, Петрович?! – в оцепенении прошептал я. – У нас же с тобой договор аренды на пять лет, я же только что ремонт всего крыла сделал, спутниковую связь провёл...

О том, что помимо этого я не так давно бесплатно свозил его с любовницей в романтический тур по Италии, я деликатно умолчал.

– Да какой тут договор?! – замахал он руками. – Все договора отменяются на хер! Пять дней тебе даю, и это всё!

До вечера я почти бездумно просидел за своим столом. Часов в семь, прихватив из сейфа бутылку «Арарата», я отправился к Петровичу. Тот был по-прежнему наэлектризован, но по крайней мере на коньяк взглянул с интересом.

– Петрович, давай-ка по пять капель, – сказал я, запирая за собой дверь его кабинета. – И расскажи мне, кто тебя так трахнул, что ты на себя не похож.

Нервно проглотив треть стакана, Петрович слегка размяк, и мы, закурив, уселись в кресла.

– Майкл, – виновато начал он, стряхивая пепел. – Ты классный мужик, я тебя очень уважаю, и поверь – то, что ты для меня сделал, я помню. Все деньги за эту поездку я верну.

Он помолчал и, вздохнув, налил себе ещё. – Но мне сегодня было сказано, чтобы тебя в этом здании не было. – Он поднял по-собачьи страдальческие глаза. – И сказали мне это люди, с которыми я спорить не могу. Поэтому уж извиняй. Так и быть, неделю тебе даю, но если ты через неделю не исчезнешь – я вылечу отсюда вслед за тобой.

Что делать дальше я, откровенно говоря, не представлял. Было совершенно очевидно, что за меня взялись серьёзно, и задействованы тут

не только бандиты, которых тогда только ещё начинали называть мафией, но и административный ресурс, и я этого явно недооценил.

Ко всем моим легкомысленным просчётам, я был ещё и чужаком в этом городе, где многие знали друг друга со школьных скамеек и могли по-свойски разрешить разнообразные трения. Воронин оказался прав – тесных знакомств с сильными города сего мне явно недоставало.

Пока меня выручало везение и порою – отчаянный блеф, но для того, чтобы бизнес мог чувствовать себя уверенно, нужно было нечто гораздо большее.

Мне оставалось либо закрыть фирму, сказав «простите» верившим в меня сотрудникам, и бесславно уехать в более доброжелательные края, либо... Либо принять бой, однако в одиночку выиграть его было нереально.

Первым человеком, который пришёл мне на ум в результате этих размышлений, оказался полковник Лавренчук.

– Аркадий Викторович, – уважительно сказал я в трубку. – Прошу прощение за беспокойство, но мне нужна от вас помощь или хотя бы совет.

Следующим вечером мы сидели с его другом на третьем валютном этаже ресторана «Саппоро», поглядывая как японский повар по-самурайски, точно личного врага, расчленяет для нас гигантского краба.

– Буду с вами откровенен, – вытирая руки влажной салфеткой изрёк глава краевого УБОП.¹⁶ – Все эти имена нам прекрасно известны, кто и чем занимается мы тоже отлично знаем, но сил и средств что-либо сделать у нас пока нет. Вдобавок, – он понизил голос, – В этом задействованы некоторые должностные лица на таком уровне, что у нас тем более нет полномочий даже вмешаться.

Лавренчук сокрушённо покрутил седеющей головой.

– Но погодите, – утешил нас местный комиссар Каттани.¹⁷ – Придёт время, и всё станет на свои места. И все сядут на свои места, – пошутил он, принимаясь за краба.

Я хмыкнул. – Когда же это время прекрасное придёт? У меня ведь бизнес серьёзный рушится! Ещё неделя – и фирму можно будет закрывать. Я свои контракты выполнять не в состоянии...

Каттани пытливо взглянул на меня. – Скажите, а вы догадываетесь, сколько получают мои сотрудники? – Не дождавшись ответа, он продолжил: – И как вы думаете: будут они защищать ваши деньги за такую зарплату?

Он наклонился ко мне и стал похож не на комиссара, а на самого заправского мафиози: – Закон сейчас такой: делаешь деньги – делись с кем следует, чтобы вообще всё не отобрали.

Как ни в чём ни бывало, он со знанием дела принялся обсасывать крабий карапакс.

---

¹⁶ Управление по борьбе с организованной преступностью.

¹⁷ Главный герой популярного в те годы итальянского сериала «Спрут», бескомпромиссный борец с сицилийской мафией.

– ...Бля, ну и козероги Большак с Ворониным! Весь Хабаровск гудит, как они тебя круто обложили. Но, короче, не ссы: будешь с нами – никто тебя не тронет, продолжай себе работать спокойно без проблем.

– А что значит: с вами? – осторожно поинтересовался я. – Сколько я буду должен за вашу помощь?

Хван добродушно заулыбался: – Да нам-то много не надо! Процентом на 15-20 включи нас в учредители, и всё сразу наладится. Главное – чтобы все знали, что мы официально вместе.

После сокрушительных нокаутов последних дней это великодушное предложение казалось слишком хорошим, чтобы быть похожим на правду. Я внимательно посмотрел в смеющиеся корейские глаза Хвана: – А с офисом как быть? Мне сказали, что в пределах Хабаровска моей фирме ни одно помещение никто в аренду сдать не осмелится.

Хван нахмурился: – Я же тебе сказал: не кипешуй. И в офисе своём останешься, и лицензию тебе вернут, и пикнуть больше ни одна мандавошка не посмеет. Теперь мы твои проблемы решаем. Большак, правда, на говно изойдёт за то, что ты его так пробросил, но тебя это никак не коснётся. Пока ты с нами, – добавил он многозначительно и поднялся.

– Готовь новые учредительные документы, наши паспортные данные тебе Боря оставит. А мне пора идти, поздно уже, хулиганы в подъезде по вечерам шалят.

– Хулиганы! – зашёлся смехом сопровождавший его высокий видный парень с явно боксёрскими, мосластыми руками. – Что тебе хулиганы, Витёк? Сам-то ты кто?

– Я – мафия, – серьёзно отозвался Хван. – А от хулиганов никто не защищён в наше-то лихое время.

Он подмигнул и протянул мне руку: – Ну, хоп! Работаем вместе.

Март 1993 года

Ресторан «Саппоро», Хабаровск

– Извините, но в вечернее время детей в ресторан мы не пускаем.

– А что такого, если ребёнок с отцом в ресторане поужинает? – возмутился я. – У вас же приличное заведение, даже музыкантов нет, слава богу!

Мне было необходимо покормить 8-летнего сына, которого я как обычно забрал к себе на воскресенье, и лучше места для этого, как мне казалось, придумать было нельзя. В ту эпоху «Саппоро» в Хабаровске

являлся одним из немногих ресторанов, где было возможно вкусно покушать.

– Извините, но эти правила установлены городской администрацией.

– Что за отрыжка совкового менталитета! – рассвирепел я. – А чем вы мне прикажете ребёнка накормить? У меня дома продуктов не водится!

– Знаете, что? – доверительно зашептала администраторша. – Я вижу – вы человек состоятельный, можете себе позволить. Идите на 3-й этаж – там за валюту, поэтому никто вам ничего не скажет.

– Замечательно! – обрадовался я. – Значит, если за валюту – то совковые правила отменяются?

Администраторша лишь виновато улыбнулась мне в ответ.

Я растроганно смотрел на такого уже взрослого сына, внимательно изучающего меню.

– Не знаю, пап, – скромно сказал он, наконец откладывая его в сторону. – Что-то ничего не хочется.

– Э, нет, – заявил я. – Так не пойдёт. Я тебя обязан маме вернуть в том же виде, в котором ты был мне выдан – то есть, в накормленном.

Жестом я подозвал ожидавшую в стороне официантку: – Девушка, посоветуйте, пожалуйста, чем мне молодого человека накормить. А то он стесняется чего-то.

– Добрый вечер! – приветливо склонилась она к ребёнку. – Ты салатик из крабов будешь?

– Буду, – послушно отозвался сын.

– А вот ещё салат вкусный у нас есть из папоротника, будешь?

– Буду, – повторил он.

– А супчик японский?

– Буду, – согласился и на это сын.

– А суши? Это такие рисовые колобки с разными морепродуктами внутри...

Когда обрадованная официантка отошла от столика с заказом блюд на десять, я подозрительно покосился на ребёнка: – И ты что, всё это съешь?

– Да нет, конечно, пап, – смущённо улыбнулся он.

– Так зачем же ты это всё поназаказывал?!

– Ну она ведь предлагала, – невинно взглянул он на меня. – Как-то неудобно было отказываться...

Я расхохотался. Сын мой сызмальства отличался деликатностью и тактом.

– Знаешь, пап, – сказал он вдруг, поднимая печальные глаза. – Мамка решила в Москву возвращаться. Говорит, её здесь не держит ничего.

Этого я боялся давно. Хоть я и гордо не предпринимал никаких шагов, чтобы восстановить семью, внутри отчего-то жила вера, что это всё же произойдёт само-собой.

Развод я переносил гораздо тяжелее, чем предполагал, и тем более чем хотел это показать. Наверное, с месяц после расставания я зачем-то упрямо спал на полу у стены, укрываясь старой капитанской шинелью, хотя в одной из комнат моей квартиры стоял огромный раскладной диван, а во второй – перинная кровать. Но лечь одному в пустую постель представлялось мне чем-то противоестественным.

Уходя из дома, я теперь всегда оставлял включённым свет и работающий телевизор, чтобы только не возвращаться поздно вечером в тёмную, молчаливую квартиру...

– Ничего, сынок, – сказал я, кладя руку на его худющее плечо. – Мы с тобой часто будем на нейтральной территории встречаться – в Таиланде, или, скажем, в Испании. Мамка ведь разрешит тебе со мной ездить?

– Разрешит, – грустно сказал он и отвернулся.

Май 1993 года Аэропорт Хабаровска

... – Уважаемые встречающие! Рейс 4627 из Южно-Сахалинска задерживается по метеоусловиям Сахалина. Время прибытия будет объявлено дополнительно, – бодро объявила дикторша, радуясь неизвестно чему.

– Он что, до сих пор даже не вылетел?! – застыл я посреди пустынного международного сектора Хабаровского аэропорта. Это была уже третья задержка рейса, и теперь мой тщательно разработанный план помпезной встречи делегации разваливался на куски.

Прибывающая южно-корейская группа из десяти человек имела для меня неописуемо важное значение. В ней были не простые туристы, но директора туристических компаний, осваивающие новый для своего бизнеса маршрут, по которому должны были вскоре хлынуть потоки путешественников Страны Утренней Свежести¹⁸, жаждущие наконец взглянуть, что представляет собой их таинственный северный сосед.

Моей фирме было предложено стать их основным агентом.

– Майкл, никаких проколов допускать нельзя! – строго предупредил меня месяц тому назад директор одной из самых авторитетных турфирм Кореи мистер Пак (которого мои весёлые сотрудники прозвали «мистер Фак»). – Проверь и продублируй всё по два-три раза! Я уговорил этих людей поехать со мной, и все претензии будут потом ко мне. Ну а если получится нормально – это миллионный бизнес!

Я выверял каждую деталь по десять раз.

---

¹⁸ Страна Утренней Свежести – дословный перевод иероглифического названия Кореи.

Встретить корейцев должны были у трапа и вместе с багажом отвезти к зданию новенького международного сектора, несмотря на то, что рейс был внутренним.

У ступенек аэровокзала нас ждал арендованный комфортабельный «Икарус» с «самым ответственным», как меня уверили, водителем.

Десять забронированных «Интуристовских» номеров были до стерильности выдраены моими сотрудницами. По пути в аэропорт я заехал туда ещё раз и убедился, что на столики поставлены цветы и вазы со свежими фруктами с рынка, а в ваннных комнатах висят купленные махровые полотенца и разложены нормальное мыло, зубные пасты со щётками и прочие необходимости, о которых тогда ещё не имел представления наш совковый гостиничный сервис.

Венцом вечера должен был стать роскошный банкет в зале бизнес-центра «Парус», безусловно лучшего в Хабаровске на тот момент ресторана, гордо возвышавшегося на крутом берегу Амура.

Я взглянул на часы. Блин, теперь даже при лучшем раскладе придётся сразу ехать на банкет, а уж потом в гостиницу. Скомкано как-то получается. – И какой корейский чёрт понёс их в Южно-Сахалинск?! – уже в который раз посетовал я вслух. – Нет бы прилетели прямым рейсом из Сеула...

Впрочем, мотивы этого чёрта мне были известны – корейцы прежде всего вожелели ознакомиться с жизнью и бытом своих соотечественников, обширную колонию которых ветер истории занёс более полувека тому назад на Сахалин.

Как я и предупреждал, хорошего из этого вышло мало. Толком им ничего так и не показали, промариновав большую часть времени в приёмных каких-то мифических обществ дружбы, ну а лучшая гостиница острова показалась корейцам ночлежкой низшего пошиба.

Мистер Фак позвонил мне оттуда утром и скорбным голосом поведал, что спать там невозможно в принципе, а вдобавок в «отеле» накануне приезда важных гостей решили потравить тараканов, что на тараканах не сказалось никак, зато сильно добавило вони в и без того не самых уютных номерах.

Я очень рассчитывал отыгаться на своей территории, но «Аэрофлот» в очередной раз спутывал все карты.

На улице уже вечерело. Я подошёл к утробно рокочущему «Икарусу» и заглянул в кабину. – Глуши мотор, – сказал я водителю. – Ждать ещё как минимум часа полтора.

Он преданно взглянул на меня: – А за простой мне ничего не полагается?

– Полагается. Только отсюда – никуда! – строго буркнул я и сунул ему зелёную двадцатку.

– Едем, шеф? – поинтересовался из-за плеча Вася, ревниво провожая взглядом исчезнувшую в кармане коллеги бумажку.

– В «Интурист», потом в «Парус», – проворчал я.

Знакомая администраторша за стойкой при виде меня расцвела и колыхнулась навстречу: – Добрый вечер, Михаил Адольфович! Привезли?

– Рейс задерживается, – вздохнул я. – Заехал узнать, всё ли в порядке.

– Да что же вы так беспокоитесь?! – всплеснула руками она. – Номерочки ваши забронированы, ключики вот лежат, все десять...

Эх, забрать бы мне тогда эти ключики с собой!

В «Парусе» меня обнадёживать не стали: – Кухня у нас закрывается в 10, после этого будут только холодные закуски. Официантки уходят в 11. Если не успеете – задаток не возвращается.

Я окинул грустным взором празднично накрытые столы в пустом банкетном зале и молча вышел.

– Вылетели, шеф! – радостно подскочила ко мне Валерия, едва я появился в зале межсектора. – Полчаса назад!

Я быстро взглянул на часы: значит надежда ещё есть!

Туша «Икаруса» темнела на своём прежнем месте. – Через час прилетят, – сообщил я в окно водителю. – Отсюда – никуда!

Тот понативно кивнул.

Когда до прибытия сахалинского рейса оставалось минут десять, вновь объявилась всё та же жизнерадостная дикторша: – Произвёл посадку чартерный рейс из Харбина. Встречающих просят пройти в международный сектор аэропорта.

– О, нет!!! – простонал я. – Какой к чёрту чартер?! Только этого ещё не хватало...

У меня совершенно вылетело из головы, что сегодня среда, а значит вечером прилетает наш же собственный рейс из Харбина с безумной толпой челноков.

Спустя четверть часа тихий и уютный зал межсектора напоминал поруганный Иерусалимский храм, из которого Христу предстояло изгнать торговцев и менял. Весь пол был завален грудями баулов и мешков, между которыми с возбуждёнными криками сновали взмыленные челночники. На многих, несмотря на жару, были надеты по две, а то и три кожаные куртки – проходя таможду, они не моргнув глазом, уверяли, что это их личная одежда.

– Товарищ Бажанов! – ринулся ко мне предводитель армянской орды Арташез Манукян. – Спасибо, что встречаешь! Отлично съездили! С меня чемодан коньяков, как всегда! – Он заговорщически подмигнул: – Начальник таможди – хороший человек. Всех наших пропустил без досмотра...

Шум в зале нарастал. Я беспомощно огляделся. В углу зала возвышалась худощавая фигура главы межсектора Шуткевича,

действительно похожего на Христа, но он, судя по всему, никого из своего храма изгонять не собирался.

Корейцы появились в самый разгар вакханалии, когда громогласная ругань челноков уже грозила перерасти в масштабную потасовку. Испуганно косясь на разгорячённых поединщиков, они пробирались к выходу, тщательно огибая мешочные завалы.

– Мистер Пак, – бросился я к ним навстречу. – Добро пожаловать в Хабаровск! А где ваш багаж?

– Не знаю, – отрешённо отозвался кореец. – Сказали получать в международном отделе.

– Виктор Петрович! – воззвал я к Шуткевичу. – Я же просил их багаж доставить вместе с ними! Где сейчас его искать?

Шуткевич грустно взглянул на меня: – Грузчики как всегда всё напутали. Видят: иностранные чемоданы, значит надо через таможеню. Теперь вот придётся ждать, пока со всем этим барахлом разгребутся....

Когда зал межсектора наконец опустел, из-за стойки таможни на грязный, заваленный мусором пол вылетели один за другим десять чемоданов. Некоторые из них были широко раскрыты.

Пока Валерия и Вася помогали потрясённым корейцам привести в порядок вещички, я вышел на крыльцо и похолодел: «Икаруса» не было!

Не веря своему зрению, я снова и снова обшаривал взглядом привокзальную площадь: ничего, даже отдалённо напоминающего автобус, во всей округе не наблюдалось.

На крыльцо стали вытягиваться корейцы со своей поклажей.

– Я сейчас! – крикнул я окончательно офонаревшему мистеру Факу и отчаянно рванул в сторону трассы. Никаких иных вариантов в голову не приходило.

После множества безуспешных попыток, мне наконец удалось остановить старенький, покрытый разноцветной грязью «Пазик». – За сто долларов довезёшь группу до «Паруса»? – крикнул я рябому водителю.

– Не! Не по пути! – беззаботно отозвался он и попытался закрыть дверцу, но я вцепился в неё железной хваткой. – Двести! Двести пятьдесят дам, только отвези!

Когда дребезжащий тарантас лихо подкатил к крыльцу межсектора, глаза корейцев стали противоестественно круглыми. Такого они наверняка не видели даже на Сахалине. Внутренности автобуса были ещё грязнее, чем его неприглядный экстерьер. Предположение, что в нём перевозили свиней, казалось нелепым, но такой же нелепостью было полагать, будто в нём могли ездить люди.

Корейцы сгрудились в серединке «салона», по-товарищески держась друг за друга и за чемоданы. Взяться за ржавые поручни, а тем более сесть на изодранные в клочья сиденья никто не решился. Я стоял рядом с водителем, не осмеливаясь обернуться.

В «Парус» мы безнадёжно опаздывали. – Простите! – виновато сказал я. – Но банкета сегодня не будет. Поужинаем в «Интуристе».

– Мы уже не хотим кушать, – вежливо ответил за всех мистер Пак. – Мы хотим только отдохнуть.

– Это сейчас! – обрадовался я. – В гостинице нас ждут!
Но радовался я преждевременно...

– А что вы хотели? – визгливо наседала на меня уже незнакомая администраторша. – У нас тут люди в вестибюле спят, а я десять номеров пустыми держать буду?!

– Так я же забронировал их! – не веря теперь уже своему слуху, повторил я. – Три часа назад проверял – Мария Андреевна сказала: всё в порядке!

– Забронировал – значит вовремя приезжать надо! – парировала она. – А Марья Андреевна сменилась уже! Что она тут круглыми сутками дежурить должна с китайцами вашими?

– Корейцами, – машинально поправил я.

– Ещё лучше! У нас американцев селить некуда, а вы тут ещё с какими-то корейцами! ...

Корейцы стояли поодаль молчаливой кучкой, уже почуяв неладное.

– Вот что! – начал я, медленно свирепея. – Каким американцам и за сколько вы мои номера отдали – это мы завтра разберёмся. И не с Марией Андреевной, а со Львом Палычем, директором вашим. А сейчас предупреждаю: если вы через десять минут не найдёте, где разместить группу, то в вашей жизни прямо сейчас начнутся большие сложности.

Видимо, в моём озверевшем виде было нечто, заставившее её поверить, что я не шучу. Она резво принялась накручивать телефонный диск.

Пока мы молча ожидали в вестибюле, из открытых дверей переполненного ресторанный зала разносился пьяный гогот и звон посуды, напоминающий лязг зубов, периодически заглушаемые «Стюардессой по имени Жанна», гремящей третий раз подряд, и я порадовался, что корейцы не повелись на моё предложение там отужинать.

– Вот два номерочка для вас нашла! – подобострастно доложила лицемерная администраторша. – Мы туда ещё по две раскладушечки поставим – восемь человек и разместятся. Ну а остальные двое могут пока тут на диванчике, а утром всё решим...

– Какой ещё диванчик?! – взорвался было я, но тут по плечу меня похлопала чья-то бодрая рука.

Я обернулся. – Товарищ Бажанов! – светился радостью лик всё того же Арташеза. – Спасибо тебе ещё раз! Всё на высшем уровне – доехали, разместились... – Он повёл хитрыми глазами в сторону администраторши: – Дежурная – хороший человек! – доверительно шепнул он. – Всем двухместные номера дала! ...

– Вот что, Арташез! – крепко взял я его за рукав. – Мне срочно нужны хотя бы три твоих номера. Можешь своих людей уплотнить? Я в долгу не останусь.

Взгляд армянина стал блуждающим. – Товарищ Бажанов, ну как я могу? Люди устали, некоторые уже отдыхать легли. Да и вещей у нас – сам знаешь...

– Значит так, – жёстко сказал я. – Либо ты даёшь мне два номера, либо о Китае можешь забыть. Я твои группы принимать не буду!

Это был тон, который Арташез понимал хорошо. Через несколько минут я разводил корейцев по наспех освобождённым комнатам. Те, кто оказались по двое, вынуждены были соседствовать с армянскими мешками – девать их действительно было некуда.

Пошатываясь, я спустился в вестибюль. Ноги сами норовили свернуть в сторону бара, дабы хоть немного снять стресс, однако нынешним вечером дел предстояло ещё много.

У дверей меня ждали Вася с Валерией. Их похоронные лица, видимо, были отражением моего убитого вида, и я через силу улыбнулся:

– Ничего, ребята, завтра реабилитируемся. Лера, срочно найди этого козла с «Икарусом» и скажи, чтобы завтра с 8 утра дежурил здесь как штык! И пусть подготовит объяснительную, куда он сегодня делся. Позвони мне потом домой в любое время!

Я повернулся к Васе: – Ну а мы с тобой в «Саппоро» – завтрак корейцам заказывать.

В «Саппоро» меня давно знали, как облупленного. Там я буквально столовался, обедая и ужиная едва ли не каждый день, а порою, когда времени рassiживаться не хватало, официантки заботливо упаковывали мне еду прямо в ресторанный посуде, увернув её в накрахмаленные салфетки.

– Добрый вечер, Михаил Адольфович! – поприветствовал меня швейцар, гостеприимно распахивая двери в зал. – Что-то не видел вас ни вчера, ни сегодня.

Я лишь устало сунул ему традиционную бумажку и направился напрямиком к директрисе.

– Ну конечно, конечно! – со своей всегдашней ласковой улыбкой обещала она мне. – Всё сделаем как полагается: блинчики с икрой, омлет с гребешками, крабов камчатских для вас найдём. Девочек я самых симпатичных утром поставлю – пусть ваши гости завтракают с удовольствием!

– И ваших фирменных салатиков побольше, пожалуйста, – напомнил я. – Они у меня завтра с утра голодными будут...

Дома на автоответчике меня ожидало сообщение Валерии: – Михаил Адольфович, водителя нашла, завтра будет в 8 у «Интуриста». Клянётся-божится, что из аэропорта никуда не девался, что отвёз группу компании «Майкл» в «Интурист», как ему и было сказано...

– Армяне! – прошептал я, поражённый внезапным откровением. – И здесь они подсуетились! ...

Утро выдалось свежим и безоблачным, и всё происшедшее вчера, показалось нелепым ночным бредом. «Икарус» на стоянке «Интуриста» я заметил ещё издали, и у меня окончательно отлегло от сердца.

– Товарищ директор! Ну откуда ж я мог знать? – прижимая руки к груди, умоляюще тарасил глаза водитель. – Набежали люди, давай мешки закидывать. Я спрашиваю: группа? Говорят: группа! Я спрашиваю: от компании «Майкл»? Говорят: да, «Майкл», вези в «Интурист»! Ну я и повёз...

Я сокрушённо махнул рукой: – Ладно. Только теперь без моей команды ни шага в сторону! Сейчас грузим десять корейцев и везём в «Саппоро», понятно? И никаких армян!

Водитель так гулко застучал себя кулаком в грудь, что я испугался за его рёбра.

Корейцы в вестибюль спускались медленно, по одному. Вид у них был весьма помятый и не особенно счастливый.

Пытаясь взбодрить их, я изо всех сил широко улыбнулся: – Доброе утро, господа! Сейчас нам предстоит завтрак в ресторане «Саппоро», потом мы покажем вам наш город, а после обеда – воздушная прогулка на небольшом самолёте. Вечером – банкет в лучшем ресторане Хабаровска.

Моё сообщение они выслушали настороженно, и как оказалось не напрасно. Когда мы всей группой вышли из дверей, «Икаруса» на стоянке не было...

Минут пять я делал вид, что мы просто дышим свежим утренним воздухом, пока не осознал, что ждать дальше уже бессмысленно.

Глубоко вздохнув, я снова напялил на лицо идиотскую улыбку: – Господа! Погода сегодня чудесная, поэтому предлагаю вам прогуляться до ресторана пешком, а по дороге я расскажу вам о достопримечательностях города Хабаровска!

Корейцы обречённо потянулись за мной длинной вереницей. Все двадцать минут, пока продолжался наш моцион, я молил Бога, чтобы девчонки не начали убирать со столов наш завтрак. Но девчонки-то как раз не подвели...

Когда я увидел у дверей ресторана знакомый «Икарус», меня охватило тревожное предчувствие. Водитель сидел за рулём, с гордым видом человека, только что совершившего подвиг.

– Ты куда опять делся?! – зашипел я. – Почему...

– Никуда, – возмущённо отозвался он. – Как вы и сказали: вышли корейцы, я их усадил в автобус и привёз завтракать. Они стеснительные такие, всё отказывались, я их чуть не силком затащил. Говорю: «Саппоро?», они обрадовались: – Саппоро, Саппоро...

Почти бегом я ворвался в ресторан.

За нашими столами сидели какие-то японцы в костюмчиках и чинно доедали наших камчатских крабов, омлеты с гребешками и фирменные салатики. Между ними услужливо носились длинноногие официантки в белых передничках.

Мне почудилось, что у меня помутился рассудок. На нетвёрдых ногах я вышел из ресторана. Несмотря на ярко сияющее солнце, небо над головой, казалось, было иссиня-чёрного цвета: – Лерочка! – сказал я. – Покорми корейцев, пожалуйста, хоть чем-то, потом на экскурсию, а я пойду куда-нибудь что-нибудь выпью... И пожалуйста, не подпускайте меня к этому идиоту-водителю, а не то я его просто задушу!

Несмотря на то, что после эмоциональной беседы со Львом Палычем корейцев удалось переместить в одноместные номера, неурядицы не закончились, но я уже воспринимал их с олимпийским спокойствием. Сообщение о том, что во время воздушной прогулки один из корейцев, не выдержав лихих пируэтов Ан-2, облевал всех остальных, вызвало у меня лишь нездорово истерический смех.

Круиз по Амуру тоже не обошёлся без конфуза. Завидев на палубе группу оживлённо галдящих японцев (вполне возможно тех самых, которые из вежливости сожрали наш любовно подготовленный завтрак), корейцы демонстративно топоча по металлическому трапу, спустились чуть ли не в трюм и с оскорблённым видом просидели там до конца, даже не глядя в иллюминаторы.

Мистер Пак за все четыре дня не заговорил со мной ни разу. Я тоже не особенно стремился к общению, прекрасно понимая, что только восточный этикет, сдерживает его от извержения нелюбезных эпитетов. В аэропорту он всё же пожал мне на прощания руку, молча поглядев куда-то в сторону. Я был совершенно уверен, что партнёрские и всякие иные отношения между нами закончены навсегда.

Тем удивительнее было получить от него письмо, в котором он сдержанно благодарил за организацию тура и гостеприимство, а после набора формальных фраз добавил следующее:

«Майкл, мы отлично понимаем, что ты сделал всё возможное, чтобы нам понравилось в России. Мы оценили твои менеджерские качества и умение разрешать кризисные ситуации. Однако после обсуждения итогов поездки на пленуме Корейской Ассоциации Турфирм, был единодушно сделан вывод о невозможности цивилизованного туризма в Россию в ближайшие годы. Мы будем рады продолжить сотрудничество с твоей компанией по приёму российских туристов в Корею».

Нашему партнёрству и дружбе оставалось длиться ещё три года. Ах, старый мудрый мистер Пак... Где то он теперь?

Август 1993 года

Офис компании «Майкл», Хабаровск

– Вы что, издеваетесь надо мной? Как это – доллары не примете!?

– Я вам ещё раз объясняю – в Краснодарском крае официально запретили принимать иностранную валюту! Рейды налоговой полиции по всему Сочи – фирмы закрывают без разговоров, если хоть один доллар в кассе обнаружат. А вы нам больше тридцати тысяч передать собираетесь!

– Так что вы предлагаете делать?

– Везите рубли. Тридцать миллионов – и никаких проблем у вас не будет.

– Это у вас не будет! А у нас запрещён вывоз крупных сумм за пределы Хабаровского края. Как я вам тридцать миллионов передам?

– А вот это уже не мои проблемы. Но если старший вашей группы мне всю оплату в рублях прямо в аэропорту не отдаст – мы даже в автобус их не посадим!...

Пробормотав что-то некорректное, я измождённо опустил трубку. Правила ведения бизнеса на территории Родины менялись как в калейдоскопе, и это превращалось порой в головокружительный детектив.

Вот и теперь, моя очередная группа в Израиль вылетала из Хабаровска через несколько дней, а сочинское агентство, которое должно было встретить и переправить туристов в Бен-Гурион, выкинуло этакий внезапный финт.

Об отмене группы не могло быть и речи, тем более что принимающей израильской фирме тур был давно проплачен, поэтому предстояло срочно придумать, каким образом мы могли бы передать в Сочи тридцать миллионов рублей.

Отправлять деньги через банк давно уже стало смехотворной затеей – средства могли месяцами гулять по межбанковским просторам, вдобавок обесценившись за это время в результате дикой инфляции чуть ли не в половину.

– Маша, – нажал я на интеркомне кнопку бухгалтерши. – Ты когда в банк собираешься?

Когда мы всей фирмой наконец закончили упаковку бесконечных гор потрёпанных бумажек, больше напоминавших конфетные фантики, вдоль стены бухгалтерии выстроились пять больших картонных коробок.

– Извините, Михаил Адольфович, – развела руками бухгалтерша. – Я в банке умоляла самые крупные купюры выдать. Дали что смогли...

– Да... – почесал я затылок. – А ведь теперь их как-то надо в самолёт загрузить.

– Да вы что, с ума сошли?! – сделав страшные глаза, зашептала мне старшая смены в аэропорту. – Уберите с глаз эти коробки! Милиция вон багаж проверяет: губернатор приказал, чтобы наличные свыше ста тысяч за пределы края не выпускали. А у вас тут!...

Я затравленно огляделся. Группа уже шла на посадку на сочинский рейс, весело перешучиваясь и даже не подозревая, что их израильское путешествие висит на тонюсеньком волоске. Я потихоньку отозвал в сторону старшего.

– Васильич, только без паники, но коробки с деньгами в багаж не принимают. Садитесь в самолёт, ящики погружу с бортпитанием. Стюардессы вам передадут. Ну, с Богом и да поможет нам Святая земля!

Через десять минут мы с дежурным по аэропорту на забитом коробками крошечном электрокаре, мигая сигналами, мчались наискосок по лётному полю.

– Люк в самолёте ещё открыт! – крикнул он мне, придерживая фуражку. – Успеваем!

– Девочки, передать старшему группы – Владиславу Васильевичу! – проорал я в тёмный проём люка, зашвырнув туда последний ящик.

– Не волнуйтесь, всё передадим! – послышался сверху в ответ приветливый девичий голос. Створки люка поехали ввысь.

Я вытер пот со лба и с облегчением посмотрел на дежурного.

– Ну, блин, и бизнес у вас! – покрутил он головой и снова завёл электрокар. – Поехали скорее, пока реактивной струёй не сдуло.

Январь 1994 года

Крокодилий заповедник Као Анг Рые Най, Таиланд

– Мистер Майкл, мы договорились с дирекцией заповедника – завтра можем ехать смотреть на диких крокодилов. Это часа полтора езды на юго-восток.

– Прекрасно! Только нам по дороге надо будет экипаж в Утапао завести – из самолёта мусор не выгрузили, а он уже третий день на вашем тайском солнцепёке стоит. Представляете, что там делается?

Вежливые тайцы понятиво закивали. Работать с ними было одно удовольствие, пока дело не касалось государственных структур типа аэропорта Утапао, куда прибывали мои самолёты.

Эта старая военно-воздушная база была построена когда-то ещё американцами, откуда они совершали налёты на Вьетнам. Мы были первыми, кто предложил использовать бесхозный, погрязший в запустении аэродром для приёма наших чартеров. Аэропорт Бангкока нам не подходил – стоянка самолёта в течение десяти дней обходилась бы в баснословную сумму, а гонять пустой лайнер обратно в Хабаровск, и потом ещё раз в Таиланд делало всю затею вовсе нерентабельной.

Мне гораздо дешевле было содержать экипаж в Таиланде эти несколько дней, к тому же за время приятного отдыха устанавливались очень полезные дружеские связи с летунами, и особенно со стюардессами.

Аэропорт находился всего в сорока километрах от активно осваиваемого нами курорта Паттайя, но не был в полной мере приспособлен для приёма международных рейсов. Вот и на этот раз, после ночного прибытия на базу весь мусор остался в самолёте.

– А зачем вы так далеко едете на крокодилов смотреть? – спросила у меня в автобусике самая разбитная из стюардесс. – Вам что, местных крокодилов мало?

Я лукаво взглянул на неё. Всевозможных крокодилий шоу в окрестностях Патаяи и на самом деле было великое множество, но все они уже приелись от того, что выглядели какими-то постановочными.

– Разве на этих представлениях настоящие крокодилы? – снисходительно усмехнулся я. – Они там сытые и выдрессированные, да ещё и обколотые чем-то. На них же просто смотреть жалко! Ну какой уважающий себя крокодил позволит, чтобы ему в пасть голову засовывали?

– Ой, а вы прямо на настоящих диких смотреть будете? – округлив глаза, придвинулась она ко мне поближе. – Как жалко, что вы нас с собой взять не можете!

Я похлопал ладонью по видеокамере: – Не расстраивайтесь, Оксана. Вот вы пока уберёте самолёт, а я вечером вам всё в деталях покажу. В менее опасной обстановке. – Я сделал страшные глаза.

Она тихонько ойкнула.

С камерой я тогда не расставался. После каждой поездки по диковинным местам я делал небольшие фильмики, которые мы потом показывали заходящим в офис туристам.

Это был сильный маркетинговый ход. Мало кто из тех, увидевших взаправдашние кадры волшебных белых пляжей, слонов, рисующих картины красками, или объятая с дружелюбными обезьянами, мог устоять против того, чтобы тут же не записаться на следующий тур.

Вдобавок, люди своими глазами созерцали отели, в которых им предстояло остановиться, реальный ресторанный ассортимент, фрагменты экскурсий, и это резко снижало количество возможных жалоб на то, что поездка не оправдала желаемых ожиданий.

Дикие крокодилы должны были стать одними из главных героев моего нового фильма.

Заповедник выглядел как надо. Минимум человеческого вмешательства в буйство тропической природы: густые мангровые заросли и тоненькие верёвочные мостики, протянутые над густо-зелёной водой.

– Здесь они живут в условиях, практически не отличающихся от естественных, – неторопливо объяснял мне смотритель. – Отсюда их отбирают для дрессировок, в рестораны или на кожгалантерейные фабрики. Туристов мы сюда не пускаем – слишком рискованно.

Поблагодарив медлительного гида несколькими купюрами, я нетерпеливо ступил на шаткую лесенку. – Только постарайтесь не возбуждать их! – предупредил он меня. – Это опасно!

Дотелепавшись кое-как до середины пруда, я перевёл дух и включил камеру, однако снимать было практически нечего. Древние рептилии, казалось, застыли в спячке ещё со времени своего появления

на свете в триасовом периоде мезозойской эры. Кроков было навалом, но все как один неподвижно заочиненные в разных позах: кто-то лежал на отдели с разинутой пастью, кто-то просто как надутое ребриное бревно, а у кого-то над поверхностью тёмной воды торчали лишь полуприкрытые глаза.

Фильма не получалось, необходимо было добавить динамики. Потихоньку чертыхаясь, я вернулся на берег. Стоило тащиться в такую даль, чтобы снимать эти засохшие чучела!

– Скажите, а могу ли я их чем-нибудь покормить? – вежливо осведомился я у заторможенного словно его крокодилы тайца, снова доставая бумажник. Через минуту у меня в руках была корзина с чрезвычайно пахучей рыбой. – Только бросайте им по одной! И подальше от себя! – прокричал он мне вслед.

Я лишь тихонько фыркнул. «Вот ещё! Руки потом не отмоешь от этих вонючек!» По правде, я был почти уверен, что даже еда вряд ли способна хоть сколько-нибудь оживить этих сонных архозавров. Добравшись на облюбованное место, я лихо перевернул над прудом всю корзину...

То, что началось потом, описать сложно. Мне показалось, будто всё озеро мгновенно вскипело. Со всех концов, словно лапами шлепая по воде своими мерзкими перепончатыми лапами, десятки крокодилов с невероятным проворством бросились ко мне, устроив под мостиком бешеную потасовку. Вцепившись в веревочные перильца болтающегося во все стороны мостика, я видел вокруг себя лишь неистово колотящие друг друга чешуйчатые хвосты и мерзко розовые пасти, схлопывающиеся со звуком бабахających друг о дружку досок.

«Ну вот сейчас! Кто-то из них меня захавает!» промелькнула в голове кошмарная мысль, но отчего-то она меня лишь рассмешила. Я явственно представил себе, как по всему Хабаровску стремительно поползёт эта совершенно несуразная весть: «А вы слышали?! Баженова съели крокодилы!»

Краем глаза ловя в панике мечущихся на берегу тайцев, я болтался на тонюсеньких верёвочках среди беснующихся крокодилов и истерично хохотал как ненормальный.

Весь мокрый, я докарабкался до берега с трясущимися руками, в одной из которых была стиснута камера. Тайцы, навсегда забыв английский, лопотали что-то по-своему, с ужасом глядя на меня. Я продолжал нервно посмеиваться, безумно гордый своим кинематографическим героизмом.

Вечером, в номере я демонстрировал сгрудившимся вокруг меня стюардессам снятый фильм ужаса. На экранчике мелькали мои ноги, трясущиеся мокрые верёвки, вверх ногами скачущие по перевернутому берегу папуасы, не было, увы, лишь крокодилов. Звукоряд оказался не менее абстракционистским: хриплое дыхание, идиотское истерическое повизгивание, всплески воды, частые хлопки, вызывающие в воображении разгрузку досок на стройке...

- А где крокодилы-то? – разочарованно протянула наконец Оксана. Авангардное операторское искусство оказалось недоступным для восприятия широкой публикой...

Апрель 1994 года

Офис компании «Майкл», Хабаровск

- И это – всё? – хмуро поинтересовался Хван. – Всё, что мы заработали за последние три месяца?

Перед ним на столе лежала распечатка квартального баланса фирмы. Для удобства бухгалтерша сделала все показатели в долларах – честно говоря, за последние годы сумасшедших кувырканий российской валюты я совсем перестал ориентироваться, сколько чего стоит в рублях, и даже в ресторанах просил официанток называть окончательные суммы в баксах. Носить в карманах пачки лохматых, стянутых резинками рублей я вообще считал чем-то плебейским.

Цифры баланса, откровенно говоря, были удручающими. И наиболее печальным было то, что с каждым кварталом они становились хуже и хуже.

- Витя, ну никак не получается сейчас больше! Народ ездить за границу стал меньше. Конкуренентов развелось – на каждом углу туристические фирмы и все по демпинговым ценам норовят. Не важно, что после первого же тура к ним никто больше не приходит – рынок-то они дробят на молекулы! А мне с моими чартерами критично, чтобы самолёты полными летали. «Аэрофлоту» всё равно: 120 пассажиров летит или 60 – цена рейса одна и та же, а вот я от 120 человек тысяч 30 прибыли имею, а от 60 – столько же убытков!

Я взглянул на Хвана. – И ещё одна серьёзная засада, Вить. Вот вы жалуетесь, что денег с бизнеса не имеете, но посмотри сколько я твоих ребят только за последние полгода в Таиланд свозил. – Я положил перед ним ещё один лист. – И в основном с семьями, с друзьями, с нужными людьми... На последнем чартере из 90 человек только двадцать пять полную стоимость заплатили, а это же прямые убытки!

Хван внимательно просмотрел длинный список. «Хорошо, что не с Большаковым приходится работать!» с тайной благодарностью подумал я. «Тот бы сейчас уже слюнями брызгал, кричал, что его пацанам отдыхать нужно, годфазер хренов!»

- наших бесплатников всех отменить, – сказал твёрдо Хван. – Скидки – только по моей личной просьбе.

- А в-общем, вот что я тебе скажу, – помолчав, произнёс он наконец. – Твой туризм – это баловство, а не бизнес. Пора переключаться на серьёзные дела.

На мой протестующий жест внимания он не обратил: – Видишь же сам: копейки зарабатываются, а геморрой только ширишь и вглубь.

Он встал. – Зато посмотри, как другие сейчас на торговле поднимаются! Два-три месяца – и по 100-200 штук на карман!

– Витя! – непреклонно сказал я. – Я ведь ничего не понимаю в этой торговле!

– Да ты взгляни, кто этим занимается! – воскликнул он. – Делов-то: там купил – здесь продал. Всё, что из-за бугра привозится – уходит влёт. А уж с твоими мозгами да связями по всему миру!...

– Нет, для этого особые мозги нужны, Виктор, – беспомощно вздохнул я. – К тому же, торговле оборотные средства нужны, а мне их сейчас выдернуть неоткуда – всё почти по нулям.

Он внушительно посмотрел на меня: – Ну, твои проблемы решать – это же наша задача! А мы в этих делах люди далеко не последние. – Он подошёл к вешалке и снял плащ. – Поехали в банк. Оборотные средства будут. Надо же начинать настоящие бабки зарабатывать.

Через полчаса, я, не желая верить в то, что происходит, по-свойски сидел на диванчике с президентшей крупнейшего хабаровского банка, в открытую именуемого «придворным», и обсуждал условия кредита на сто тысяч баксов.

– Вы уж не душите его только, Галина Сергеевна, – с усмешкой попросил Хван. – Это человек хороший, наш.

– Ну что вы! – обворожительно улыбнулась объемистая банкирша, рекламно посверкивая золотыми зубами. – У нас для своих людей ставки стандартные. Ну и, конечно, дополнительные условия надо будет обговорить, но это без меня, с Шуриком.

Кривозубый начальник банковской службы безопасности неприятно ухмыльнулся.

Глава 5. СЕРЕДИНА АЗИИ

*Куда вас, к чёрту, сударь, занесло?
Неужто вам покой не по карману?*

Д'Артаньян

Июль 1994 года

Хабаровск – Алма-Ата – Хоргос – Алашанькоу и обратно

О, этот дьявольский телефон! Одно из самых изуверских изобретений человечества, наряду с атомной бомбой, будильником и презервативом!

Я, чертыхаясь, скатился с дивана и в темноте пополз на разрывающий непротрезвевшие мозги пронзительный звук. И почему я опять забыл отключить его на ночь?! Ну, если это негодяй Родюшкин, сейчас я сообщу ему, кто он такой! ...

– Чего надо? – раздельно осведомился я хриплым голосом, стараясь вложить в него всю полноту своей неприязни к ночному звонарю.

– Майкл! – радостно заверещал в трубке голос Пети Дроздюкова. – Как хорошо, что ты ещё не спишь!

– Уже не сплю, – недовольно поправил его я, сбавляя накал недружелюбия. Дроздюков был сейчас для меня чрезвычайно важен – затеянная им глобальная торговая сделка, куда он вовлёл свой родной казахский Кокчетав и моих давних гуанчжоуских друзей, обещала принести немалые барыши и радикально выправить пошатнувшееся финансовое положение. – Что, груз получили?

– Да какой там получили! – сорвался Дроздюков на драматический шёпот. – Он, оказывается, уже дней десять стоит на китайской стороне в Алашанькоу. Твои китайцы чего-то с документами напутали – его через границу не пропускают!

– Ничего они напутать не могли – сам перед отгрузкой из Гуанчжоу все документы проверял! – озабоченно потёр я вспотевший лоб. Чёрт, как это некстати! Проценты на кредит не просто капают – струёй бегут, задолбался уже в банк конверты с налом таскать, а товар, оказывается, в Китае застрял! ...

– А мы знаешь на каких вилах сейчас?! – продолжал нагнетать Петя. – Нас на штрафняки поставили – товар-то уже месяц назад обещали подогнать... Короче, надо срочно вытаскивать. Бах с Юрой завтра с утра на двух «Камазах» выезжают, но без тебя там не обойтись. Вылетай в Алма-Ату – они тебя встретят, и вместе – в Хоргос, на границу. У тебя бабки есть?

– Да штук семь-восемь, не больше, – пробурчал я, прикидывая, когда смогу оказаться в Алма-Ате.

– Бери все, – озабоченно посоветовал Дроздюков. – Я ребят баблом заряджу, но там кому только давать не придётся. Потом рассчитаемся. Ну, давай, до связи! – он торопливо повесил трубку.

– Это кому там не спится? – послышалось из темноты мурлыканье Верки, кассирши из «Аэрофлота», забежавшей ко мне на огонёк наперед вечером.

– Извини, Верунчик, – озабоченно пробормотал я. – Ты очень кстати тут оказалась. Мне надо срочно в Алма-Ату лететь – не помнишь, когда у вас рейс?

– Завтра на Алма-Ату прямого нет, – профессиональным тоном доложила она. – Полетишь через Новосибирск или Омск. Поезжай с утра в порт, я девчонкам позвоню – посадят на первый. А сейчас, пассажир, пройдите сюда и оплатите услуги!

– Погоди минутку, – вздохнул я, набирая номер телефона водителя.

– Ну что за работа у тебя! – возмутилась Верка. – Даже потрахаться толком некогда...

В новосибирском аэропорту «Толмачёво» я ошивался уже шестой час. Самолёт по неизвестным причинам никуда не летел, зато летел в тартарары и замечательно сложившийся план, и трогательные усилия заботливых Веркиных подружек, усадивших меня на первый ряд первого утреннего рейса Хабаровск-Новосибирск с удобным стыковочным билетом до Алма-Аты.

Хорошо, что хотя бы удалось наконец-то дозвониться в Кокчетав Дроздюкову. – Всё Майкл – ребята с «Камазами» в аэропорту больше стоять не могут. К тому же по ночи ехать – полные кранты. Давай так: они будут ждать тебя уже в Хоргосе, в гостинице, а сами пока пробьют там с кем надо, как на машинах границу пройти, да чтобы потом с товаром обратно пропустили.

– Зашибись, – проворчал я. – А ничего, что я в Алма-Ате ни одной собаки не знаю?

– Ну, переночуешь в гостинице – заплати, сколько бы ни попросили, расходы учтём. А прямо с утра на автовокзал, и автобусом – в Хоргос...

Связь прервалась. По громкоговорителю объявляли очередную задержку моего рейса.

В аэропорту Алма-Аты, погружённом в душный ночной мрак, меня тут же обступила толпа крикливых бомбил. Цена до города у всех была одинаковая – 100 долларов.

– А до Хоргоса довезёшь? – спросил я у самого настырного, который под видом встречающего упорно пытался завладеть моим небольшим чемоданчиком.

Все вокруг громко расхохотались. – А ты потом мне новую машину купишь? – поинтересовался настырный и сплюнул на грязнущий пол. – Сумасшедших здесь нет! – Золотые зубы у него через один пережегались натурально чёрными, отчего он жутковато походил на хэллоуинскую тыкву.

– Где тут гостиница? – рявкнул я, потеряв терпение. – Разойдитесь, я никуда не еду!

Тесной толпой, непрерывно переругиваясь, они дружно направились вслед за мной. Я подивился такой настойчивости, однако приблизившись к тёмному зданию гостиницы, над дверями которой с украинским красноречием светились лишь буквы «...НИ...», понял причину их неувядающего оптимизма. Двери были намертво забаррикадированы изнутри, а сквозь мутное, в потёках стекло виднелись вповалку лежащие на полу и мешках людские тела.

Я повернулся к злорадно притихшим бомбилам. – Ладно, поехали! – сказал я настырному. – 200 баксов! – нагло заявил тот. Остальные одобрительно загудели. Стало ясно, что выбора у меня нет.

– Знаю одну приличную гостиничку у старого автовокзала, – суетился он, усаживая меня на переднее сиденье раздолбанного «Москвича», и время от времени упорно дёргая за чемодан, который я не менее упорно прижимал к себе. – Переночуете, а завтра с утра – прямым на автобусе в Хоргос! А сейчас можем заехать перекусить, если желаете. У моего шурина жена такой бешбармак готовит! Никогда не пробовали? Да я вижу, что вы тут в первый раз...

Чем-то меня смущала его возбуждённая расторопность и неискренний переход на «вы». К счастью, жадность расстроила злокозненные замыслы. Уже при выезде из аэропорта, заметив на тёмной автобусной остановке одинокую фигуру, он резко затормозил. – Посидите, я пойду попутчика возьму!

– Не надо мне попутчика! – возразил я, но он уже тащил в машину несильно упирающегося одутловатого мужичка в шляпе, некстати напомнившего мне капореджиме Клеменцу из «Крёстного отца». – Добрый вечер, – вежливо поздоровался тот, очутившись на заднем сиденье, и у меня слегка отлегло от сердца: тон и манеры нового пассажира были самыми интеллигентными. А то я уж было представил себе, как он мне сицилийскую удавку на шею накидывает! ...

– Ну вот, попутчика вашего быстренько к новому вокзалу завезу, а потом – вас к старому, в гостиницу! А ещё лучше – у шурина заночуете, он много не возьмёт. Зато отдохнёте хорошенько – в Хоргос дорога нелёгкая... – продолжал наседать разболтавшийся водила.

– В Хоргос едете? – неожиданно поинтересовался Клеменца. – Тогда зачем же вам на старый вокзал? От старого вокзала автобусы в Хоргос не ходят.

В машине наступила зловещая тишина. – А тебя вообще кто спрашивал, козёл в шляпе?! – заорал вдруг водитель так, что «Москвич» завилал на дороге. – Ты сиди там молча и скажи спасибо, что за твои вонючие 500 рублей везти согласился!

Я застыл, соображая, что всё это значит. – Остановите машину, – спокойно, но твёрдо сказал мужичок и тронул меня за плечо: – Я с этим водителем никуда не поеду, и вам категорически не советую. Вижу, вы человек нездешний – вряд ли представляете, какие тут у нас случаи бывают...

Под неистовую ругань бомбилы мы выбрались на кочковатую, почти не освещённую обочину. – Пахомов, Георгий Афанасьевич, – протянул мне руку толстячок. – Профессор русского языка и литературы, – добавил он с саркастической усмешкой. – А вас каким ветром сюда занесло?

Минут через пятнадцать мы сидели, тесно прижатые друг к другу, в дребезжащей кабине подобравшего нас грузовика. – Переночуете у меня, – решительно заявил профессор, не обращая внимания на мой стеснительный протест. – Иначе здесь до утра можете и не дожить с вашим-то видом. Сразу заметно, что у вас при себе деньги немалые.

– Отчего вы так решили? – потрясённо спросил я. – На мне ведь одежда далеко не шикарная, цепей золотых нет, чемоданчик старенький...

– О, молодой человек! – добродушно рассмеялся он. – Да наличие денег сейчас просто безошибочно чувствуется! Вот хотя бы на оправу вашу взглянуть. Или на ботиночки. А у тех вообще нюх звериный – они таких как вы приезжих в аэропорту выискивают, а потом заманивают в какие-нибудь притоны и.... – Он неопределённо повёл пухлой рукой. – Знаете сколько трупов чуть ли не каждый день из Сайрана¹⁹ вылавливают? Кстати, как раз неподалёку от автовокзала...

Отдохнуть в ту ночь мне не довелось. После скромного ужина, к которому я достал из заветного чемоданчика бутылку водки, профессор размяк и, наваливаясь объёмистым животом на крохотный кухонный стол, меланхолично описывал мне безысходность своей судьбы:

– ...Ну и куда мне теперь изволите деваться? Я двадцать лет нёс свечок великой русской литературы, а теперь приказом по университету мне предписано преподавать её на казахском языке! Вы можете себе представить Пушкина на казахском языке? Я им говорю: да кроме нескольких переводов Абая избранных вещей, даже текста «Евгения Онегина» в полном виде на казахском не существует! А они мне: вот и переводите сами, если ещё хотите здесь работать...

Он с грустью взглянул на быстро опустевшую бутылку «Смирновской» и, кряхтя поднявшись, полез в один из шкафчиков: – Эх, давненько уже я приличной водки не пивал, спасибо... А вот я вас могу угостить только водкой своего собственного изготовления. Да-да, пусть вас не удивляет – профессор Пахомов вынужден гнать самогонку! Не слеза Христова отнюдь, но по крайней мере хоть не отравимся тем дерьмом, которое здесь в ларьках продают...

Водружая бутыл с желтоватой жидкостью на стол, он грузно опустился на табуретку. – Давно уехал бы отсюда, да вот куда? – Георгий Афанасьевич горестно развёл руками. – Я же родился здесь, все близкие – и живые, и мёртвые – тоже в этой красавице Алма-Ате, будь она трижды неладна! Сейчас вот слетал к родственникам жены в Оренбург – так те сами не знают, как жить дальше. У меня язык даже не повернулся их о помощи просить. Уж мы им там сейчас точно ни к чему, тем паче с нашим казахским гражданством...

Когда в кухонном окне блеснул первый луч ослепительно восточного солнца, я, пошатываясь и насвистывая привязавшуюся тему любви из «Крёстного отца», переоделся в старые джинсы, самую неброскую из запасных футболок и любимые потёртые кроссовки, а затем поставил на стол свой чемоданчик со всем оставшимся содержимым, самым ценным из которого была последняя бутылка «Смирнова»: – Забирайте, мне это здесь всё равно ни к чему – только внимание нездоровое привлекать!

---

¹⁹ Сайран — искусственное озеро в Алма-Ате, созданное на месте бывшего карьера по добыче строительных материалов.

Простенькую «Омегу» на руке, поколебавшись, решил всё-таки оставить при себе. Полусонный Афанасьич благодарно промычал что-то нечленораздельное, как мне показалось из «Евгения Онегина». От каких-либо денег, однако, он категорически отказался, и я запихнул толстую пачку долларов вместе с паспортом и зубной щёткой в свою чёрную поясную сумку.

Алма-Атинское утро понравилась мне куда больше, чем ночь. Сверкающие над довольно безликими домами голубые хребты Тянь-Шаня словно обрамляли город искрами загадочных восточных легенд, и несмотря на ночные аэропортовские ужасики и тяжкий туман в голове от профессорской самогонки, я ощутил в себе будоражащую готовность к новым экзотическим приключениям.

Приключение, правда, поначалу оказалось весьма заунывным. Не без труда пробившись на заднее сиденье тряского автобуса и бдительно укрывая свою поясную сумку от соседей жуликоватого вида, я прокемарил весь этот бесконечный, палящий день в позе невозмутимого аксакала, время от времени размежая свинцовые веки, чтобы в очередной раз окинуть взором тусклое марево уплывающей за горизонт седоватой пустыни, неприятно напоминавшей о трёх бездарных монгольских годах.

Единственным цветным развлечением стало посещение глинобитного нужника на одной из многочисленных остановок. Атакованный внутри роем жирно жужжащих зелёных мух, я какое-то время колебался, стоит ли пролагать рискованный путь к зловонному очку по минному полю разнокалиберных испражнений, пока не поднял взгляд на саманные стены, испещрённые недвусмысленными коричневыми росчерками. Сопоставив отсутствие всякого намёка на наличие туалетной бумаги с вызывающе грязными руками своих спутников, я ощутил резкий приступ тошноты, и вырвавшись наружу, блеванул на стену сортира, обильно украшенную жёлтыми потёками. Потом, махнув рукой на остатки стыда, присоединился к мужской части пассажиров, стоящих вдоль стены в одинаковых позах.

Размеренное путешествие в Хоргос возобновилось с прежней неспешностью. Поясную сумку я теперь оберегал от чужих рук с особой тщательностью, исходя в первую очередь из соображений гигиены.

После Сары-Озека автобус почти опустел, и остаток пути я провёл словно повышенный в должности падишах, вольготно растянувшись на потрескавшемся дерматиновом сиденье.

На центральную площадь Хоргоса автобус въехал уже в сумерках. Площадь являла собой обширный пустырь с одиноким фонарём посередине. Позёвывая, я вылез из автобуса и оглядел одинаковые низенькие строения. – А где тут гостиница? – обратился я к водителю, но тот, не отвечая, закрыл двери и с неожиданной резвостью укатил в сгущающуюся мглу.

Отыскать местный отель барачного типа с совершенно тёмными окнами мне удалось довольно скоро. На пыльном дворе стояло несколько «Камазов», и сердце застучало в радостном предвкушении долгожданной встречи с ребятами. Эх, жаль «Смирновки» больше не осталось...

– Как уехали?! – не веря своим ушам переспросил я у дежурной. – Юрий Шрубович и Бакытжан, фамилию не помню – они должны меня здесь дожидаться...

– Говорю вам: уехали! – безжалостно повторила очкастая выдра. – Вот записку оставили. Покажите паспорт сначала, а то откуда я знаю, кто вы такой?

«Мишка, привет! – жизнерадостно плясали перед моими глазами фиолетовые слова. – Извини, но ждать не можем – открылось окно в колючке, надо срочно гнать машины, пока бабки берут. До встречи завтра на той стороне!» Низ записки был оборван, но по оставшимся фрагментам букв я разобрал: «За номер мы заплатили...»

– А где мой номер? – наивно поинтересовался я.

– Какой ещё номер?! – взвилась выдра. – У нас всего четыре комнаты – и все битком! Люди вон на улице в машинах спят. Номер ему! Может ещё с душем отдельным желаете?

Дверь отеля хлопнула за мной, и отсекая последнюю надежду, послышался скрежет запираемых засовов.

Было уже почти совсем темно. Я бездумно побрёл вдоль тихо журчащего чёрного арыка, мимо казавшихся нежилыми саманных хижин. Редкие, тускло мерцающие огоньки лишь усиливали ощущение, будто выдра является единственной обитательницей этой вымершей глухомани.

Впрочем, вскоре я понял, что и другие местные жители тут имеются. Оглянувшись на подозрительный шорох, я заметил несколько серых теней, следующих за мной почти вплотную. Охваченный внезапным ужасом, я резво перебежал на другую сторону дороги, но и там из почти непроглядной тьмы послышалось чьё-то негромкое покашливание.

Остановившись с гулко бьющимся сердцем, я попытался привести мысли в порядок. Так, куда ты, собственно, идёшь? Просто гулять по таким местам ночью противопоказано. Тюкнет сзади кетменем по башке невесть кто и поплывёшь по арыку зиппером кверху... А какие ещё есть варианты? Да, собственно, никаких.

Я вышел на середину едва различимой в темноте дороги и неожиданно для себя загорланил: – Вот! Новый поворот! И мотор ревёт. Чего он нам несёт?!...

Что-ж, надо хотя бы найти мало-мальски освещённое место – там по крайней мере можно взглянуть в лицо тому, кто вознамерится тебя приشلёпнуть. Я резво зашагал дальше, как будто и действительно знал где тут имеются освещённые места. Но внезапно за поворотом на самом деле забрезжил мутный свет – то был уже знакомый одинокий фонарь на центральной площади, служившей по совместительству и автовокзалом.

Прислонившись спиной к кривому столбу, гудящему то ли от непомерного напряжения, то ли от туч окруживших висячую лампу

насекомых, я скрестил на груди руки и застыл в горделивой позе. Что-то подсказывало мне, что этой ночью спать опять не придётся.

В этом я нисколько не ошибся. Минут через пять из мрака возник тёмный силуэт и неспешно направился прямо ко мне. В нескольких шагах от меня он остановился – это был невысокий, худощавый парнишка тюркской внешности.

– Ну, привет! – небрежно бросил он. – И откуда ты здесь такой красивый взялся?

– От верблюда, – хмуро ответил я, пытаюсь унять неприятную дрожь в локтях.

– Понятно, – кивнул он, вполне удовлетворённый ответом. – А чего это ты так вырядился? У нас тут пижонов не любят.

Я недоумённо взглянул на свои запylённые кроссовки и старые джинсы. – Да вот, переодеться не успел после бала. Сразу во фраке сюда, к вам.

Он широко улыбнулся и протянул руку: – Рустам. Да ты не бойся – мне твои деньги не нужны!

– Да чего вы все заладили: деньги, деньги? – искренне возмутился я и пожал узкую сухую ладонь. – У меня что, они на лбу отпечатаны что ли?

Он весело засмеялся: – И на лбу тоже! Не видно разве, какой ты сладкий перец, прикинутый как калабашка? Котлы фирменные, адики²⁰, шлифты²¹... Ладно, ладно, пойдём – со мной тебя здесь никто не тронет.

Пожав плечами, я решил, что стоять всю ночь под фонарём действительно тупо, и покорно отправился вслед за парнем. Собственно, какая разница – на свету прибьют или в темноте?

– Ночевать у меня будешь, – деловито сообщил он на ходу. – Я родным скажу: мы с тобой под Читой служили, если что – подтверди. У нас, уйгуров, принято говорить, кого в дом приводишь.

Он толкнул незаметную во мраке калитку, и мы оказались в довольно уютном, маленьком дворике, где на земле под чинарой в мерцании одинокого светильника степенно восседали родственники моего нового знакомого, держа в руках дымящиеся пиалы.

Пока Рустам рассказывал им какую-то длинную историю, все они с раскрытыми ртами взирали на меня, словно завидев четырёхглазого дядю²². Услышав несколько раз слово «Чита», я глупо заулыбался и кивнул. Типа, подтвердил.

Рустам легонько толкнул меня в спину: – Проходи, не стесняйся, моя комната там. Ты на кровати любишь спать или на полу?

– На полу, – из вежливости скромно сказал я.

– Правильно! – обрадовался он. – Я тоже больше на полу люблю. На кровати жарко.

---

²⁰ Адидас – кроссовки фирмы «Адидас» (казахский молодёжный сленг)

²¹ Шлифты – очки (казахский молодёжный сленг)

²² Дядя – казахский аналог зомби, одноглазое чудовище. Помню этот полюбившийся с детства персонаж по толстой синей книжке «Казахские народные сказки»

Мы очутились в крошечной комнатухе безо всякого намёка на мебель, если не считать бугристого тюфяка на глиняном полу. Я догадался, что именно этот тюфяк Рустам величает кроватью.

– Устраивайся, – радушно сказал он. – Хочешь – ложись, отдыхай, а хочешь – пошли со мной, с друзьями познакомлю. Мы до утра обычно чикеримся.

Спать мне что-то совершенно не хотелось, зато внутри со знакомым щекотанием заизвивался пытливый змей – неугомонный искатель приключений.

– Пойдём лучше погуляем, – согласился я. – Интересно посмотреть, как вы тут живёте.

– Вещи можешь здесь бросить, – кивнул он на мою поясную сумку и, заметив, как я инстинктивно прижал её к себе, добродушно рассмеялся: – Да я же сказал – теперь уже ничего не бойся! У нас тут всё ровно. Если ты – гость Рустама, тебя никто не накает! Нанурсын²³, отвечаю тебе!

Ничуть не усомнившись в искренности нанурсына Рустама, сумку, однако, я предпочёл оставить при себе. Неизвестно, где и чем могла завершиться эта вторая казахская ночь.

Первым пунктом нашей остановки стал торговый ларёк посреди какой-то непроглядно тёмной улицы, больше напоминающий бронированный дот. Внутри он оказался битком наполненным разнообразным китайским утилем и десятком молодых ребят, сидящих и лежащих на полу, воспринявших моё появление примерно так же, как и домочадцы Рустама.

– Это Миша, – кратко представил меня он. – Мы с ним вместе под Читой служили. Гитара есть?

– Гитару Геббельс забрал, – с сожалением сообщил кто-то. – Обещал принести. Да садитесь, выпейте пивка.

Предложение сесть показалось мне невыполнимым ввиду отсутствия какого-либо свободного пространства, поэтому я лишь прислонился к плотно висящим в углу китайским кружевным платьям, но Рустам, успешно устроившись между причудливо извитыми телами, протянул мне уже открытую банку тёплого китайского пива:

– Не стесняйся, Миша. Выпей, расскажи, как там люди на Большой Земле живут...

Перечокавшись со строем дружно потянувшихся ко мне банок, я кашлянул и сдержанно начал: – Ну что рассказать вам, ребята? Процесс демократизации в России продолжается. Бедные становятся беднее, богатые – богаче...

Они дружно рассмеялись: – Да ладно, у нас здесь то же самое! Ты лучше скажи, как сам живёшь, чем занимаешься. Что тебя вообще сюда принесло?

---

²³ Нан урсын (казахск.) – самая серьёзная клятва

Отчего-то мне вдруг стало покойно и уютно от их добродушного любопытства. Уже через несколько минут я рассказывал этим необычным слушателям такие подробности своей уже тогда перекрученной жизни, какие не решился бы поведать и самым закадычным друзьям, а они внимали моим откровениям с широко открытыми ртами, забыв про пиво и курево, кумар от которого уже начал понемногу рассеиваться внутри экзотического киоска.

– Так ты не стегаешь, что правда в Африке был? – недоверчиво поинтересовался молодежавый и смуглый, судя по всему, хозяин палатки, ловко сплёвывая сквозь щель между золотыми зубами куда-то поверх голов зачарованных слушателей. – А я вот недавно в Алма-Ату по делам первый раз в жизни съездил – не могу понять, как они там все живут... Зато в Китае уже три раза за зиму был! – с гордостью добавил он. – Фуфел всякий для магазина таскал...

Его рассуждения были прерваны гроыхающим стуком в железную дверь.

– Менты! – громко прошептал кто-то, и к моему изумлению внутренности палатки моментально опустели. Я непроизвольно вжался в колючие кружева, но глубоко продвинуться мне не удалось из-за спрессовавшихся за ними тихо дышащих тел.

Хозяин, прошипев что-то неблагозвучное, решительно заскрежетал дверью, заранее зажав в кулаке несколько купюр с изображением Мао Цзэдуна.

– Ну что вы тут совсем закумарились?! – раздался жизнерадостный возглас. – Полчаса стучу, никто не отзывается! Жбенчик дунуть для меня найдётся?

– Геббельс! – облегчённо выдохнул Рустам, выползая откуда-то из под моей левой ноги. – А ты что, забыл, как стучать надо?

– Да я уж и так стучал, и этак! – втиснулся в палатку белобрысый юноша с гитарой, действительно похожий на персонаж из «Гитлерюгенда». – О, я смотрю, гости тут у нас, – переключился он на меня. – Ну, рассказывай!

– Да он уже всё рассказал, – ответил за меня Рустам. – Гитару опять расстроил? Ну-ка, давай её сюда.

Сноровисто подтянув пару струн, он вдруг взял несколько сложных аккордов и запел, слегка гнусая, голосом Макаревича:

*...Зато любой войдет сюда за пятачок,
Чтоб в пушку затолкать бычок,
И в трюме посетить кафе и винный зал,
А также сняться на фоне морской волны,
С подругой, если нет жены,
Одной рукой обняв ее,
Другой обняв штурвал...*

– Я когда в армии служил, «Машину времени» полюбил, – простодушно признался он мне. – Все их песни наизусть знаю...

– Дай-ка мне гитару, – в восхищении сказал я после «Марионеток» и «Снега». – Хотите, я вам свою песню спою?

*... В этом домике меня всё время ждут
В этом домике на стенке – мой портрет
В этом домике порядок и уют
Всё как прежде, да меня там больше нет.*

*Вот сейчас бы разбежаться, да взлететь
Вот сейчас бы спеть про мамины глаза
Да хоть сняты цепи, но осталась сеть
Незаметная, как совести слеза...*

– Ты это сам написал?! – в наступившей тишине хрипло спросил Рустам. – Дай мне слова, я теперь это тоже петь буду.

– Ладно, пацаны! – скомандовал хозяин. – Отпустилово пошлѳ. Выдвигаемся на поле – надо гостя настоящей шмалью угостить.

– А почему «Геббельс»? – спросил я между делом у белокурого арийца, вылезая вслед за ним из палатки.

– Я, вообще-то, Генрих Гессен, немец местный, – ощерился тот. – По-казацки вот Геббельсом стал.

Возле ларька обнаружилось несколько припрятанных велосипедов, на которые мы расселись по два-три человека и резво покатали куда-то в темноту. Уже смирившись с тем, что глаза местных жителей видят в ночи то, что мне увидеть никогда не будет дано, я сосредоточился на том, чтобы не свалиться вместе с позвякивающей на кочках гитарой с терзающего зад неудобного багажника.

Вскоре мы остановились на пологом косогоре, и моим наконец привыкшим к постоянной темноте глазам предстало занимательное зрелище: трое парней, мигом раздевшись до трусов, принялись бегать, пригибаясь и пыхтя, по каким-то низкорослым зарослям, в то время как остальные, затащив велосипеды в канаву, уселись вдоль её края и стали раскладывать на земле небольшие бумажные клочки.

Время от времени кто-нибудь из взмокших бегунов останавливался перед нами и его с готовностью оглаживали ниже пояса несколько рук, тут же сноровисто соскабливая с пальцев налипшую субстанцию на приготовленные бумажки. Передо мною быстро росла кучка аккуратно свёрнутых чинариков.

До сознания постепенно доходило, что сейчас мне предстоит курить некое зелье, изрядную долю которого составляет пот запыхавшихся пацанов и подноготное содержимое моих новых друзей. Однако,

возникший было тошнотворный позыв был эффективно нивелирован громким шёпотом: – Шуба, менты! Рассасываемся!

Я огляделся. Вокруг меня уже никого не было, лишь нервно подрагивающие там и сям кустики выдавали расположение моментально залегших ребят. По дороге, тихо урча, медленно приближался тёмный силуэт машины, фара-искатель которой внимательно обшаривала благодатное поле. Я неспешно переместился с бруствера в густые заросли и застыл там в нелепой позе, стоя на одном колене с гитарой наперевес. Лечь, подобно всем остальным на землю, мне запретила некстати всколыхнувшаяся офицерская гордость.

Яркий луч фары скачками подбирался ко мне всё ближе, пока я наконец не осознал весь идиотизм своего позёрства и не представил в красках, что сейчас сделают со мной казахские менты, обнаружив ночью посреди конопляного поля с набитой баксами поясной сумкой...

Уже не опасаясь расстроить гитару, я отбросил её вниз по склону и рухнул навзничь, пытаюсь отождествиться с одним из окружающих меня кустов.

К счастью, рейд местного патруля носил, судя по всему, профилактический характер. Фара, ослепив меня на короткое мгновение, равнодушно скакнула дальше, пятная чёрное поле спорадическим узором; из проплывшего мимо Уазика донёсся обрывок ленивого разговора упустивших своё счастье ментов, и вскоре вокруг снова сгустилась непроглядная темь.

На миг мне почудилось, что я остался совсем один посреди бескрайнего азиатского простора, как вдруг на краю бруствера возник силуэт Рустама с гитарой, невозмутимо подтягивающего многострадальные струны:

*Я был вчера в огромном городе
Где совершенно нет людей
И в каждом доме вместо окон
Я видел только зеркала...*

– старательно гнусавя, фантазмагорически зазвучал в казахской ночи его необъяснимо приятный голос.

Покашливая, к нам стягивались остальные. – Всё! Следующий обход у них уже под утро. Можно чикериться спокойно! – радостно сообщил кто-то, и в руках у меня очутилась влажная самокрутка. Затаив дыхание, я поднёс её к губам.

Обещанная шмаль и в самом деле являла собой нечто выдающееся... Весь длинный следующий день оказался спрессован в стремительный трёхминутный ролик, из которого безмятежно парящее в золотых небесах сознание вальяжно отбирало лишь отдельные яркие кадры:

...полная дискография «Машины времени» в гениальном исполнении Рустама, словно одно попурри, компактно сжатое до формата MP3...

...мои собственные гениальные песни в гениальном же исполнении, которых откуда-то набралось едва ли не больше, чем у «Машины времени» ...

...утреннее пересечение казахско-китайской границы в обход длиннющей очереди, через напоминающую туалет саманную избушку пограничного КПП, где служил двоюродный брат Геббельса...

...прощальная просьба Рустама привезти ему из-за рубежа китайский фонарик...

...восторженная встреча в Алашанькоу с Юрой и Бауржаном, обнимавших меня словно героя народного казахского эпоса: – Ну хоть поедим наконец по-человечески! На сухом пайке уже третьи сутки...

– У вас что, деньги закончились? – изумился я.

– Да денег как у дураков махорки! Но во всех кабаках меню только на китайском! Тычем с умным видом пальцами наугад, а нам несут такое, что есть невозможно...

– Ха! – сочувственно отозвался я, вспомнив свой французский опыт.

...Скоротечные деловые переговоры со строгим офицером китайской таможни:

– Десять тысяч долларов.

– Две тысячи.

– Пять тысяч.

– Две пятьсот.

– Ладно, давайте три тысячи и валите отсюда со своим грузом поскорее! ...

...Обратное пересечение границы в ускоренном режиме всего за штуку баксов почти бескорыстным казахским таможенником...

...Безуспешные поиски Рустама по всему Хоргосу. Передача двух десятков разнообразных фонариков его родственникам, ошалевшим от обилия подобной роскоши...

...Снова пустынная казахская степь, словно перемотка фильма в обратном направлении.

Все триста с лишним километров кочковатой дороги до Алма-Аты показали мне многократным повторением одного и того же фрагмента: коричневолицый казахский милиционер останавливает наши машины, долго и озабоченно изучает накладные на груз, потом расплывается в

хитрой улыбке: – Богатый купец, однако! Много товара везёшь, много денег заработаешь... Делиться надо, однако!

Я беспрекословно делился, пока на седьмой или восьмой раз мне вдруг не пришло в голову, что поделился я уже более чем достаточно. – Ты что?! – горячо зашептал мне Бауржан, сжимая руку. – Выдавай, сколько просит и не возмущайся!

– А если не выдам, то что? – дерзко поинтересовался я, недовольно ощупывая сильно исхудавшую поясную сумку.

– Что-что! Придерутся к чему угодно, на арест-площадку поставят, да сами же и бандитов вызовут. А те вообще машины спалют, хорошо ещё если без нас... Потерпи, нам бы только до Алма-Аты добраться, а дальше – наша территория. Там уже нам платить будут, если остановят! ...

Когда в вечернем мареве вдали забрезжили мерцающие огоньки алма-атинских предместий, я постиг, какие райские ощущения испытывал погонщик изнурённого верблюда в конце Великого шёлкового пути. Юра, в машину которого я для разнообразия пересел, довольно потянулся и сладко зевнул:

– Ну, всё. Самое страшное позади, теперь можно оттянуться со спокойной душой. Груз сдаём автоматчикам под охрану, потом в гостиницу: помоемся, покушаем – и в отрыв! С морковками местными ещё не успел познакомиться?

Лучащаяся добротой дежурная по этажу, в то время пока с её телефона Бах дозванивался Дроздюкову, проявила инициативу сама: – Ребят, а с девочками местными не хотите отдохнуть? Хорошие девочки, порядочные, только с приличными мужчинами дело имеют. Они и накормят, и развлекут...

Бах быстренько завершил беседу с Дроздюковым и заинтересованно спросил: – Замужние что ли?

Пока мы ждали на крыльце вызванного в рамках сервиса извозчика, ребята разъяснили мне суть ситуации. В Алма-Ате, как и во многих других городах Средней Азии, проституцией частенько подрабатывали вторые или третьи жёны, живущие отдельно от мужей.

В силу такого диковинного расклада нам предстояло разъехаться по трём разным адресам. Усаживаясь в подкативший «Жигулёнок» с молчаливым, почему-то одетым в пальто водителем, Бах стеснительно спросил меня: – Слушай, там одна из них русская, Салтанат сказала: блондинка... Ты не уступишь, а?

– Да ради бога! – охотно согласился я. – Меня больше интересуют особи местной этнической группы, да и вообще предпочитаю брюнеток...

– Спасибо! – признательно выдохнул Бакытжан. – Вот и Юра у нас тоже – по тёмненьким... А я как увижу белую женщину, да ещё блондинку – кровь вскипает! Такими они мне все нежными кажутся, кроткими, непорочными...

Мы с Юрой одновременно рассмеялись, неожиданно поддержанные угрюмым водителем. – Блаженны верующие! – сказал я Баху. – Наслаждайся непорочностью, покуда верится.

«Жигуль» встал перед тёмной громадой многоэтажного дома. – Квартира 23. Кто идёт? – немногословно произнёс строгий шофёр.

– Не блондинка, нет? – уточнил я. – Ну, значит моя судьба.

Парни по очереди пожали мне напряжённую руку: – Хопчики!²⁴ – добавил Бакытжан. – Удачи.

В третий раз продолжительно нажав на кнопку звонка, я уже решил было, что, как и следовало ожидать, всё это оказалось изощрённой мистификацией, и сейчас в лестничном проёме появятся либо мои хохочущие друзья, либо прежний хэллоуинский водила, как паук наконец-то дождавшийся свой жертвы. Почему-то погибать с почти пустой поясной сумкой представилось мне куда менее обидным, чем с полной.

Однако дверь вдруг бесшумно отворилась и на пороге возникла невысокая женская фигура, укутанная в толстый халат: – Проходите! Проходите же скорее!

Я очутился в маленькой квартирке практически без мебели, чем-то напоминавшей промтоварный склад из-за стопки роскошных ковров в гостиной и груды картонных коробок с иностранными названиями.

– Проходите... садитесь, пожалуйста! – хлопотала вокруг меня маленькая слегка полноватая казашка. Личико у неё, впрочем, было весьма миловидное. – Меня Айгуль зовут, Гуля, а вас?

– Михаил. Миша, – стеснительно представился я. Эта учтивая молодая девушка на путану вовсе не была похожа, и казалось, не имеет к ангажированной роли никакого отношения. Как переходить к процессу, ради которого я собственно сюда и прибыл, было совершенно непонятно.

Я кашлянул: – А вы, собственно...

– Да. За анальный секс – доплата, – покорно пояснила она.

– Ну что вы! – растерялся я. – Я вообще не по этому делу...

– А по какому делу? – насторожилась она. – Вы разве не от Салтанат?!

– От Салтанат, – ещё больше смутился я. – Но я не по анальному делу...

Она облегчённо рассмеялась. – Извините. А то я уж подумала, может вы из милиции! Ну, давайте, садитесь, я сейчас принесу угощение. Богатого тоя,²⁵ конечно, не ожидайте, но попотчевать гостя – святая традиция. У нас говорят: встречай путника как посланника Бога!

Потоптавшись, я решил, что Богу положено восседать высоко и уселся на край коврового штабеля.

– Нет-нет, – запротестовала она, появляясь в проёме кухни с подносом в руках. – Вот сюда, к достархану – на почётное место!

---

²⁴ Хоп, хопчики – пока (казахский молодёжный сленг)

²⁵ Той (казахск.) – пир

Я послушно перебрался на пол и сел лицом к двери у расшитого прямоугольного коврика, обложенного узкими стёгаными одеялами.

Она с низким поклоном расставила на половичке дымящиеся пиалы с лапшой, глубокую миску кумыса с торчащим деревянным черпаком, аппетитные баурсаки,²⁶ ещё какие-то тарелочки. Я сглотнул слюну и с благодарностью взглянул на Айгуль – действительно ведь, последний раз нормально ел чёрт знает когда...

– Вот, пожалуйста, попробуйте ещё вот это, – заботливо угощала она меня, – И ничего на тарелке не оставляйте – это обида для казахской хозяйки!

– Спасибо, очень вкусно, но я уже сыт, – вежливо попытался остановить её я.

– Как это – сыт?! – с негодованием всплеснула она пухлыми руками. – Доедайте, а потом чай пить будем со сладостями.

Осоловело глядя на поставленную передо мной пиалу с горячим чаем, я уже совсем перестал понимать зачем сюда припёрся. Какое-то скотство получается, прямо как в том анекдоте: поел, попил, ты чего-то там насчёт потрахаться говорила? ...

– Знаете, Айгуль, – сказал я, решительно опуская на достархан пустую пиалу. – Спасибо вам огромное, готовите вы прекрасно, и вечер очень приятный получился. Но... давайте я заплачу вам сколько положено, Салтанат сказала 80 долларов, правильно? ...ну и пойду.

Айгуль вздрогнула как от удара камчой. – Я вам... не понравилась? – упавшим голосом растерянно спросила она.

– Нет-нет! Наоборот, вы очень мне понравились. Только я не хотел бы пользоваться ситуацией, из-за которой вы вынуждены... Ну, то есть... – бормотал я. – ...Вот 100 долларов, мелких не осталось...

– Ах, глупенький какой! – вдруг перебила она моё блеяние, и в её чёрных раскосых глазах замерцали озорные искры. – Иди-ка лучше сюда, тебе ещё больше понравится! – И она мягко, но настойчиво опрокинула меня на раскиданные ватные одеяла...

Уже под утро, едва разлепляя веки от поглощающей блаженной истомы, я задал ей мучающий меня вопрос: – Айгуль, извини за бестактность, но у меня в голове не укладывается... Вот ты – мусульманка, к тому же замужняя. Как это всё получилось?

Она резко высвободилась из моих ленивых объятий и села, обхватив руками округлые колени. – А какая тебе разница? – вызывающе спросила она. – Тебе ещё и душевный стриптиз устроить?

Пошарив в темноте рукой, она извлекла откуда-то шуршащую пачку сигарет и нервно закурила. Заплясавшее пламя зажигалки на мгновение осветило её роскошную грудь и наполненные слезами огромные зрачки.

– Мусульманка... – с горечью повторила она. – Муж мой тоже мусульманин, четыре жены у него! Ему для престижа положено, иначе

---

²⁶ Баурсаки – небольшие пончики, жареные во фритюре

уважать не будут – папа как-никак бывший секретарь райкома, большой агашка²⁷ до сих пор...

Она глубоко затаилась. – Ты куришь? На сигарету. Извини, сама не понимаю, как так получилось. Я ведь тоже из приличной семьи, байского рода, в университете училась на втором курсе, а выдали замуж как простую токалку,²⁸ третью или четвёртую – не знаю даже...

Айгуль поднесла прыгающую в темноте зажигалку к моей сигарете. – А ему я до фонаря – после свадьбы в пустую квартиру привёз, сказал: сиди здесь, жди пока приеду. И приезжает, когда вздумается – ночь-полночь, чаще всего пьяный, с друзьями. А если достархан богатый для них тут же не накрою – бьёт потом, говорит: ты чё, салдакы,²⁹ меня перед товарищами позоришь?!

По задрожавшему огоньку сигареты я понял, что она беззвучно плачет, но голос у неё оставался ровным. – Денег не даёт, ковров только дорогих притащил, да коробок фирменных пустых наставил – типа, богатый дом. А на что я живу, да на какие деньги я его друзей угощать должна – его не касается.

– А родители твои? – ошеломлённо спросил я. – Их что, не интересуется, как ты живёшь замужем?

– Родители... – горько усмехнулась Айгуль. – Им важно, что они с такой знатной семьёй породнились. Да и вообще у нас положено, чтобы молодая жена год после замужества своих родственников не видела. Ну а потом начнутся взаимные визиты, тои, богатые подарки... Уж на эту показуху они денег не жалеют! А как я на самом деле живу – никому дела нет.

Она всё-таки всхлипнула. Я погладил её наэлектризованные чёрные волосы и, неуклюже сменяя тему, спросил: – Ну а муж, ты говоришь, приходит когда захочет – не боишься, что он застанет тебя с кем-нибудь?

– По пятницам он никогда не приходит, – с усмешкой ответила она. – У него это святой день – с утра в мечеть, а потом со своей байбише³⁰ примерного семьянина перед Аллахом изображает. Даже не пьёт по пятницам. Ну а для меня наоборот: пятница – день греха...

За окном неестественно быстро светало. Мне вдруг стало жутко неуютно среди пустых картонных ящиков, сереющих недостроенными пирамидами. Я встал на колени, разыскивая джинсы среди смятых одеял.

– Уходишь? – равнодушно спросила она, зажигая новую сигарету.

– Да, Айгуль. Извини, мне пора. Где тут у вас такси поймать можно?

– Подожди, я сейчас Чингизу позвоню. Он, правда, только через полчаса приедет, но зато это в стоимость включено.

– Да Аллах с нею, со стоимостью! – прокряхтел я, прищипав зиппером край гениталий. Порывшись в исхудавшей поясной сумке,

---

²⁷ Агашка – уважаемый человек

²⁸ Токал, токалка – младшая жена

²⁹ Салдакы – шлюха, сучка

³⁰ Байбише – старшая жена

некстати напомнившей мне мою кошонку, я достал оттуда три зеленые купюры.

– Слушай, Айгуль, возьми вот это. Больше дать не могу – самому только на обратную дорогу осталось. И не занимайся больше этим делом, хотя бы пока – потом что-нибудь придумаем. Ты – хорошая девушка, это тебя недостойно...

Она с негодованием схватила бумажки и швырнула их мне под ноги. – Восемьдесят! – прошипела она по-казахски. – Стоимость – восемьдесят! Чаевые мне не нужны!

Не ответив, я вышел в коридор и в сумраке принялся дергать дверные засовы. Когда мне наконец удалось справиться с замками, над головой вспыхнул яркий свет, и я обернулся. Айгуль, укутанная в свой косматый халат, сверкнув глазами, молча выбросила деньги в темный проём лестничной площадки.

Выйдя из квартиры, я вздохнул, и переборов усталость, собрал с пыльного пола шершавые бумажки. – Айгуль, извини, я не хотел тебя обидеть. Давай считать, что это в долг. Когда у тебя всё наладится – пришлешь мне, вот возьми мою визитку.

Она безучастно приняла из моих рук деньги и визитную карточку. Я обнял горячее облако мягкого халата и направился к лестнице, как вдруг она с азиатским визгом бросилась мне на спину: – Нет! Не уходи!!! Забери меня с собой! Я не могу больше жить здесь, в этой стране, тут всё за деньги, всё напоказ! Я хочу быть просто женой, верной, любящей, ждущей... Забери меня отсюда! ...

На площадке открылась соседняя дверь. Какая-то темная фигура протиснулась мимо нас вниз по ступенькам, плюясь и недовольно бормоча что-то по-казахски.

– Слушай, Айгуль! – твердо сказал я. – Я тебя отсюда вытащу. У меня вот-вот должна пройти крупная сделка, и я пришлю тебе денег, много денег, чтобы ты сама могла решать, как тебе жить. А сейчас – отпусти меня.

Она, моментально обмякнув, сползла с моей спины и осталась лежать на треугольнике света, равнодушно лучащимся из-за полуоткрытой двери.

В хабаровском аэропорту меня встречали прямо у трапа. Я удивленно приподнял брови при виде Шуры, начальника банковской службы безопасности, лично которому я ежемесячно преподносил в конверте пять штук зеленых.

– Расплачиваемся? – в ответ на мое приветствие сурово спросил он, но вопрос прозвучал больше как утверждение.

– Да подожди, – ответил я, и моя фраза прозвучала больше как вопрос. – Сделка вот-вот закроется: товар на месте, деньги скоро придут.

– Придут? – ухмыльнулся он с большим сомнением. – Так ты пустой? Ну хорошо хоть вернулся, теперь есть с кого спросить. А то мы уж решили, что ты свалил без прощальных поцелуев...

– Да вы офигели! – возмутился я. – Чего это ради я бы сваливал? И куда? В Казахстан?!

– Люди куда только не сваливают, – неопределённо протянул он. – Лишь бы по долгам не рассчитываться.

– А у тебя есть основания полагать, что я не рассчитаюсь? – надменно спросил я. Меня вдруг стал до крайности раздражать тон этого плебея.

– Да мне пох основания! – ощерился он. – Мне сказали: встретить и напомни, что деньги возвращать пора: давали на два месяца, а прошло уже четыре.

– Я же проценты вам регулярно плачу! Ну, не закончилась сделка в срок, как планировали, так вам же только лучше – денежки капаят, интерес драконовский...

– Драконовский он будет, когда штрафняки тебе включим, – зловеще предрёк Шура. – Может побыстрее суетить будешь.

– За что штрафняки?! – задохнулся я от негодования. – Я же ни одного платежа не пропустил, ни налом, ни безналом! ...

На фоне Шуры вдруг возник решительно рыжий силуэт моего водителя с торчащей из-под рубахи кобурой, и я вдруг сразу успокоился. Он весьма бесцеремонно отщёр от меня неприятного собеседника и его пасмурно молчаливых спутников и повёл в сторону аэровокзала.

– Шеф, я тебя давно прошу: купи мне настоящий пистоль! – увещевал Вася, усаживая меня в наш как всегда идеально блестящий, бандитского вида чёрный «Suburban». – Что толку в этой газовой пукалке, если настоящие наезды пойдут?

– Вася, а ты готов убить человека? – угрюмо поинтересовался я. – Вот просто так, если тебе показалось, что он наезжает? А на самом деле он такой же, как и ты: с женой, сыном маленьким, яичницу с картошкой по утрам для них готовит... Ты жить, как раньше жил, после этого сможешь?

– Ну, если он нормальный пацан – это сразу видно, – неуверенно рассудил Вася. – А когда вдруг по-серьёзному...

– А когда по-серьёзному – то тебе твой пистоль даже вытащить не дадут, – весело сообщил я. – Расхерачат из «калаша» сзади, и пукнуть не успеешь.

Водитель недовольно нажал на газ, явно не удовлетворённый моими доводами.

Едва войдя в квартиру, я ринулся к телефону и набрал Дроздюкова. Его номер как обычно был занят, но с третьего или четвёртого раза я всё же дозвонился.

– Петя, привет! – обрадовался я. – Ну как там дела? Груз получили?

– Получили, – без восторга отозвался Дроздюков. – Но на этом хорошие новости заканчиваются...

– А в чём дело? – хрипло спросил я, и вдоль хребта предательски повеяло холодной испариной. – С товаром всё в порядке?

– Да с товаром-то нормально, а вот главный покупатель, который всё оптом забирал, вчера позвонил и сказал, что ему ничего не нужно. Деньги в другое дело вложил, блин! Бах с Юрой с утра мелкими партиями по магазинам развозят на реализацию, но это когда ещё продастся...

– Петя, – строго сказал я. – У меня тут полная задница. Банк деньги назад по полной требует, а мне им даже проценты заплатить нечем – всё на эту поездку потратил. Ты можешь хотя бы штук пять-шесть подкинуть?

– Да откуда?! – завопил он. – Меня трамбуют уже не по-детски, не успеваю отмахиваться... Потерпи! Уговори их подождать ещё недельки две-три, деньги вот-вот пойдут...

Я закрыл глаза. Ещё недельки две-три кошмара...

– Ладно, Пётр, – вяло сказал я. – Имей только, пожалуйста, в виду, что мне долго не продержаться.

У кого снова занимать деньги я уже не знал. И что самое неприятное – я не знал, сколько на самом деле будут длиться эти очередные «две-три недельки».

Спал я плохо, несмотря на жуткую усталость. Мне мерещились Шура и Дроздюков, о чём-то по-дружески договаривающиеся. К рассвету их дружба переросла в неподобающе интимные отношения, причём к их мезальянсу присоединился ещё и водитель Вася. От вида этого любовного треугольника я с отвращением проснулся и до девяти часов просто промаялся в постели, одолеваемый мрачными думами.

Потом с тяжёлым вздохом потянулся к телефону, но решил прежде почистить зубы, как будто для телефонного звонка это имело какое-то значение.

С президентом банка Галиной меня соединить отказались, вежливо сославшись на её занятость. Вместо этого в трубке послышался до боли знакомый голос Шуры: – Слушаю, – строго произнёс он.

– Салют, Александр, – стараясь быть приветливым, начал я. – Ты можешь организовать мне встречу с Галиной сегодня-завтра?

– А зачем? – равнодушно поинтересовался он.

– Как зачем? – даже растерялся я. – Мы с тобой вчера разговор не закончили, а надо бы обсудить условия возврата долга...

– Забудь, – коротко процедил он. – Ты банку больше ничего не должен.

– Как это – не должен? – переспросил я, и у меня нехорошо закружилась голова.

– Да вот так, – злорадно ответил он. – Мы твой долг передали другой организации. Будешь теперь с ними разбираться.

– Какой ещё организации? У меня ведь контракт с вами!

– Они сами на тебя выйдут, – сказал он. – А мы с тебя долг списали, как с несостоятельного заёмщика. Так что контракт аннулирован. Галину Сергеевну можешь больше не беспокоить.

Шура повесил трубку, а я ещё долго держал свою в руках, слушая бессмысленные гудки.

Когда я вошёл в офис, секретарша взволнованно встала мне навстречу: – Вас ждут, Михаил Адольфович... – растерянно прошептала она, забыв поздороваться.

– Кто ждёт? – недовольно буркнул я, окидывая взглядом пустую приёмную.

– Там... – ещё тише произнесла она, подбородком указывая на дверь моего кабинета.

– Почему: там?! – разгневанно распахнул я дверь и оторопел. Поначалу мне показалось, что весь кабинет заполнен людьми, хотя внутри было лишь два человека, больше напоминавшие пару огромных сейфов. Один из них стоял у окна, загораживая круглыми плечами почти весь солнечный свет, второй восседал за моим столом, лениво тыкая толстыми пальцами в клавиши компьютера и небрежно стряхивая пепел сигареты в вазочку для карандашей.

– Заставляешь ждать, Майкл, – медленно проговорил он, поднимая на меня бесцветные, тяжёлые глаза. – А время – деньги, ты сам знаешь.

– Вы... кто? – растерянно спросил я.

Они недобро расхохотались. – Кони в пальто! – прохрипел стоящий у окна шкаф, но мутноглазый строго взглянул на него и тот умолк.

– Тебя что, не предупредили, что теперь мы твоими долгами заниматься будем? – скрипуче поинтересовался сидящий. – Я смотрю: у тебя тут дела кипят, людишки бегают, компьютеры жужжат, а ты сам чего-то не суетишься. Придётся тебе помочь, а это отдельных денег стоит. Короче, для начала разговора десять штук с тебя, а потом определимся, как остальные девяносто отдавать будешь.

– Пойдите... Какие «девяносто»? – проговорил я онемевшими губами. – Я банку всего пятьдесят остался должен, плюс только по процентам уже тридцать с лишним отдал...

Они вновь гулко захохотали. – У нас свои проценты, Майкл! – наконец сказал мутноглазый и решительно затушил окурок на голове нефритового дракона, гордо возвышавшегося на столе.

– У меня сейчас нет десяти тысяч, – с трудом справляясь с собой, заговорил я. – Вот-вот должна закончиться одна сделка, и тогда...

Мутноглазый поднялся и в кабинете стало ещё теснее. – Меня твои сделки не е..ут, – веско сказал он. – Продавай компьютеры-х..юторы, машины, что хочешь. Но через два дня ты отдаёшь нам десятку, а потом – продолжим разговор. Иначе порвём, как промокашку.

– Я не могу продать компьютеры и машину, – твёрдо сказал я. – Тогда мне придётся закрыть фирму, а значит с долгами я не рассчитаюсь уже никогда. Чтобы расплатиться мне надо работать!

Он с мрачным интересом долго смотрел мне в глаза тягучим, рыбьим взглядом. – Ну ты и наглый, Майкл! – с неожиданным одобрением протянул наконец он. – Компоту перечить немногие осмеливались... Ну

ладно, поговорим по-другому. Твоя фирмёнка туризмом, говоришь, занимается?

Я кивнул, сглатывая слюну.

– Короче, устрой нам тогда хороший отдых. Не в группе там какой-нибудь, а так чтоб по-человечьи оторваться, по полной. Чтобы всё там было – море, бухло, машины, массажи, все дела. Где-то так через пару неделек. Я ещё двух-трёх ребят с собой возьму, ну и с бабами, разумеется...

Я обошёл его и с невольным содроганием сел за свой испоганенный стол. – Подождите, давайте я всё запишу. Куда вы хотите? Вы в Таиланде были?

Он хмыкнул и судорожно повёл бычьей шеей: – Я как-то больше в других краях, севернее... отдыхал. Ну давай Таиланд, если там всё пучком. Нормально сделаешь – может тогда спишем с тебя чуток...

Когда они наконец вывалились из кабинета, я распахнул настежь окно и долго стоял, жадно вдыхая тёплый хабаровский воздух.

– Михаил Адольфович, – раздался сзади виноватый голосок секретарши. – Там Хван на проводе.

Я бросился к столу и схватил трубку. – Витя! – отчаянно зашептал я. – Ко мне сейчас Компот приходил. Гору штрафняков насчитал и ещё требует, чтобы я его с дружбанами в индивидуальный VIP-тур отправил, это штук в двадцать пять обойдётся. А денег на фирме нет, ты же сам знаешь...

– Майкл, делай всё, что он сказал, – сурово перебил меня Хван. – С Компотом я спорить не могу, это очень авторитетный человек. Давай, договаривайся со своими партнёрами в кредит, как хочешь, но чтобы всё было по высшему разряду. А потом мы с ним по штрафнякам перетрём. Что там у тебя с казахами? ...

Я обескураженно опустился в кресло. Вот и «крыша» уже не справляется с налетевшими шквалами... Ну что-ж, по крайней мере это была отсрочка. Хотя бы ещё на две недели.

Через две недели Компота задержали в аэропорту за поддельный загранпаспорт. Без него никто из его компании лететь не захотел. За поздний отказ от билетов и бронирования люксовых бунгало я оказался должен ещё около восьми тысяч.

... Хван развёл руками: – С Компотом об этих деньгах даже не вздумай говорить! Считай, что просто потеряли.

... Я спотыкающимися пальцами набрал Дроздюкова. Жалобным голосом он поведал, что товар не продаётся, наличности у людей нет. В Казахстане, пытаюсь справиться с инфляцией, просто перестали печатать бумажные деньги.

– Когда, Петя?! – простонал я. – Ну хотя бы немного...

– Потерпи, Майкл! Максимум через месяц всё должно пойти...

Я уронил трубку.

Секретарша тихонько положила на край стола письмо и на цыпочках удалилась. Я машинально открыл конверт, непонимающим взглядом скользя по незнакомому крупному почерку, разрываемому восклицательными знаками:

«Мишенка! – кричали детские буквы. – Это я – Гульшат Валиханова, никакая я не Айгуль. Ты уехал а я весь день проплакала! а вечером пришёл муж и сильно избил меня, телефон оторвал и унёс, обзывал по-всякому, я так жить больше не могу! я приеду к тебе! ты только напиши мне! или позвони Салтанат в гостиницу...»

Я кинул письмо в мусорное ведёрко, обхватил голову руками и сардонически расхохотался. Палитра жизни приобретала всё новые жутковатые краски.

Глава 6. СТЕНА

*Я в сотый раз опять начну сначала
Пока не меркнет свет, пока горит свеча.*

А. Макаревич

***Апрель 1995 года
Хабаровск, Москва***

– Я тебе повторяю: он мой старинный друг, ещё со школы, он не обманет! Я с ним уже разговаривал насчёт тебя. Он сказал, пусть приезжает, поговорим, если есть идеи – помогу...

– Да идей полно! – мрачно перебил я своего бывшего тестя. – Только денег не осталось на эти идеи. Я уже в долгах как сокол – перьев не видно! ...

– Если идеи стоящие – он всё профинансирует. Ты хоть знаешь, что такое «Дорити»? Это же гигант! У них уже три супермаркета в Москве, и ещё два открывать собираются. А он – финансовый директор, все денежные потоки через него идут, возможности неограниченные...

Что такое «Дорити» я знал хорошо. Горделивую рекламу этого российско-итальянского СП крутили по центральному телевидению по несколько раз на дню: «Традиции итальянского возрождения на российском рынке», блин! Выглядело и впрямь весьма внушительно...

– Ну а если у них там всё так прекрасно, зачем тогда я ему нужен? – задал я логичный вопрос.

Тесть прокашлялся. – Ну, ты же понимаешь, это не по телефону. Скажу только, что свой интерес у него безусловно есть. Ему очень нужны надёжные люди, а я за тебя поручился. Срочно вылетай в Москву, я встречу!

Положив трубку, я зашагал по комнате. А ведь это, возможно, моё спасение! После провала Дроздюковского проекта, который тянулся почти год, снежный ком процентов лавиной накрыл меня с головой. Для лихорадочного латания дыр по перепроданным банковским долгам мне приходилось вновь и вновь занимать деньги у кого только возможно, но больше брать было нельзя – шансов отдать такие бабки я уже не видел. Те же триста тысяч баксов, что и в начале, только теперь со знаком минус. Магическая цифра...

Моя туристическая фирма дышала на ладан. Затяжное падение рубля, бредовые налоги, общий бардак в экономике свели к нулю какие-либо доходы, а тем более возможности развивать бизнес. О повышении зарплат для сотрудников давно не могло быть и речи, и люди стали либо уходить, либо приворовывать, либо работать абы как. Я уже просто закрывал на это глаза, ибо даже платить случайные премиальные, как это бывало раньше, из своего безнадёжно прохудившегося кармана больше не мог.

Пришлось понемногу распродать почти всё, что ещё оставалось более-менее ценного из нажитого за успешные годы, оставив лишь квартиру и одну-единственную машину, но деньги тут же улетали на проценты по долгам и краткие отсрочки под новые обязательства.

Тревожнее всего было то, что и «крыша» уже трещала, грозя обрушиться в любой момент.

– Что за херня, Майкл? – кричал, сужая глаза, Хван. – Вместо того, чтобы прибыль поиметь, мы тебя отбиваем от кого только можно, даже с Компотом перетёрли ситуацию, а толку никакого! Я что, мать Тереза тебе?

– Витя, – увещевал его я. – Ты ведь видишь сам – я кручусь как уж на сковородке, проектов море, но времена такие! Ну не идёт сейчас, подожди, скоро что-нибудь да сработает, и всё встанет на место.

Вопреки оптимистическому тону, я и сам уже не верил своим словам.

– Да сколько можно ждать?! – справедливо взрывался Хван. – А ребята мои хер сосать должны? Ведь им под пулю или под нож себя подставлять, если понадобится за тебя!

Ребята, молча стоявшие вокруг, сочувственно поглядывали на меня, однако я ничуть не сомневался, что скажи им сейчас Хван водрузить мне на задницу горячий утюг, они беспрекословно сделают утюг погорячее. Такая у них работа, и им тоже надо кормить свои семьи.

Буквально несколько дней тому назад мы именно об этом беседовали с одним из них, Борькой, который сейчас стоял отвернувшись и делая вид, что разговор его не касается.

Боря забежал ко мне как иногда бывало поздно вечером глотнуть водочки и побренчать на моей 12-струнке. После своего любимого розенбаумовского серого в яблоках коня, он хватил сразу полстакана и внезапно размякнув, приобнял меня боксёрской ручищей со свежими ссадинами на разбухших костяшках.

– Майкел, извини, сегодня одного перца трамбовали по тяжёлому – до сих пор трясёт, так он кричал... Я почему-то о тебе всё время думал. Вот знаешь, я тебя люблю почти как брата. Честно, не забуду никогда, как ты мою семью в Таиланд за бесплатно свозил, хотя Хван говорил, чтоб ты с меня по полной взял – я тогда проштрафившись был...

Твёрдой рукой он налил себе ещё полстакана. – И вообще ребята все к тебе хорошо относятся, ты нормальный пацан. Но! – он поднял плохо разгибающийся палец. – Если Витёк команду даст – любой из нас тебя порешит, ты это знай. А что делать, если жизнь наша такая? Зато я уверен, что Витёк о моём сыне и жене по-человечески позаботится, случись со мной чего, ведь больше некому...

Борька помолчал, задумчиво жуя. – Если совсем честно – на твоём месте я бы свалил подальше и поскорее. Крови твоей напиток очень многие хотят, а нам всех держать уже трудно.

Он медленно поднялся. – Ладно, давай. Меня дома заждались. Подумай о чём я сказал.

Открыв ему дверь, я тихо произнёс: – Всё понял, Боря, спасибо, но валить никуда не собираюсь. От себя не свалишь.

Борька махнул рукой и загрохотал ботинками по лестнице совершенно тёмного подъезда. Лифт как всегда не работал.

Утрамбовывая чемоданы с китайскими образцами утюгов и тостеров в багажник старенького «Ниссана» тестя, я, не выдержав, спросил: – Так зачем всё-таки ему именно я? У них же масштабы совсем другие.

– Вот именно, – охотно подтвердил тесть, усаживаясь за руль. – Масштабы огромные, Мишань, но кому здесь сейчас охота за одну зарплату работать?

Он завёл машину и, аккуратно лавируя, вырулил со стоянки «Домодедово». – Видишь ли, тут в любой момент всё может прахом пойти, а ему надо о семье думать.

Я невольно усмехнулся. По раскладам последних дней, выходило что семья являлась самым большим генератором зла на Земле.

– Он хочет, – доверительно продолжал тесть, одной рукой поглаживая холёную бороду, – чтобы какой-то процент от сделок оставался для него за границей, например в твоём Гонконге. Но сам-то он не может бизнес-проектами заниматься, не его это прерогатива. А вот порекомендовать совету директоров человека с хорошей идеей и возможностями – может. И ты для него кандидат идеальный – связи там у тебя там есть, надёжен абсолютно, его интерес обеспечить сможешь...

Интеллигентно выругавшись, он посигналил нагло втиснувшегося перед нами грузовику. – Так что давай придумаем привлекательный для них бизнес, а Сергеич его пролоббирует. Уж в этом-то он гроссмейстер!

Я напряжённо думал. Схема была абсолютна понятна, но чем убедить совет директоров, что работать им необходимо именно со мной? Тут действительно нужна какая-то нестандартная идея...

– Знаете что, – сказал я. – Давайте прямо сейчас заедем в один из их супермаркетов. Мне надо посмотреть, как они работают.

– Так, так... – протянул Сергеич, внимательно вглядываясь в меня. – Это может быть интересно. Но как заставить нашего избалованного «Филипсами» и «Ровентами» московского потребителя покупать китайский ширпотреб?

– Но вы ведь в курсе, какая часть из посетителей ваших магазинов что-либо покупает? – задал я встречный вопрос. – Я понаблюдал вчера: из 100 человек как минимум 95 уходят с пустыми руками. Цены ведь тоже «Филипсовские»!

Жестом фокусника я открыл одну из коробок: – А теперь взгляните на мои образцы: они сделаны на тех же китайских заводах, и ничем не отличаются, не считая того, что на них нет этих шести маленьких буковок! Ну и ещё того, что вам они будут обходиться раз в десять дешевле, чем в Европе.

Сергеич серьёзно повертел в руках белоснежный утюг, зачем-то понюхал его и бережно поставил его на стол. – Товар качественный. Но ведь не попросишь китайцев ставить на них фирменную маркировку, – задумчиво проговорил он. – То есть, конечно, их можно попросить о чём угодно, но мы-то не будем продавать левый товар – у нас слишком солидная контора.

– Вот в том-то и дело, что солидная! – вдохновенно подхватил я. – А что нам мешает вместо шести буковок «Филипс» поставить на этот утюг шесть солидных буковок «Дорити»? И если при этом он будет стоить для покупателя раза в два-три дешевле, я уверяю вас – пустыми из магазина уйдут не 95 человек, а гораздо меньше!

В стёклах очков Сергеича заплясали азартные огоньки. – Гениально! – выдохнул он. – А уж как нашим итальянским партнёрам это понравится... Это же такое продвижение торговой марки на рынке!

Наэлектризованный его восторженной реакцией, я выдал ещё одну спонтанно родившуюся идею: – А чтобы у совета директоров не осталось сомнений, давайте проведём акцию изучения потребительского спроса. Поставим в торговом зале стенд с образцами под вывеской «Перспективные товары» с примерными ценами, и девушку с журналом учёта мнений: кто хотел бы это приобрести!

Сергеич вскочил и возбужденно потёр руки: – Так! Так! Какие у тебя ещё с собой образцы? Кофемолки, миксеры? Отлично! Дай-ка взглянуть на цены. Ни в коем случае никому их не показывай! Да, запас огромный... Хватит и моим, и твоим детям.

– Теперь вот что, – он склонился ко мне. – Твои китайцы нормальные ребята? Они смогут в контракте поставить другие цены, а разницу переводить на наши счета в Гонконге?

У меня пересохло во рту от ощущения удачи. – Без проблем, – твёрдо заверил его я. – Мы уже так с ними работали, правда на небольших объёмах...

– Объёмы будут большими, – выпрямляясь, сообщил он. – Это я тебе обещаю. Через годик-полтора будешь миллионером.

«Вот и оно!» – зазвенело у меня в голове. «Есть всё-таки на Земле справедливость!»

Через пять дней я уже встречал в аэропорту экстренно вызванных китайцев, загруженных новыми образцами. Один из их огромных тюков с микроволновками, правда, украли в «Шереметьево-2», но это не могло испортить общей картины – бизнес вырисовывался грандиозный.

Срочно организованный мною стенд изучения спроса дал просто сногшибательные результаты. Излишней оказалась даже маленькая хитрость с мобилизацией под это дело всех знакомых, проживающих в центре Москвы – и без них уже третий журнал был испещрён фамилиями желающих отовариться, которые даже оставляли свои телефоны с просьбами позвонить, когда начнутся продажи.

Генеральный разговаривал со мной стремительно: – Молодец! Идея превосходная. Будь уверен – мы найдём возможность тебя отблагодарить!

Я скромно промолчал, стараясь не смотреть на невозмутимого Сергеича, и едва удержавшись от глупого искушения благородно отказаться от своих официально забитых в контракт трёх процентов.

Ещё через два дня контракт был подписан. Сметливые китайцы с ходу въехали в схему и на официальных переговорах с серьёзным видом торговались за какие-то копейки, хотя истинные цены мы обговорили накануне в банкетном зале нового индийского ресторана «Махараджа». Сергеич не жлобствовал и весь навар пожелал делить со мной поровну.

– Счета нам открыть в гонконгском «Дойче Банке», реквизиты отправить Михаилу, все отчёты отсылать ему же, – по-деловому инструктировал он китайцев. – После каждой проплаты из Москвы, разницу от контрактных цен переводить в тот же день: 50 процентов на его счёт, 50 – на мой. Михаил будет всё контролировать.

Я молча наклонял голову, жуя какую-то огненную еду с карри, совершенно не ощущая вкуса.

– Первая партия пойдёт тысяч на 150, потом ежемесячно на 200-300. Ассортимент по каждой партии будем уточнять. Справитесь с объёмами?

Китайцы, пошушукавшись, утвердительно закивали.

– Вот и прекрасно! – с элегантностью сложив салфетку, грузно поднялся из-за стола Сергеич. – Мне пора ехать, а Михаил продолжит вас

развлекать. Что у вас сегодня по программе? «Распутин»?³¹ О, давайте-давайте, девочки там классные! Смотрите, не забудьте только про завтрашние переговоры.

В «Распутине» китайцам понравилось куда больше, чем накануне в Большом, куда я опрометчиво потащил их смотреть «Лебединое озеро». После антракта с шампанским они дружно задряхли в креслах, под осуждающими взглядами соседей, а я, делая вид, будто не имею к ним никакого отношения, смущённо вспоминал, как сделал то же самое пару лет назад в Пекинской опере. В Москве я уповал на то, что любоваться породистыми ногами балерин куда интереснее, чем слушать педерастические завывания китайских мужиков, по традиции исполняющих в операх все женские роли, но мои гости наглядно продемонстрировали пропасть между нашими культурами, отплатив мне той же монетой.

К счастью, «распутинский» стриптиз оказался более универсальным средством увеселения. Остекленевшие китайцы поначалу сидели как один раскрыв рты, за что мне было ужасно неловко перед озорными девушками, однако потом завелись и, возбуждённо галдя, принялись наперебой засовывать купюры в лифчики и стринги обступивших их танцовщиц.

Распавшийся коммерческий директор Дэн Чжуан (уже давно и небезосновательно переименованный мною в Дон Жуана) нацелился было на продолжение банкета, интересуясь, возможно ли пригласить дам для частных танцев в гостиницу, но я, сославшись на позднее время, поспешил увести делегацию. Денег, одолженных у тестя, на такие развлечения могло и не хватить.

Переговоры не обошлись и без сложностей. Россияне категорически потребовали, чтобы на вещах нигде не стояло «Made in China». Растерявшиеся китайцы уверяли, что без этого товар не выпустят на экспорт, но потом творчески предложили наклеивать на коробки легко удаляемые этикетки.

Более серьёзным препятствием стал штрих-код на упаковках, необходимый по международным стандартам. У русских эти стандарты оказались как всегда своими, и дело едва не зашло в тупик, но к моему облегчению китайские друзья пошли и на этот компромисс – призрак больших денег, маячивших за столь выгодной сделкой, затмил потенциальные осложнения с китайской таможней.

– Ну вот и прекрасно! – поочерёдно тряся всем руки, говорил на прощание генеральный. – Можете начинать производство первой партии. Платёжку я подпишу на следующей неделе. Будем ждать ваш товар и как можно скорее!

В самом радужном расположении духа покидая кабинет, я едва не оказался сметён решительно входящим в комнату гигантом в

---

³¹ Дорогой стриптиз-клуб; одно из первых элитных заведений такого рода в Москве.

развевающимся чёрном плаще. На фоне мелких китайцев он смотрелся неким потусторонним терминатором, и я даже не сразу узнал в нём легенду мирового спорта – непобедимого борца Карыгина.

Генеральный, вскочив из-за стола, поспешил ему навстречу с угодливо протянутой рукой. «Надо же, с какими людьми здесь можно встретиться!» – восторженно подумал я, даже не подозревая, чем лично для меня обернётся борцовский визит...

Но тогда никаких оснований для беспокойства быть не могло. Схема казалась просто безупречной, ибо идеально устраивала все задействованные в ней стороны, а главное – обеспечивала личную заинтересованность ключевых персонажей. Сергеич обмолвился, что учредители посулили генеральному немалые бонусы в случае успешной реализации проекта. К тому же сумасшедшая разница в ценах давала возможности для любых манёвров.

Вот почему, когда китайцы осторожно поинтересовались у меня, не стоит ли им сначала дождаться перевода средств из Москвы, я лишь снисходительно усмехнулся. – Не волнуйтесь, – уверенно пообещал я. – Деньги будут. Начинайте работу, и чем быстрее – тем лучше!

– Хорошо, Миса, – согласился Дэн Чжуан. – Тебе мы полностью доверяем. Завтра же дам команду приступать к производству. А сегодня... – смущённо добавил он, – Товарищи хотели бы снова в то место, где мы были вчера...

«Эх, гулять так гулять!» – на радостях подумал я. «А с тестем рассчитаюсь уже скоро!»

Всё шло на удивление быстро и гладко. Через десять дней китайцы доложили о готовности первой партии к отправке и деликатно намекнули, что хотели бы до отгрузки всё-таки получить оплату. Я набрал Москву. – Ушли денежки, ещё вчера ушли! – заверила меня бухгалтерша. – Сейчас копию платёжки вам на факс сброшу.

Словно ценный древний манускрипт я бережно разглаживал со скрипом вылезавший из факса свиток: сто восемьдесят три тысячи! А реальная стоимость – семьдесят пять с копейками. Значит вот сейчас на наши с Сергеичем счета падают по пятьдесят с лишним...

Мои сладкие подсчёты прервал звонок. – Миса, денег так и нет, – извиняющимся тоном сообщил Дон Жуан. – Если до завтра не получим, товар уйдёт только на следующей неделе – у нас тут праздники.

Я вновь нетерпеливо набрал московский номер. – Ничего не понимаю! – удивлённо причитала бухгалтерша. – Деньги вернулись... В чём же дело? ... Ах! Вот вижу: тут букву перепутали в адресе китайского банка! Надо Сунь Хуа Стрит, а оператор Сунь Хуи Стрит написала. Ну девчонки! У них только одно на уме! Вы не беспокойтесь, пожалуйста – сейчас поручение перепечатаем, и тут же денежки уйдут.

– Пришлите мне платёжку сразу же, – сдерживая негодование, попросил я. Ну что за дела! Каждую букву в их бумажках я должен сам проверять?!

Спал я почему-то плохо. Мне грезились всякие кошмары, а в четыре часа утра я вообще подскочил как ужаленный. Привиделось, будто выползшая из факса длинная бумажная лента соскользнула со стола и вспыхнула от невыключенного обогревателя. С бьющимся сердцем я торопливо натянул штаны и, то и дело переходя на бег, пустился по совершенно пустым, промозглым хабаровским улицам в направлении офиса.

Перед невредимой дверью кабинета я отдышался, и, сетуя на свою мнительность, повернул ключ в замке. Однако, мнительность не подвела: белая полоса факсовой бумаги свисала прямо над включенным хитером, и край её уже начал коричневеть.

Грязно выругавшись, я резким движением оторвал ленту и, не раздеваясь, сел за стол. Платёжки не было. Ну ведь не успела же она сгореть!

Нервными пальцами я набрал домашний номер Сергеича. – Ты чего это не спишь? – добродушно удивился он.

– Александр Сергеевич! – взмолился я. – Скажите своим тётям в бухгалтерии, что внимательнее к документам относиться нужно! Ну что это такое! Из-за неправильной буквы мы теперь на четыре дня отправку товара задерживаем...

– Да боюсь, что не на четыре, – сразу посерьёзнев, перебил меня Сергеич. – Генеральный платёжку не подписал.

– Как не подписал?! – похолодел я. – У китайцев уже простой контейнера идёт...

Сергеич смущённо закашлялся. – Да тут у нас такие дела... Видишь ли, принято решение с завтрашнего дня все новые проекты свернуть, а средства целиком направить на строительство мелкооптовых магазинов по типу «Костко». Встречал у нас Карыгина в офисе? Он ведь «Дорити» крышует, вот и настоял вечером на совете. Так что скажи своим китайцам: пусть разгружают контейнер. Надо же – на один день всего не успели! А ведь какой проект замечательный был...

Всё ещё не веря своим ушам, я тихо положил трубку. За окном медленно занималось хмурое апрельское утро.

– Миса! Но ты же понимаешь, что мы этот товар уже никому не продадим?! – прерывался в трубке нехарактерно плачущий голос Дон Жуана. – Там же штрих-код нестандартный, его ни одна страна не примет! ...

Я молчал.

– Спасибо, что хоть сообщил вовремя, – скорбно добавил он. – Мы уже собирались сегодня без оплаты груз в Москву отправлять, под твоё слово...

Наверное в этот момент я заплакал.

Через несколько дней Дэн радостно сообщил мне, что они всё же нашли покупателя в Арабских Эмиратах, правда для этого придётся переделать все коробки под правильный штрих-код. – Ну как же повезло! – возбуждённо повторял он. – Потеряли всего-то двадцать тысяч на коробках! Директор сказал: половину мы так и быть на себя возьмём, ну а десять пусть «Дорити» возместит.

– Какие ещё десять тысяч? – искренне удивился Сергеич. – Их никто не заставлял товар без денег производить. Сами поторопились – пусть сами и расхлёбывают свои проблемы.

Положив трубку, я извлёк блокнот с длинным перечнем долгов и с необъяснимым мазохистским удовольствием, после пяти тысяч тестю добавил туда ещё и десять тысяч китайцам. Ну, зато продвижение торговой марки «Дорити» с помощью моих утюгов теперь вовсю пойдёт в Эмиратах...

Июнь 1995 года

Офис фирмы «Майкл», Хабаровск

– Ну ты чего, не понял?! Говорю тебе: двадцать штук, к субботе! Иначе – морщить будем уже не по-детски! Ни хера себе – брал на месяц, а уже четыре прошло!

Я молчал. Стоящие перед моим столом крепкошее бугаи тоже молча грозно сопели.

– Ты с кем работаешь? – не выдержал блондин вполне благообразного вида, главный из них. – Кто твоя крыша?

– С Хваном он работает, – подсказал кто-то из задних рядов.

– А чего не сказали, что с Хваном? – обернулся блондин. – Витёк – человек авторитетный... Ну ладно! – угрожающе бросил он мне. – С Хваном я перетру. Пусть сам платит, если таких беспонтовщиков крышует. С процентами. Пошли, пацаны!

– По процентам я уже сказал, – упрямо буркнул я ему вслед. – Если хотите, чтобы вернул – выключайте проценты. Брал десять тысяч, значит отдам десять. У меня форс-мажор.

Круто развернувшись, он подскочил к столу и наклонился ко мне, обдавая гнилостным смрадом изо рта: – Да мне по херу, что там у тебя! – прорычал он. – Глаз на жопу натянем, и никакой Хван тебя не прикроет! Знаешь, что он сам делает с теми, кто его подопечным должен?!

Я знал, но предпочёл промолчать.

– С ним я разрулю, он пацан с понятиями. А мы тоже не клоуны – за бесплатно бабки выколачивать! Считай, что этот разговор тебе ещё в пять штук обошёлся!

Дверь за ними осталась открытой. Я слышал, как в приёмной секретарша беспокойно скрипела своим креслом. – Набрать Хвана? – наконец робко спросила она.

– Не надо, – угрюмо отозвался я. Разговаривать с Хваном у меня уже не было моральных сил. Подобные наезды происходили теперь едва ли не каждый день. Кто-то требовал двадцать тысяч, кто-то сто...

Я прекрасно понимал, что бесконечно отбивать меня от кредиторов ребята не смогут, да и на кой им это сдалось? Проблему надо было решать радикально, но как? Просто бросить всё и уехать, спрятаться, как поступали в сходных ситуациях некоторые знакомые бизнесмены, я не мог. Жить потом с неизбывным ощущением личной ничтожности и бояться каждого шороха? Зачем она нужна, такая жизнь?

А зачем нужна вот такая жизнь – в тисках безнадежных долгов, в этих несуразных разборках, в лихорадке жгущего стыда за свою несостоятельность и беспомощность? И ведь дальше всё будет становиться только хуже...

Я встал. Решение явилось мне простое и ясное, как летний день.

Самоубийство я никогда не считал достойным выходом из любой, даже самой тупиковой ситуации. Есть в этом что-то глубоко позорное, будто корявая роспись в собственной немощи. К тому же, страшно претила мысль о том, как кто-то будет соскребать со стены брызги моих мозгов, или заталкивать обратно в рот синий язык, произнося при этом всякие неприятные слова...

Ну а что если это будет не самоубийство, а несчастный случай? Вот разбился человек на машине – ну да и ладно, был он не очень, задолжал всем кругом, вот Бог и наказал. Что-ж, земля пухом и дело с концом...

Я облегчённо рассмеялся. Встревоженная секретарша заглянула в кабинет: – Чаю хотите, Михаил Адольфович?

– Нет, спасибо! – бодро ответил я. – Мне надо срочно съездить по одному делу.

– Василия вызвать?

– Нет-нет, я сам! Буду часа через два. А Васе скажи: он с сегодняшнего дня в отпуске, пусть получает отпускные.

Водитель с его неуёмным стремлением находиться при мне едва ли не круглосуточно, оберегая от всех возможных напастей, в этом проекте был мне совершенно ни к чему.

Оставалось ещё одно важное дело. Я достал из оскудевшей сумки оставшиеся доллары и дважды пересчитал их. Да, не густо... Триста баксов себе на всё про всё, а людям выходит лишь по сто. Ну, хоть что-то напоследок...

Я разложил сотки по конвертам и нажал кнопку интеркома: – Галочка, собери всех на пять минут в мой кабинет.

Обойдя стол, я раздал по конверту выстроившимся вдоль стены сотрудникам: – Пока так, ребята. Но поверьте: настанут и лучшие времена. – Я чуть было не добавил: «Не поминайте лихом», но вовремя спохватился.

Сотрудники, весело подталкивая друг друга, покинули кабинет. Я грустно посмотрел на закрывшуюся дверь: хорошо, что они даже не догадываются, насколько хреновы дела. Да и зачем им знать? Практически все долги висят лично на мне, а эту проблему мы скоро решим. Пусть хотя бы фирма с моим именем останется жить...

Раздался негромкий стук и в кабинет робко вступили две девицы. Они работали у меня недавно, и, по правде говоря, я всё ещё путал их имена. – Что, Лариса? – уверенно спросил я. По крайней мере одна из них точно была Ларисой.

Не отвечая, они приблизились к столу и положили на него свои конверты. Я удивлённо поднял брови.

– Михаил Адольфович, – тихо произнесла одна, видимо, действительно Лариса. – Мы не можем взять эти деньги.

– Это ещё почему? – с произвольной суровостью поинтересовался я. Никак не уйти мне из этого офиса...

– Мы знаем, что у фирмы тяжёлая ситуация, – справляясь с волнением, ответила она. – Мы знаем, что вы даёте нам свои личные деньги, поэтому мы не можем их взять.

Я вздохнул. – Девчонки, не валяйте дурака. Это – премия, вы её заслужили. А меня эти деньги не спасут – как говорила моя бабуля: развеешь ворохами – не соберёшь крохами!

– Нет, – тихо, но непреклонно сказала она. – Пойдём, Валя.

Оставшись один, я грустно посмотрел на конверты. Вот блин! Как жаль, что некоторых людей узнаёшь по-настоящему слишком поздно...

Через полчаса я уже внимательно разглядывал покрытую тусклой придорожной пылью кирпичную стену на крутом повороте Чернореченского шоссе. Дело предстояло серьёзное, поэтому подойти к нему требовалось основательно. Никаких ошибок или просчётов тут быть не могло – не хватало ещё попросту покалечить себя и остаться с теми же проблемами, только ещё и инвалидом...

Стена была хорошая, толстая, в несколько рядов кирпича, судя по виду очень крепкая. Участок шоссе тоже подходил славно – прямой и ровный, ночью можно вполне разогнаться хоть до 150. Удачно, что и бордюра на повороте не было. Прекрасное место! Даже странно: столько раз проезжал мимо него, и ни разу не приходило в голову, что вот на этих пыльных кирпичах скоро закончится моя жизнь...

Назад я возвращался в приподнятом настроении. Какое мне теперь дело до всех этих бандитов с их утопическими требованиями, если я в любой момент могу взмахнуть крыльями и легко, навсегда оторваться от

этой негостеприимной Земли! Мыслям о родителях, сыне в Москве я запретил даже появляться в своей голове – вряд ли им будет легче, когда меня всё равно прикончат за долги, да ещё и предварительно вволю поизмывавшись.

Едва я, напевая, вошёл в офис, секретарша, подозрительно поглядывая на меня, сообщила: – Три раза звонил какой-то Сергей Борисович – просил срочно перезвонить.

– Серёга! – обрадовался я. – Сейчас перезвоню.

Борисыч был моим старинным армейским приятелем, с которым нас связывали годы службы в красных стенах штаба Дальневосточного округа, приключений вдоль и поперёк Китая, да и былая гусарская гульба ночи напролёт. Когда-то я упорно увещевал его бросить эту заскорузлую армию и уйти со мной на привольные хлеба, однако он опасался рискованных перемен и жизни без стабильного офицерского жалования да штабного пайка. Эх, как же прав он оказался в своём осторожном рутинёрстве!

– Эх, Майкел, – уныло вздохнул он в ответ на вопрос о его делах, – Как же ты был прав, что свалил вовремя из этой помойки... Жена запилила, денег не хватает, даже сын уважать перестал, а что поделывать, если зарплату уже почти год как не повышают? При такой-то инфляции!... На паёк такое говно дают, что домой нести стыдно – я прямо у штаба в урну всё вываливаю. Жизнь не удалась, что и говорить...

– Борисыч, сколько ты должен? – перебил его я.

– Триста штук Гене Фоменко до зарплаты, а с зарплаты снова надо искать у кого занять...

– Баксов?

– Да нет, каких баксов? Деревянных штук.³²

– Ну, шестьдесят-то баксов я тебе дам, это не вопрос, а ты кончай скулить и послушай лучше, какими бывают настоящие проблемы. Я вот тоже триста штук должен, да только зелёных, и под пятнадцать процентов в месяц, а к субботе надо отдать хотя бы двадцать тысяч, иначе шкурку заживо сдирать начнут.

Кратко обрисовав Серёге свои дальнейшие перспективы, я не услышал в ответ ничего.

– Эй, Борисыч! – дунул я в трубку. – Ты ещё тут?

– Майкел! – изменившимся тоном восторженно отозвался Серёга. – Говори ещё, пожалуйста, я себя таким счастливым почувствовал...

Саркастично рассмеявшись, я повесил трубку. Может в этом и есть смысл моей жизни: создавать у людей ощущение счастья на фоне своей неудавшейся судьбы?

Вечером я ещё раз съездил к стене. Она всё сильнее манила меня к себе, словно символ свободы и избавления от прессыющего земного притяжения.

---

³² Курс рубля к доллару в июне 1995 года составлял около 5000 рублей.

«Вот уже скоро кто-нибудь положит у неё букетик» – подумалось мне. «А может и не положит – на хрен я такой кому сдался...»

Вернувшись домой, я в-одиночку напился как сапожник. «Какая теперь на фиг разница?» думал я, одной рукой подливая водку, а другой стирая пьяненькие слезы жалости к себе. «К чему вообще было это всё: безумная гонка за счастьем, стремление изменить мир, стать лучшим, избранным, уважаемым, всеми любимым? Куда это всё меня завело? Что от меня останется на свете, кроме долгов и проклятий?»

В какой-то момент, достигнув точки кипения, я решительно принялся искать автомобильные ключи, но вовремя сообразил, что в таком состоянии могу и не доехать до зовущей стены. Махнув рукой, я рухнул прямо на пол рядом с диваном.

Следующие несколько дней прошли в какой-то эйфорической отрешённости. С просветлённой улыбкой я сидел на всё более крикливых разборках, невинно поднимал глаза на выходящего из себя Хвана, смиренно отвечал на угрожающий ор, поглаживая в кармане заветные автомобильные ключики. Думаю, что именно это неподобающее ситуации спокойствие и спасло меня тогда от более радикальных действий бандюков, сбитых с толку такой противоестественной безмятежностью.

Однако в один из вечеров я очнулся: медлить дальше было уже нельзя. В любой момент меня могли крепко взять в реальную обработку и чего доброго отобрать машину.

«Сегодня!» – устало решил я, подъезжая поздно вечером к дому. «Да и чего я тяну? Выхода всё равно нет, а завтра и шанса легко уйти может не стать. Пора. Надо только подождать часа три, чтобы на шоссе стало совсем пусто».

Медленно поднявшись на свой этаж, я какое-то время стоял в проёме двери тёмной квартиры. Неужели я открыл эту дверь в последний раз? Неужели завтра здесь будут ходить какие-то чужие мне люди, материться и брезгливо разбрасывать по полу мои вещи, выискивая, что от меня ещё осталось ценного? Неужели все эти книги, альбомы фотографий с дорогими мне лицами полетят, трепыхаясь, в мусоропровод, уже никому не нужные? Неужели Бог может допустить такое?

Мысль о Боге внезапно вызвала яркий проблеск воспоминания о давнишнем американском знакомом, докторе Мартине из Портленда. Когда-то я, будучи непререкаемым атеистом, пылко оспаривал его доводы о Божественной сущности всего живого. Замолчав вдруг после моего особо язвительного замечания о Всевышнем, он пытливо посмотрел на меня светлыми стариковскими глазами: – Знаешь, Майкл, я не собираюсь тебя ни в чём убеждать, но хочу посоветовать лишь одно: если тебе когда-нибудь понадобится доказательство существования Бога – просто попроси его явить себя.

Этот давний совет отчётливо всплыл в моей памяти только сейчас, в как никогда более уместной ситуации. Неспешно переодевшись и

помывшись в душе с особым тщанием, к чему-то вспомнив о непременных предмолитвенных омовениях арабов, я поискал глазами нечто хотя бы внешне напоминающее икону, но за неимением таковой, несколько стесняясь, неловко опустился на колени перед открытой балконной дверью, за которой сияли на редкость крупные звёзды.

– Господи! – горячо зашептал я. – Господи, если Ты на самом деле есть, и если Ты на самом деле всемогущ, и если Тебе не безразлично моё существование, и если я ещё зачем-то нужен на этой Земле...

Мой шёпот прервался. «О чём же Его попросить? Ведь не триста же тысяч баксов!» Я облизал губы и продолжил: – Сотвори чудо, Господи! Помоги как-нибудь! Сделай так, чтобы мне не пришлось совершить то ужасное, что я задумал!

Исчерпав пожелания, я ещё для порядка немного постоял на коленях, затем ощутив озноб от свежего ветерка, встал и закрыл балкон. «Дожил!» – иронично усмехнулся я. «Теперь только остаётся Сатане предложить душу за триста штук, да где его взять – такого щедрого Сатану!»

Пронзительно зазвонил телефон. Я вздрогнул, но трубку снимать не стал. Мне больше не с кем и не о чем говорить. Меня больше НЕТ. Родителям и в Москву звонить тоже не буду – я не мог представить, как смогу с ними разговаривать...

Телефон задребезжал снова, но я резко выдернул шнур из розетки.

Шаркающей походкой забредя на кухню, я заварил крепкий чай и долго сидел за кухонным столом, думая о какой-то ерунде. Странно, ведь все эти мысли не будут иметь ни малейшего значения после того, что сейчас произойдёт. Зачем тогда они берутся в моей голове? Почему я всё ещё продолжаю что-то думать, хотя на самом деле меня здесь уже НЕТ? Я попытался не думать совсем ни о чём, но это оказалось неожиданно жутко.

Помотав головой, я взглянул на часы: без четверти два. Наверное, пора. Ровно в два встаю и иду.

Ровно в два я встал и зачем-то принялся мыть чашку. Жалко, ещё так много хорошего чая остаётся. Да и вообще, столько всего хорошего на свете остаётся...

Наверное, полагается напоследок вспомнить свою жизнь, подвести итоги? Хотя, чего тут подводить? Да, хорошего случилось много, но что проку теперь об этом вспоминать? Все предыдущие достижения и высоты не имеют никакого значения – важно лишь то, кем ты являешься в настоящий момент. А в настоящий момент я – ноль, если не хуже. Вот и все итоги...

Одёрнув себя, я накинул ветровку и засунул в карман паспорт. Пусть сразу опознают. Хотя, какая мне разница? Впрочем, нет, избавлю по меньшей мере несколько людей от лишних не особо приятных процедур.

Водительских прав у меня давно уже не было. Я просто задолбался с регулярностью вызволять их из алчных рук ГАИ лишь для того, чтобы иной раз в тот же день снова отдать очередному постовому в обмен на

временную справку. С помощью знакомого гинеколога я раздобыл штук 20 чистых справок, каждый месяц попросту обновляя даты. Дружба с гинекологом помогала порой решать очень нетривиальные проблемы...

Лифт как обычно не работал, и я покорно потащился вниз с десятого этажа по тёмной, замусоренной лестнице. Неужели и эта лестница – в последний раз? Впрочем, не велика потеря.

Выйдя на крыльцо, я снова взглянул в усеянное выпуклыми звёздами небо и тяжело вздохнул. Вот неба жалко. Ведь оно останется таким же красивым, но для других. Хотя, наверное, мало кто будет способен с подобной остротой оценить, насколько оно прекрасно... Однако, довольно об этом.

Я сунул руку в карман и застыл. Нет, ключи были на месте...

Но у подъезда не было машины! Я словно слепой, вытянув трясущиеся руки, сошёл со ступенек и с недоверием ощупал воздух на том месте, где буквально пару часов назад поставил свой «Скайлайн». Машины не было!!!

Меня зашатало, точно подо мной вдруг накренилась Земля... Нет!!! Что же теперь делать?! Обратно в этот кошмар? Я не хочу!!!

Опустившись на ступеньки, я обхватил голову руками и издал какой-то невообразимый звук, одновременно напоминающий разъярённое рычание и беспомощный писк. Эхо этого стога жалко заковыляло по пустынному двору, неожиданно рассмешив меня.

Вот ничтожество... Даже убить себя по-человечески не смог! Я хрипло расхохотался. Смех вышел куда убедительней, чем рык, и я с внезапным облегчением засмеялся снова. Нет, ну а Господь-то каков! Явил-таки свой лик и выполнил просьбу! «Сделай, чтобы не пришлось...» – вот в точности и сделал, как просили. Ещё и с таким утончённым юмором! Да уж, тщательнее надо подбирать выражения, обращаясь с мольбами к Всевышнему...

Я поднялся, продолжая посмеиваться, будто стряхивая остатки бредового наваждения. От презрения и нелюбви к себе не осталось и следа. Мне вдруг с лёгкостью приоткрылось нечто крайне важное и пронизывающе отчётливое, прежде заслоняемое нагромождёнными мною же самим стенами.

Всё в мире плавно встало на свои положенные места. Да – я здесь ещё нужен. Да – обо мне есть кому позаботиться. Да – со мной всё и всегда будет в порядке. Да – не моё это собачье дело принимать подобные решения: жить или не жить на этом свете!

Звёзды ласково погладили меня бархатными искрами лучей. Я улыбнулся им и открыл тяжёлую, перекошенную дверь грязного подъезда.

Стремительно войдя в свою приёмную, я сделал удивлённые глаза. В кресле приёмной сидел человек, которого я меньше всего ожидал здесь

увидеть. Бывший партнёр, а ныне заклятый конкурент и ярый недоброжелатель Дима Воронин.

– Ну, привет! – с улыбкой поднялся он мне навстречу.

– Привет, – как можно равнодушнее отозвался я. «Ему-то ещё что от меня нужно?»

– Я тебе звонил вчера весь вечер – нужно срочно поговорить.

– Да о чём нам разговаривать? – бросил я, проходя в кабинет.

Он как ни в чём не бывало вошёл вслед за мной и плотно прикрыл дверь: – Слышал я, у тебя большие проблемы.

– Проблемы? – сделал я удивлённый вид. – Ну а что, у тебя их нет?

– Ладно, брось! – сурово сказал он, садясь передо мной. – С этим уже не стоит шутить, всё серьёзно. – Он побарабанил пальцами по столу. – Давай по-взрослому: ты мне многое доказал, я тебе тоже кое-что доказал – достаточно уже друг перед другом выпендриваться. Я хочу тебе помочь.

Я делано рассмеялся: – Хочешь мне пистолет подарить? С одним патроном?

Он сделал вид, что не заметил колкости. – У меня деловое предложение. Есть заманчивый проект, и лучше тебя никто это не сделает. Давай поработаем вместе: твоё исполнение, моё финансирование, ну и прочая поддержка. Выберешься из этой своей жопы.

Я долго молча смотрел на него, борясь с желанием гордо послать куда подальше, но любопытство всё же пересилило. – Что за проект? – безразлично поинтересовался я.

– Ну вот, это уже разговор, – удовлетворённо отметил он и достал из папки какие-то яркие листы. – Давай издадим журнал. Неважно какой, о содержании ты сам подумаешь. Важно, чтобы его приятно было в руки взять. Дизайнеры, фотографы, художники у меня есть – вот, взгляни на их работы. Напечатаем в Штатах: качество должно быть отменным.

Я скептически хмыкнул: – А продавать ты его сам в ларьке будешь? Кому сейчас эти красивые журналы нужны – людям вон еду купить не на что...

– Продавать его нам здесь и не надо, – спокойно отозвался Воронин.

– Он будет на английском. Да и напечатать нужно экземпляров 200-300, не больше. Главное – он должен помелькать в правильных местах. А бабки сделаем на рекламе, – он понизил голос. – Знаешь, сколько сейчас в Японии, Корее, да в том же Китае желающих здесь у нас рекламироваться? Я буквально вчера с одним серьёзным японцем разговаривал – они рвутся на дальневосточный рынок, а приличных изданий для их рекламы нет. Подтащим 5-10 солидных фирм для начала – все расходы перекроются в сотни раз. А им откуда знать, какой тираж мы на самом деле напечатали? ...

В голове у меня всё стремительнее завертелись обжигающие мысли.

– Стоп! – увлечённо перебил его я. – Журнал должен быть настоящим, с тиражом в несколько тысяч. Это моё условие. В жульнические игры я не играю. И продавать его действительно не нужно –

это будет бесплатный туристический путеводитель, на русском и на английском. Для наших – полезная информация о странах, куда они едут, а для иностранцев – о России.

Я перевёл дух. – А раздавать его надо на каждом международном рейсе, в гостиницах, в хороших ресторанах, в межсекторе...

Воронин помолчал. – Ну вот видишь! – сказал он. – Я знал, что ты с ходу идею раскрутишь. Так кому же как не тебе этим заниматься?

Он встал и протянул руку: – Так что, будем работать?

Чуть поколебавшись, я пожал хорошо знакомую ладонь.

– Прекрасно! – довольно улыбнулся Дима. – Значит снова вместе. Короче, подъезжай к вечеру: детали обговорим, на дизайнеров моих посмотришь – девочки симпатичные...

Я помялся. – Да у меня машины сейчас нет.

– Что, последнюю отобрали? Вот волки! – возмутился он. – Ну возьми пока мою – у меня один «Мерс» без дела стоит в гараже. Сейчас дам команду – его сюда подгонят.

Открывая дверь, он приостановился. – Если делать настоящий тираж, то я бы всё-таки журнал продавал. С таким содержанием ещё и на этом бабки можно заработать. А лучше не мучиться, да тиснуть экземпляров 300, чтоб только рекламодателям показать...

Заметив мой негодующий взгляд, он рассмеялся: – Ладно, ладно, шучу! Но таким щепетильным в бизнесе быть нельзя – сам же видишь, до чего тебя твоя честность довела.

Я подошёл к окну. Не слишком ли опрометчиво я ведусь на предложение человека, не раз подставлявшего меня всерьёз, да и вообще буквально вчера жаждущего моего уничтожения?

Однако после событий вчерашней ночи мне теперь это представлялось неким исполненным тайного смысла знаком судьбы, от которого было грешно отмахиваться, и к тому же идея действительно овладела мной не на шутку!

За пару часов в голове полностью сложилась концепция издания и план содержания на месяцы вперёд. Нужные сведения о странах, обзорные статьи об интересных местах, путевые зарисовки, рубрика рассказов очевидцев, красивые фото, а в середине – информационный блок с вынимаемыми страницами: практические советы, карты городов, краткие разговорники, таможенные правила... Каждый номер посвящать какой-то одной стране, а стран, куда я отправлял своих туристов, набиралось уже около полутора десятков.

В таком журнале рекламу будут просто вынуждены давать и турфирмы, и гостиницы, и рестораны, и развлекательные заведения, и торговые центры... Подобного даже в помине не существовало нигде в России, не говоря уж о нашем захолустном Дальнем Востоке!

Чудесным казалось и то, что материала было выше крыши – в своей фирме я давно завёл правило раздавать клиентам перед поездкой компьютерные распечатки с важными данными о тонкостях порядков в

посещаемых странах, а уж захватывающих дух рассказней о необыкновенных местах, где мне самому довелось побывать, накопилось несметное количество.

Я уже буквально видел этот журнал, чувствовал волнительный запах типографской краски, слышал шелест страниц, предвкушая, как будут приятно потрясены неизбалованные сограждане, получая за просто так кладезь полезнейшей информации!

От созидательных размышлений меня оторвал осторожный стук в дверь. – Да! – с неудовольствием выныривая из творческих грёз, откликнулся я.

В кабинет заглянула по-военному стриженная голова: – Михаил Адольфович, машина внизу стоит, вот ключи. «Мерседес» стального цвета. Дмитрий Викторович просил передать, что ждёт в шесть.

– Спасибо, буду, – коротко ответил я.

– Ну ни хрена себе! Всем на свете должен, а «Мерседесы» новые откуда-то появляются! – округлил азиатские глаза Хван. – Как прикажешь это ребятам объяснять?

– Всё, Витя, – твёрдо сказал я. – Есть бизнес, через несколько месяцев со всеми рассчитаюсь. А «Мерседес» не роскошь, а средство производственной необходимости, тем более, что он не мой. Мою красаву спиздили вчера.

После насыщенного вечернего разговора с Ворониным я примчался напрямиком на очередную тёрку с кредиторами. Но сегодня настроение было уже совсем другим.

– Значит так, ребята, – встав, уверенно начал я, когда неласковые взоры собравшихся остановились на мне. – Лёд тронулся. У меня серьёзный проект, скоро будут деньги. Хватит газовать, дайте поработать пару месяцев. Если пойдёт нормально, уже к Новому году всё отдам.

– А если не пойдёт? – жёстко поинтересовался блондин с одноимённой, как выяснилось, кличкой.

– Чтобы пошло – не прессуйте и не дёргайте мне нервы! – парировал я. – Как я могу работать, если вы тянете меня за яйца без дыхания? Мне срочно в Азию надо лететь, а я тут всякий день с вами опилки пилую. Ещё раз говорю: чтобы отдать – нужно заработать!

Бандиты переглянулись между собой. – Вот что, Майкл! – сурово заговорил Блондин. – Ты срок сам поставил. Если до Нового года не расплатишься – встречать его не в Таиланде будешь, а в местечке пожарче. А если вздумаешь слинять – сам же знаешь, что найдём. Ну и Витя с парнями за тебя ручаются, так, Витёк?

Хван, подумав, кивнул. – Пусть поработает. Проект хороший, может выгореть. А мы присмотрим – никуда он не денется. И хватит его долбить – вон уже на человека не похож, исхудал весь! ...

Бандиты заржали: – Ты, Витёк, как мама о нём заботишься! К убою что ли откармливаешь?

– И ещё, – угрюмо добавил Блондин. – Когда ты в Азию собираешься? Значит так: в аэропорт тебя ребята отвезут, а ключи от «Мерина» ты нам оставишь. На всякий случай.

– Да «Мерин» же не мой! – взмолился я. – Воронин дал поехать, пока над проектом вместе работаем!

– Раз Воронин с тобой в доле – он тоже отвечает, – невозмутимо пояснил Блондин. – С ним я сам перетру. Он под Большаком работает?

Журнал рождался буквально на глазах. Уже к концу недели я горящим от бессонницы и восторга взором наблюдал, как немногословные дизайнеры сноровисто сшивают в пока ещё чёрно-белый макет свёрстанные распечатки моих статей, перемежающихся фотками, картами, таблицами расписаний, эскизами рекламы.

Обложку журнала украшало филигранно исполненное название «ТурАзия» поверх густых зарослей строящихся китайских небоскрёбов на живописных тропических холмах. Первый номер я, естественно, решил посвятить своему любимому Китаю, представления о котором в России по-прежнему оставались на уровне замшелых анекдотов семидесятых годов.

В комнату заглянул Воронин: – Что, уже готово? Дай-ка взглянуть.

Он внимательно пролистал страницы. – Да уж, Михаил Адольфович, когда мы с тобой начинали, нам никто об этом не рассказывал – всё сами на ощупь исследовали... А о чём английская часть будет?

Я подал ему несколько листов. – Пока вот общая статья о Дальнем Востоке, обзор по Хабаровску и англо-русский разговорник. Потом будем расширять.

Воронин вдруг посерьёзней. – Ну а вот это не пойдёт. Своё имя под этой статьёй убери – поставим Михалыча подпись, вице-губернатора. Я с ним уже переговорил.

– Дима, – обречённо запротестовал я. – Ты опять за своё? Ну на кой нужно это лизание жоп? Да и статья совсем не в официозном стиле написана!

– Ты не понимаешь? – взглянул он на меня прозрачными глазами. – Нам с ним ещё много больших вопросов решать. А журналу солидность нужна. Так что и стиль надо переделать.

Я лишь тяжело вздохнул.

– Баженов, Михаил Адольфович? Вам из милиции звонят. Машина Ниссан «Скайлайн», номер М3600ХБ, белая, ваша?

– Да, моя. Была... – удивлённо отозвался я.

– А её у вас не угоняли?

– Ну да, угнали дней пять назад...

– Так почему же вы заявление не подали? – строго спросил милиционер.

– Знаете, я подумал, что это бесполезно.

– Вообще-то, если откровенно, то зачастую так оно и есть, – перешёл он на извиняющийся тон. – Угон обычно в первые же сутки разбирают на запчасти или трелюют в Амурскую область, а там мы искать уже не можем... Но вам повезло! Нашлась ваша машина – стоит красавица на высоком берегу Амура. Забирайте. Ключи-то не выбросили ещё?

– Так она, что – целая? – недоверчиво поинтересовался я.

– Практически да. Только форточку слева разбили, да кожух рулевой колонки сломали, чтобы завести. Молодёжь подвыпившая, видите ли, покататься решила, но мы их уже нашли, так что можете заявление в суд писать.

– Да какое ещё заявление! Пусть гуляют себе, – усмехнулся я. – А вам спасибо! Где конкретно машина стоит?

– Майкл, у нас засада, – звучал в трубке озабоченный голос Хвана. – С Блондином вроде договорились по человечьи, а Компот тебя отпускать не хочет. Требуется, чтобы заклад оставил тыщ двадцать, и квартиру на него переписал.

– Витя, откуда тыщ двадцать?! Я на воронинские бабки в Азию лечу рекламодателей подтягивать. Без этой поездки никаких денег вообще не будет. Ну а квартира – вы же и так её заберёте, ежели чего.

– Поговори с Ворониным, пусть он залог выдаст, если за тебя ручается. Я с Компотом спорить больше не могу – он и так вчера орал, как потерпевший. Свалит, говорит, должник – кого потом трясти будем?

Я в гневе швырнул трубку. Господи, когда же всё это кончится?!

– Ты чего телефонами бросаешься? – раздался за спиной ровный голос Воронина.

Я обернулся: – Дима, ну как мне от них отвязаться? Они теперь уже с тебя двадцать штук требуют в залог. А залог этот, естественно, никто возвращать не собирается.

– От них ты уже не отвязешься, – спокойно прокомментировал Воронин. – Думаешь, они тебя отпустят, когда ты долги отдашь? – он иронично усмехнулся. – Тогда всё только и начнётся – тех, кто деньги зарабатывает, они ещё больше любят. Но и польза от них тоже немалая – надо лишь грамотно отношения строить.

Он помолчал. – Двадцать тысяч я, конечно, не дам. Но чтобы утихомирить на время – отдай им «Мерседес», мне он всё равно не нужен. Если по секрету, он и десяти уже не стоит, а для них – понты... Квартиру переписывать не вздумай – добавил он. – Они всегда должны знать, что у тебя ещё что-то в резерве остаётся.

Втиснутый в переполненный самолёт Харбин-Хабаровск услужливым мздоимцем-аэрофлотчиком дядей Федей Кочубеем, украдкой ненавидевшим меня за прочтение вслух его фамилии задом наперёд³³, я уселся рядом со стюардессой на чей-то циклопический баул и оглядел возбуждённо галдящий салон. Международный рейс больше напоминал городской троллейбус в час пик – люди толпились вдоль прохода, заваленного мешками и сумками, эмоционально делясь впечатлениями от харбинских рынков и курса доллара к юаню.

Было привычно страшновато, но почему-то утешало то, что лететь предстояло всего один час. Я блаженно прикрыл глаза. Изматывающая двухнедельная поездка получилась на удивление плодотворной.

Под одну лишь идею журнала, подкреплённую вручную сшитым не цветным макетом, я с ходу в Харбине подписал контрактов на двадцать тысяч. Особенно радовало, что помимо гостиниц и турфирм, сразу же удалось привлечь «тяжёлую артиллерию» в лице China Northern Airlines, только что открывших свой рейс в Хабаровск и без лишних разговоров купивших целую страницу.

Продуктивным оказался и райский остров Хайнань, где ударными темпами завершалось строительство курортных комплексов и отелей мирового класса, спешащих распахнуть ворота всему свету.

В Корею ситуация оказалась не столь простой, но ещё более многообещающей. Два крупнейших рекламных агентства наперебой тянули меня каждое на свою сторону, суля подключение «Самсунга», «Хёндая», «Лотте» и прочих монстров, однако с корейской осторожностью хотели сначала подержать в руках реальный экземпляр журнала. По роскоши чередуемых банкетов я видел, что они уже на крючке и после выхода первого номера ринутся в схватку за эксклюзивные права. Для начала удалось добиться хотя бы контракта с «Азианой», сыграв на ревности к рекламе их китайских конкурентов.

Разработку Таиланда я решил оставить на потом, ограничившись пока несколькими рекламками хорошо знакомых отелей.

Консервативнее всего отнёсся к проекту Сингапур, но по правде говоря, я завернул туда больше с разведывательными целями – в этом отдельно взятом городе восторжествовавшего коммунизма ещё не знали, что такое толпы российских туристов, а торговать с Россией только-только начинали. Тем не менее, перспективные завязки наметились и там.

Позвонив из Сингапура Воронину, я с облегчением выяснил, что его японские контакты оказались не блефом, и от самураев журнал получит рекламы ещё тысяч на пятнадцать.

Начало было окрыляющим. Я чувствовал себя почти счастливым и летел в Хабаровск, распираемый жгучим нетерпением немедленно приступить к сворачиванию гор.

---

³³ Кочубей – наоборот читается «йебучок»

Оживлённо беседуя с двумя сублильными японцами, я вошёл в столь нелюбимый мною ресторан «Интурист». На улице лил дождь и тащиться под вечер куда-то из гостиницы не хотелось. К счастью, оркестр ещё только начал настраивать свои иерихонские инструменты, и тлела надежда успеть перекусить в относительной тишине.

Зал был почти полон, однако я сразу увидел массивную фигуру Компота, восседавшего в компании таких же молотобойцев за одним из центральных столиков. Заметив на себе его пристальный тусклый взгляд, я вежливо кивнул ему и прошёл подальше в наименее освещённый уголок.

Не успела появиться официантка, как перед столом вырос устрашающий силуэт: – Я что-то не понял, Майкл, – удивлённо прогнусавил он. – Что это за кивки такие издаека? Ты должен подойти, учтиво поздороваться, уважение засвидетельствовать...

– Извини, Роман, – миролюбиво ответил я. – Вижу, ты с друзьями сидишь. Ну что я буду подходить – мешать разговору, отвлекать? Присаживайся, пожалуйста, чем могу тебя угостить?

Компот грозно повёл быкоподобной шеей: – Эх, хороший ты парень, Майкл, но когда-нибудь доиграешься! – пообещал он, по-хозяйски усаживаясь на затрепавший стул.

К нам тут же подбежала испуганная официантка: – Извините, Роман Павлович, я сразу не заметила, что вы за другой столик пересели. Что вам принести?

– Водки, – коротко приказал Компот. – Ну и закусить там что есть по-быстрому – хочу вот с Майклом выпить за то, чтоб он с долгами расплатился.

– Уже скоро, Роман, – заверил я его. – Вот познакомься – мои японские клиенты, будут давать рекламу в журнале. А это – известный бизнесмен из Хабаровска, – пояснил я притихшим японцам.

Боязливо пожав лопатообразную длань Компота, японцы зашушукались между собой. До меня донеслось слово «якудза».

– Ну что, Майкл, когда богатыми станем? – жуя поинтересовался он. – А то мотаешься, суетишь – а толку никакого.

– Толк будет, будет! Журнал почти готов – через неделю полечу в Америку печатать.

– Ну давай, давай, – уже добродушнее промычал он. – Только чтобы всё время на виду – когда улетел, когда прилетел, с нами контакт постоянный! Летишь-то надолго?

– Максимум на пару недель. Дискеты в типографию сдать да тиража дожидаться, чтобы с собой его привезти. Ну а потом – дело пойдёт, всё уже на мази, – гордо сообщил я.

– Ну давай, давай, – задумчиво повторил Компот и поднялся. – Будем ждать. С большим нетерпением! – многозначительно добавил он и направился к своим лесорубам.

Японцы облегчённо заёрзали и принялись за еду. У меня тоже отлегло от сердца – я не ждал, что в Америку братки отпустят меня так легко.

– Стюардесса по имени Жанна!!! – мощно грянули настроившиеся лабухи. Я виновато взглянул на японцев. Теперь общаться было возможно лишь на языке жестов.

Дел перед отъездом как всегда навалилось невпроворот, а у меня всё ещё не было американской визы. Я подсознательно откладывал эту неприятную процедуру, пока не понял, что дальше тянуть уже некуда, и к тому же электронная копия журнала была практически готова к сдаче в печать.

Купив билет на поезд до Владика, я забежал к Борисычу, жившему недалеко от вокзала. Захотелось вспомнить старые, беззаботные времена, когда чуть ли не главной проблемой в жизни была хроническая нехватка водки.

После третьей рюмки меланхоличный Борисыч перешёл, по его собственной классификации, в фазу «бестолкового мудрствования», а у меня, напротив, активизировалась стадия «авантюрного тяготения». Я обвёл взглядом стены его «хрущёвки» в поисках креативной идеи и наткнулся на пыльные боксёрские перчатки.

- О, Серёга! Я тоже когда-то боксом занимался – давай-ка в стойку!
- Да у меня только одна пара, – без энтузиазма отозвался Борисыч.
- Ну и что? Держи правую, а я и левой тебя сделаю!

Однако в стремлении как-то взбодрить Борисыча, я сильно недооценил разницу наших весовых категорий... После пары моих петушиных наскоков, раздражённый Серёга крикнул и засветил мне своей правой с такой силой, что я на какое-то время забыл, где нахожусь.

Придя в себя, я добрёл до зеркала и с ужасом обнаружил, почему мой левый глаз видит так плохо – огромная синяя опухоль закрыла его почти наполовину и продолжала расти в буквальном смысле слова на глазах.

– Мля! ... – прошептал я в отчаянии. – Мне же послезавтра визу получать!

Серёга ринулся выгребать лёд из морозилки.

Опухоль на следующий день к счастью спала, но глаз обрамляла такая зловещая чернота, что даже тёмные очки её лишь оттеняли, придавая ещё более бандитский вид. Заявиться в таком виде в американское консульство было бы дерзким вызовом здравому смыслу – там без разговоров отказывали в визах и куда более добропорядочно выглядящим гражданам.

Сострадательные девушки моего офиса извели килограммы макияжа, пока не сделали из меня подготовленного к съёмке голливудского героя-любownika. Однако, предстоящая ночь в поезде и утреннее умывание неминуемо должны были ликвидировать все эти чары, словно волшебную карету у Золушки, и потому мне выдали с собой в дорогу полный набор гримировальных принадлежностей вместе с подробными инструкциями по их применению.

Попутчик по вагону СВ утром едва не изошёл слезами от смеха, наблюдая за моим неумелым прихорашиванием, однако главное унижение ожидало меня впереди...

Втиснувшись в переполненный предбанник консульства Соединённых Штатов Америки, я вдруг с ужасом сообразил, что сейчас будут шмонать, но отступить было уже поздно. По требованию гориллоподобного чёрного морпеха я, твёрдо глядя ему в глаза, опрокинул свою сумку над пластиковым подносом. На глазах изумлённой очереди из сумки посыпались тюбики тональных кремов, пара пудрениц, набор теней и всевозможные кисточки. Сверху, довершая натюрморт, с солидным стуком шлёпнулся газовый пистолет.

– Пистолет сдать, – едва сохраняя невозмутимый вид, приказал охранник. – Остальное можете пронести с собой.

– Спасибо, – сквозь зубы поблагодарил я, под издевательское хихиканье толпы запихивая косметические причиндалы обратно в сумку. – Мне без этого никак нельзя.

Не удержавшись, он гнусно ухмыльнулся.

Вопреки опасениям, визу мне выдали не задав ни единого вопроса, лишь благожелательно поглядывая на мои густо напудренные скулы. Гей-движение в США уже превращалось во влиятельную политическую силу.

Вечером, попивая тепловатое пиво, я с высоты Крестовой сопки празднично любовался закатом над бухтой Золотой Рог, разветвлённые изгибы которого и на самом деле отсвечивали литым золотом. Сквозь задний карман джинсов приятно прощупывался паспорт со свежей американской визой. Однако, несмотря на праздничное состояние, на душу время от времени отчего-то вдруг набегали пасмурные тучки труднообъяснимого предчувствия, будто с Россией я прощаюсь очень надолго...

«Ну что за чушь!» – одёрнул я себя и для приподнятия настроения откупорил ещё одну бутылку. «Ведь через какие-то три недели я снова буду хозяином своей жизни!»

Глава 7. АМЕРИКА-РАЗЛУЧНИЦА

*Гуд бай, Америка,
где я не был никогда.*

Наутилус Помпилиус

**Сентябрь 1995 года
Сиэтл, штат Вашингтон**

– Какая ещё несовместимость?! У меня же всё в электронном виде на дискетах!

– Видите ли, наше типографское оборудование работает на «Макинтошах», а у вас макет сделан в формате Пи-Си. Наши компьютеры эти файлы не воспринимают...

– Что за тупое оборудование у вас! Где тут есть типографии, которые воспринимают мои файлы?

Клерк снял очки и с сочувственной улыбкой посмотрел на меня: – Боюсь, что в Америке вы таких не найдёте. Можно, конечно, распечатать на лазерном принтере, но цена для большого тиража будет просто сумасшедшей. Я вам советую просто переделать всё под «маковский» формат.

Взбешённый, я выскочил из типографского офиса и запрыгнул в машину, шваркнув зачем-то дверцей. Да он хоть соображает, о чём говорит?! «Просто переделать»! Это ведь значит, что всю работу надо повторить заново: перепечатать тексты, отсканировать фотографии, воссоздать дизайн, макетирование...

Я застонал. Нет, этого не может быть! Неужели в Америке, колыбели компьютерной цивилизации, мне не смогут сделать такой простой вещи?! Ведь журнал уже вот он, запечатлён в искрящихся электрончиках на моих дискетках! Я вижу его на экране своего компа, красивый и реальный. Почему же это нельзя взять и напечатать?!

Я схватил «Жёлтые страницы» и нервно распахнул на закладке «Типографские услуги». Вон их сколько! Уж где-то да найду я толковых специалистов!

Однако, после третьей или четвёртой типографии, где все терпеливо объясняли мне одно и то же, я с ужасом осознал, что по своему высокомерному невежеству мы действительно совершили неисправимую системную ошибку.

Но винить во всём почему-то хотелось именно Америку.

Америка меня ещё с первого визита три года назад раздражала почти всем. Начиная с кофейни в аэропорту, в которой не витало и намёка на запах кофе, и вплоть до повсеместных улыбок – подчёркнуто вежливых, и оттого кажущимися пустыми либо издевательскими. Хотя, скорее, досаду вызывали противоестественный порядок и чистота, которых неосознанно так не хватало на Родине...

И в этот раз моим первым утренним впечатлением, когда я перед завтраком выбежал из гостиницы размяться, стала стерильная бабулька в чепце с розовыми ленточками, рывшаяся в чистеньком мусорном ящике. Завидев меня, она ничуть не смутилась, но приподняла голову и с лучезарной улыбкой радостно поприветствовала: – Good morning!

– Good morning, – буркнул я, пробегая мимо с угрюмой физиономией. «Символ Америки», подумалось мне. «И вот чего ты лыбишься? Тебя бы да на нашу русскую помойку – поулыбалась бы ты там!»

Однако теперь предстояло погасить кипящие эмоции, упорядочить приобретённые сведения и составить план дальнейших действий. Способов снимать стресс в моём репертуаре было немного, и поэтому я затормозил перед первым же приглянувшимся пивным баром.

В кабачке были свободные столы, но я уселся у барной стойки, поближе к истекающим пивной пеной кранам, чтобы не гонять туда-сюда официанта.

Слева от меня восседал молодой американец с абсолютно счастливой улыбкой.

– Хай! – радушно сказал он мне.

– Хай, – хмуро ответил я и отвернулся, ища глазами куда бы пересесть.

– Я не гей, – поспешил заверить он меня. – Я только что сделал предложение!

– Предложение гею? – переспросил я.

Он захохотал так, что на нас стали оглядываться.

– Нет, моей девушке. Вернее, теперь уже невесте.

– Так она его приняла? – с сомнением поинтересовался я. – Тогда почему ты здесь пьёшь один?

Парень снова захохотал, будто я сказал нечто ужасно смешное.

– Хорошо, что её здесь сейчас нет. Первый раз в жизни хочу напиться. От счастья!

Не дожидаясь моей реакции, он неумело сделал большой глоток и принялся рассказывать о своей девушке, с которой жил пять лет, пока два года назад она не уехала учиться в университет Мэриленда.

– А ты почему не поехал с ней?

– Ну, видишь ли, для моей карьеры мне лучше было остаться здесь, в Ю-Даб³⁴. Но мы видимся часто, – поспешно добавил он. – Каждые каникулы проводим вместе!

– Но почему тогда ты сделал ей предложение по телефону, а не лично?

– Я же не мог лететь через всю Америку, не зная, что она мне ответит, – разъяснил он как нечто само-собой разумеющееся. – Билет до Мэриленда – это дорого. Я вместо этого начал откладывать деньги на свадьбу.

– Послушай, – сказал я, – Для меня это удивительно. Вы вместе уже семь лет, и ты не знал, что она тебе ответит?!

Так и не поняв мой вопрос, он пустился в мечтательные рассуждения о планах на грядущую жизнь.

---

³⁴ UW, или ещё короче Ю-Даб – так в Сиэтле называют свой университет (University of Washington).

– ...Следующим летом мы поженимся, до выпуска останется всего два года. Потом надо будет найти работу в каком-нибудь подходящем штате, лет через пять-шесть накопим денег на первый взнос и купим дом. После, годика через два уже можно будет завести первого ребёнка, мальчика...

Он снова, уже более уверенно сделал большой глоток и засветился задумчивой улыбкой: – А затем, ещё через три года я смогу купить себе катер – это моя давнишняя мечта... Потом мы переедем в дом побольше и родим второго ребёнка, обязательно девочку! Пять-шесть лет между детьми – это же хорошая разница? Заведём для них двух собак – побольше и поменьше... Девушка моя, то есть теперь невеста, вообще-то очень любит лошадей, но на это удовольствие придётся копить ещё несколько лет...

– А умирать ты на когда запланировал? – иронично спросил я.

– Почему умирать? – удивился он. – Я об этом пока даже не думал – у меня ведь такая прекрасная жизнь впереди!

Я вздохнул. – Знаешь, вот честно – не могу понять, что может быть прекрасного в жизни, если ты уже в точности знаешь, что с тобой произойдёт в следующие 30 лет. Вот я понятия не имею, что со мной будет завтра, но в этом-то и весь кайф!

Если откровенно, я сильно лукавил. Особо прекрасной мне своя жизнь тогда вовсе не казалась. Где-то глубоко, душу потрошили кошки, оттого что мой чудный план уткнулся в непредвиденный тупик, а я в каком-то ступоре сижу здесь и слушаю благостные рассуждения о жизни, которая не имеет никакого отношения к моей. Но две кружки тёмного пива уже разлились по телу приятной усладой, придав уверенности, что выход, как всегда, будет найден, и всё завершится отлично.

Я встал. – Удачи, Джош! Надеюсь, что всё будет именно так, как ты хочешь.

– Постой, – окликнул он меня, – Откуда у тебя твой акцент?

– Из России, – обернувшись, гордо пояснил я.

– О, Россия! – радостно заулыбался он. – Перестройка, гласность!

– И ускорение, – строго добавил я. – Правда, неизвестно в каком направлении...

Вернувшись в машину, я принялся листать записную книжку. Хабаровских знакомых в Сиэтле у меня оказалось довольно много, и причиной тому, не в последнюю очередь, была моя собственная предприимчивость. Ещё в пору первого компаньонства с Ворониным, мы пытались прорубить туристическое окно в Америку, и для того амбициозно решили открыть авиарейс сюда прямо из Хабаровска.

Помню, как словно стратеги Генштаба мы склонились над картой в кабинете начальника авиаотряда. – Так, ну лететь от нас есть смысл только на Тихоокеанское побережье. Что там у них? Лос-Анжелес – не пойдёт, туда уже из Москвы прямой есть. В Сан-Франциско тоже. Что ещё? Портленд? Какой-то это вроде маленький городишко, его и не знает

никто... А, вот! Сиэтл! Город большой, из России никто ещё не летает, прекрасно! Можно заодно и с остановкой в Анкоридже сделать.

Ощущая себя царём Николаем I, я приложил к карте линейку и решительно прочертил прямую линию через океан.

Денег тогда было немерено, и уже через три месяца мы устраивали помпезную презентацию в честь первого инаугурационного рейса. Туризм в Штаты как-то не пошёл, в основном по причине кретинских заморочек с визами, но зато со всего Дальнего Востока сюда повалил народ в поисках деловых возможностей, и многим уже не захотелось возвращаться обратно.

Первым, на чей номер я наткнулся, оказался Лёшка – старинный знакомец, подпольный миллионер, который вёл свой бизнес в Хабаровске умело, но в отличие от меня, тихо, без шумной рекламы, не пижонил по ресторанам, крутого офиса не имел, ездил на невзрачной «Хонде» и носил затёртую куртку «аляску». Я как-то затеял с ним принципиальный спор: для чего тогда вообще зарабатывать деньги, если лишать себя возможности их с удовольствием тратить, но его взгляды на этот счёт в корне отличались от моих.

Теперь вот я сидел, хоть и в шёлковом пиджаке, в арендованном «Линкольне», но с непомерными долгами и бандитами на шее, а у него где-то здесь в Сиэтле была своя цветущая фирмёнка, куда он постоянно мотался из Хабаровска всё в той же старенькой «алясочке». Хорошо бы, если б он сейчас оказался здесь – у него наверняка найдутся знакомые, сведущие в компьютерном деле.

Лёшка ответил сразу, и тут же подтвердил свою репутацию осведомлённого и по-комсомольски готового прийти на помощь человека: – Знаю, конечно! Да и ты его знаешь – это Иван Данилов, он давно уже этим занимается.

– Он что, разве здесь?

– Да уже года полтора. А жена у него вообще классный дизайнер – мне буклеты и визитки делала.

В тот же вечер я сидел в ресторане с четой Даниловых, сетуя на свои типографские злоключения и упоённо делясь идеями, каким должен стать будущий журнал.

– Ну так что, ребята, возможно что-то быстренько исправить?

Данилов вздохнул: – Нет, быстренько не получится. Они правду сказали: гранаты у тебя не той системы...

– И что же делать?

– Всё с самого нуля: сканы, дизайн, вёрстку, предпечатную подготовку...

Я в отчаянии зажмурился: – И сколько на это уйдёт времени?

– Ну, если мы только твоим журналом будем заниматься, то недели две.

– Две недели... – прошептал я. – И ещё столько же на печать... У меня же времени не остаётся! Мне к концу сентября весь тираж в Хабаровске нужен, край...

Я поднял молящие глаза: – Ребята! Сделайте поскорее, я вас прошу. Сколько надо – заплачу. Главное, чтобы качественно и уже без сбоев. Сможете?

Данилов солидно прокашлялся: – Если деньги есть, конечно сможем. Мы же профессионалы.

Почему-то этим Иван убедил меня окончательно. Когда мы познакомились с ним ещё в Хабаровске, у него отсутствовали передние зубы, чего он ничуть не стеснялся, по-детски улыбаясь во весь рот. Теперь зубы были на месте, причём вполне себе по виду настоящие, что внушало дополнительное доверие к его профессиональным качествам.

Две следующие недели прошли в стахановском ритме. Чтобы не терять бесценного времени на разъезды, я перебрался из гостиницы в квартиру Даниловых, где мы с утра и до поздней ночи воскрешали мой журнал в освежённом облике.

Поначалу вдохновенная работа спорилась: я быстренько перепечатал все статьи, улучшая их на ходу, пока Иван мотался по магазинам, прикупая необходимые программные примочки и картотеки полезных имиджей, а Аня сразу же приступила к дизайнерскому священнодействию с уже готовым материалом, весьма талантливо вплетая свои креативные находки в яркий стиль, созданный хабаровским художником Юрой Дунским.

К вечеру мы обычно загружались полюбившимся мне терпким белым вином «Гевюрцтраминер», и творческий процесс продолжался уже более расслабленно, зато душевно. С каждым днём во мне росла уверенность, что мы всё ближе к завершению шедевра, и глубоко за полночь укладываясь на надувной матрас у доходящего до пола окна, за которым уютно шелестели желтеющие кусты по-американски ухоженного дворика, я чувствовал себя почти счастливым.

В один из вечеров, оставив Аньку за работой, мы с Даниловым отправились к его знакомым американцам, обещавшим отредактировать перевод моих статей на английский. Выяснилось, что ни он, ни я толком не знаем, что в Америке принято приносить с собой в гости, поэтому заехав по дороге в универсам, мы избрали традиционный русский вариант: цветы и торт.

С цветами, однако, вышла незадача: почему-то все букеты состояли из чётного количества и вдобавок были упакованы в хрустящий целлофан с широкой чёрной полосой по краю.

– Наверное, в этом магазине только для кладбищ цветы продаются, – предположил я, и не мудрствуя, выбросил в урну на выходе траурную упаковку и одну из роз.

Торту американцы обрадовались, а вот на розы посмотрели как-то очень подозрительно. Загадка разъяснилась к концу вечера.

– Ребят, скажите честно: вы цветы на соседнем кладбище стащили? – пытливо глядя на нас, поинтересовался хозяин дома по имени Скотт.

– В «Сэйфвэе» купили, – совершенно искренне удивился я. – А почему вы так решили?

Скотт прокашлялся: – Видите ли, у нас только на могилки кладут нечётное число, а в магазинах всегда чётное и к тому же в упаковках...

Я радостно улыбнулся: – Прекрасный пример разницы культур! Как раз собирался написать об этом статью в следующем номере!

Проблемы с журналом начали нарастать постепенно. Как вскоре выяснилось, ребята никогда прежде не имели дела с изданиями такого объёма, и их слабосильный компьютер уже не справлялся с мегабайтами втискиваемой в него информации. Мы докупали дополнительную память, вставляли новые чипы, но электронный мозг работал всё с большим напрягом, подчас надолго зависая после внесения малейших изменений, что вызывало у меня приступы бессильного бешенства.

Работа была уже почти завершена, типография ждала материал, а мы были вынуждены терять часы, передвигая какую-нибудь картинку на пару миллиметров.

– Баста! – сказал наконец Иван. – Он не ровен час вообще грохнется. Всё готовое надо срочно переписать на зип-драйв³⁵ и полностью очистить память.

Мы помчались в хорошо знакомый компьютерный магазин, на обратном пути затарившись «Гевюрцтраминером».

Под вечер настал ответственный момент. – Вот что, ребята, – не шутя заявил Данилов, сосредоточенно привинчивая толстые провода. – Идите отсюда на кухню, на улицу – куда хотите, но мне не мешать! Я перекачиваю всё на зип, и если случится хоть малейший сбой – мы всю работу потеряем!

На цыпочках мы с Анькой прошли на кухню и уселись прямо на полу, разговаривая настороженным шёпотом. – Как думаешь, надолго это? – поинтересовался я.

– Не знаю, может час, а может два, – озабоченно ответила она. – Комп уже совсем плохо фурычит.

– Ну так давай хотя бы чайку пока попьём, – вставая, предложил я и вогнал вилку электрочайника в розетку. По ту сторону стены что-то увесистое шмякнулось на пол и раздался сдавленный вскрик.

Мы молча посмотрели друг на друга и ринулись в комнату. Данилов, держась обеими руками за голову, с уничтоженным видом сидел перед девственно-голубым экраном компьютера. На полу под розеткой лежал вывалившийся из неё блок питания, с торчащими во все стороны разнокалиберными штепселями.

---

³⁵ Zip drive – накопитель электронной информации, хранилище данных.

– Что? – трагическим шёпотом произнесла Анька. – Ваня, что?!
– Всё, – меланхолично отозвался Иван. – Вообще всё. Компьютер чист, зип-драйв тоже. Журнала больше нет...

«Гевюрцтраминера» на залитие горя в ту ночь нам не хватило. Я был готов биться головой о стены, но останавливало лишь то, что эти картонные перегородки пострадали бы куда больше, чем голова. Мне казалось, будто земля опять перевернулась вверх тормашками, и я вот-вот выскользну из своих ботинок и полечу туда, где уже вообще нет и не может быть никакой опоры. В тот момент я не мог даже предположить, что мой легкомысленный манёвр с розеткой, едва не стоивший рассудка, на самом деле спас мне жизнь...

Словно прочувствовав ситуацию, на следующий день из Хабаровска позвонил Хван: – Как там у тебя дела? Когда назад?

– Витя, не раньше, чем недели через три, – едва шевеля языком и придерживая рукой свинцовую голову, тупо ответил я. – С журналом сложности...

Хван завопил так, что в моей бедной башке затряслись студнеобразные остатки мозгов: – Какие ещё три недели!? Бросай всё к херам и приезжай! Меня тут уже долбят каждый день: где Баженов? Где этот Баженов?!...

– Витя, но ты же понимаешь, что вернуться без журнала я не могу! – возразил я, с отчаянием глядя на пытающегося подняться с пола Ивана. – Я должен привезти его с собой – без него мне кранты!

Хван прошипел что-то трудноразличимое и бросил трубку.

Раскачиваясь словно израненный партизан, Данилов героически включил компьютер.

Делать журнал в третий раз оказалось гораздо скорее, чем в предыдущие два – сноровка уже была доведена почти до автоматизма. Облегчившийся комп, словно чувствуя свою персональную вину, жужжал деловитым шмелём и услужливо воспроизводил одну страницу за другой. Через неделю мы сдали журнал в печать.

– Ну вот и всё, Мишка! – благостно твердил пьяненький Данилов за традиционным вечерним «Гевюрцем». – Ты теперь – издатель! Ну и мы тоже не с краю курили!

Я чувствовал себя почти именинником, но время, такое драгоценное, нужное мне время, уходило, утекало сквозь пальцы! Сделан был очень важный, однако всего лишь очередной шаг...

Наступили дни лихорадочного ожидания. Я приезжал в типографию и замороженно наблюдал, как совершается волшебство цветоделения, когда всё уже созданное многоцветное великолепие беспощадно расчленяется лишь на четыре простенькие красочки. Увидев несомещённые пробные оттиски с печатных плат нашей обложки, я сдуру решил, что меня опять грубо обманули! Четыре невзрачные странички

аляповато-кислотных тонов – как это может соединиться вновь в роскошество колоритов, подобранных нами с таким тщанием?!

Однако уже тем же вечером я победно мчался домой к Даниловым, глядя больше не на дорогу, а на лежащую справа от меня ещё влажноватую яркую обложку. Печатники действительно хорошо знали своё дело.

– Да, тебе какой-то то ли Свинюхин, то ли Свинюшкин звонил из Владивостока, – сообщила Анька, когда первые восторги улеглись. – Спрашивал, когда деньги будут.

– Какой ещё Свинюхин! – беззаботно отмахнулся я. – Уж во Владике я точно никому не должен.

Мы празднично уселись обмывать обложку.

В тот же вечер позвонил разгорячённый Блондин: – Ты что, сука, нас дёргать заставляешь?! Немедленно вылетай в Хабаровск! Всё, время вышло, нас задолбали уже твои отсрочки!

– Володя, – попытался урезонить его я. – Максимум неделя ещё осталась! Зато журнал сразу пойдёт в работу. До Нового года я теперь точно рассчитаюсь, как и договаривались...

– Какой ещё Новый год! – не дослушав, в ярости заорал он. – Тебе непонятно: немедленно!!! На самолёт – и в Хабаровск!

Я с раздражением бросил трубку. Нет, ну каков идиот! Зачем я тогда вообще это затеял, чтобы из-за их капризов бросить всё на предпоследнем шаге?!

На следующий день позвонил сам Компот. Он был не таким крикливым как Блондин, но ещё более непреклонным: – Майкл. Ты нам здесь нужен. Бросай эту херотень и лети сюда срочно. У нас здесь свой проект, приедешь – объясним.

– Роман! – взмолился я. – Но как я буду продолжать бизнес без журнала? Он уже почти готов...

– Журнал, шмурнал – это всё херня на постном масле. Здесь дела гораздо серьезнее – решишь сразу все свои проблемы, я обещаю. Без тебя нам тут не обойтись. Когда следующий рейс? Послезавтра? Всё, я жду тебя лично. Ты понял меня?

– Да понял, – недовольно ответил я, в изнеможении опуская трубку. Ну что за суматоха там поднялась? Почему им приспичило так, что они лишнюю неделю не могут подождать?

От своего проекта отступить я ни в коем случае не собирался – слишком уж мне нравилась и сама идея, да и весь созидательный процесс работы. Но возвращаться, видимо, и впрямь надо было немедля – дразнить гусей становилось опасно. Придётся взять с собой лишь несколько сигнальных экземпляров, а сам тираж Даниловы отправят грузом.

Рано утром я уже ходил по типографии. При взгляде на подготовленные рулоны гляцевой бумаги, которым вот-вот предстояло

стать моим журналом, у меня опять защемило душу томительным предвкушением. Ну почему нельзя потерпеть ещё чуть-чуть?! ...

– Сегодня начинаем печатать! – радостно улыбаясь, сообщил мне менеджер. – Уже настраиваем подачу краски. Дня три на печать, ещё пару на сушку, сшивку, упаковку – и можешь забирать свои книжки.

– Знаешь, Терри, я всё же не успеваю их дождаться, – расстроено сказал я. – Вы сможете до завтра сделать штук десять готовых копий? Остальное мои дизайнеры потом заберут.

У Терри вытянулось лицо. – Ну... мы, конечно, можем. Только придётся не на станке, а на лазере, иначе высохнуть не успеют. Это будет не совсем то... Но мы ничего с тебя не возьмём дополнительно за эту работу, разумеется, – поспешно добавил он в утешение, но я лишь сокрушённо махнул рукой.

Заехав в «Аэрофлот», я подтвердил свой вылет на завтра и отправился покупать сувениры. Без этой традиции не могла обойтись ни одна поездка – слишком много нужных мне в Хабаровске людей, да и просто красивых девушек было принято одаривать после каждого путешествия.

На сиденье справа лежала дюжина журналов, распечатанных на лазерном принтере и сшитых добросовестным Терри, но такого восторга, как вышедшая из-под пресса первая обложка, они у меня почему-то не вызывали. Хотя и вполне высокопробный, этот эрзац-журнал всё равно казался каким-то недоношенным чадом, появившимся на свет раньше положенного срока.

Быть может, подспудно меня просто грызли мрачные предчувствия по поводу экстренного возвращения в Россию и предстоящих тяжёлых разборках с нетерпеливыми бандюками.

– Тебе опять этот Свинюков звонил! – встретила меня вечером на пороге Анька. – Ругался и говорил, что больше ждать не будет.

– Да пошёл он в жопу! – в сердцах вырвалось у меня. – Я его знать не знаю. Кто он такой, представился хотя бы?

– Нет, но сказал, что ты ему должен много денег.

Я усмехнулся, опуская на пол огромные сумки: – Да я кому только не должен! Только Свинюковых среди них нет.

– Проходи, проходи, – хлопотала Анька. – Сейчас Ваня придёт – отметим твой отъезд... Да, ещё какой-то Борис звонил! – крикнула она уже с кухни, откуда, перебивая друг друга, тянулись волнуяще-вкусные запахи. – Said, что очень срочно, и он обязательно ещё перезвонит.

– Борис? – рассеянно переспросил я, возясь с мешками. – Какой ещё Борис? А-а, Борька-бандит, наверное, хотел для жены чего-нибудь попросить, но поздно уже – в другой раз...

Гремя бутылками «Гевюрцтраминера», в тесный коридорчик шумно завалился Данилов.

Телефон разбудил меня, едва я только-только окунулся в сладкое алкогольное забытьё. Замысловато выругавшись, я хотел было отключить аппарат, но спяну в темноте столкнул трубку с рычага. Пришлось хмуро ответить.

Это действительно был Борька.

– Майкл! Ну слава богу, дозвонился до тебя! – напряженно проговорил он. – Слушай внимательно: в Хабаровск тебе возвращаться сейчас нельзя. Ты меня понял?

– Боря, я завтра прилетаю, давай уже при встрече обо всём поговорим, – плохо соображая, пробормотал я.

– Ещё раз говорю: тебе в Хабаровск нельзя! – настойчиво повторил он. – Это серьёзно. Ты понял?

– Да что за ерунда! – уже просыпаясь, возмутился я. – Одни вопят: приезжай, ты говоришь: не приезжай... Вы там разберитесь между собой!

– Майкл, я всего объяснить не могу, но тебе надо пока оставаться в Америке...

– Боря, – перебил его я, – У меня билет на утро подтверждён, я журнал с собой везу, мне надо срочно в Хабаровск! Там разберёмся.

– Если ты вернёшься, тебя в тот же день грохнут! – членораздельно произнёс он. – Сахалинская бригада уже неделю здесь сидит по твою душу. Замок у тебя зацементирован, я сам проверил. Приедешь из аэропорта, начнёшь с ним возиться, сверху спустится чувак, ну а дальше ты сам знаешь.

– Постой, Боря, – потёр я плохо соображающую голову. – Ну что за чушь? Да и кому это нужно? Я ведь не столько должен, чтобы так сразу убивать. Тем более, что вот-вот начну возвращать...

– Майкл, я слил тебе всё, что мог, даже больше. Мне Хван сказал позвонить, но ничего не объясняя просто передать, чтобы ты сидел в Америке, пока он не даст сигнал.

Я замолчал. Голова стремительно заполнялась новыми и новыми вопросами, но было уже понятно, что это не просто нелепая шутка.

– Майкл, ты хорошо меня понял? – ещё раз повторил Борис.

– Да, – хрипло отозвался я.

– Ну тогда – хоп! Удачи.

– Спасибо, – тупо сказал я в исходящую короткими сигналами трубку.

Заспанные Даниловы оказались немало удивлены, застав меня поздним утром на кухне, задумчиво потягивающим пиво из бутылки.

– Мишка, а ты почему ещё здесь? Ты что, на самолёт опоздал?! – воскликнула эмоциональная Анька, всплёскивая руками.

– Ребят, я покантуюсь тут у вас ещё недельку? – вместо ответа спросил я, поднимая тяжёлые глаза. – Решил всё-таки тиража дожждаться.

Но через неделю мне было уже не до тиража.

Загадочный Свинюшкин, оказавшийся Свинотиным, наконец-то дозвонился до меня из Владивостока.

– Ну что же вы, Михаил Адольфович, – укоризненно насел он. – Договаривались к 15 сентября рассчитаться, а сейчас? Тут многие очень солидные люди ждут...

– Извините, – с раздражением перебил его я. – Что-то не припомню, чтобы мы с вами о чём-то договаривались. Вы вообще кто?

– Ну-у-у, – разочарованно протянул он. – Нехорошо о таких вещах забывать. Я, конечно, понимаю, что для ваших масштабов полмиллиона – не такие уж и деньги, но смею заверить, что у нас есть способы с вас их потребовать. Америка – не слишком большая страна...

– Послушайте, – теряя терпение, повысил я голос. – Если нужно полмиллиона рублей³⁶, только за то, чтобы вы мне больше не звонили – я готов их дать, но...

– Каких рублей? Каких рублей?! – зашёлся он кудахтаньем. – Долларов, Михаил Адольфович! Пятьсот тысяч долларов США! И если вы не помните этого, у меня имеются хорошие специалисты по восстановлению памяти! ...

У меня медленно закружилась голова. – Подождите, – опять перебил его я, нащупывая рукой табурет. – Объясните мне с самого начала: почему вы считаете, будто я должен вам полмиллиона долларов?

– А контракт?! – от возмущения Свинюкин взвизгнул. – Вот передо мной подписанный вами контракт: ООО «Амурзаливрыба» отдаёт на консигнацию компании «Майкл» морепродукты на сумму два миллиарда триста тысяч рублей. Вот расписка в получении товара – ваш бланк, ваша подпись, между прочим! Оплата по контракту – до 15 сентября, а сегодня?!...

От количества нулей, которые я попытался себе представить, голова закружилась ещё сильнее. – Ничего не понимаю! – простонал я. – Вы можете прислать мне этот контракт по факсу?

– С удовольствием, Михаил Адольфович! Если это освежит вашу память – с огромным удовольствием! Только не пытайтесь мне сказать, что подпись не ваша – вы при мне его подписывали!

Я с недоверием глядел, как из допотопного даниловского факса с нудным скрежетом лезут листочки текста на прекрасно знакомых мне бланках моей фирмы, увенчанные моими же печатями. В глаза сразу бросилось трудновообразимое количество нулей на первой же странице: точно, не приврал Свинюков – два миллиарда, триста тысяч, то есть где-то полмиллиона баксов по курсу... Мои бланки, моя печать, моя подпись, дата... Стоп! Дата! Пятое сентября!!!

Дрожащими от нетерпения пальцами я поспешно набрал номер Владивостока. – Юрий Семёнович, так когда этот контракт был подписан? Пятого сентября? И вы утверждаете, что я подписал его лично? – я

---

³⁶ Курс рубля к доллару в сентябре 1995 года составлял около 4500 рублей.

перевёл дух, и почти закричал, пытаюсь прервать талдычащего что-то Свинтусова. – Послушайте же меня! Я с 30-го августа нахожусь в Америке! Да, с 30-го! Вам прислать мой паспорт с таможенными отметками? Там видно не очень хорошо, но разобрать вполне можно: пересечение границы 30-го августа!

Когда я дозвонился до Свинотина снова, голос его звучал глухо и отрывисто: – Так. Понятно. А фотография на паспорте ваша?

– Ну разумеется! Чья же ещё? – нервно рассмеялся я. – Вы же видите...

– Вижу, – сумрачно подтвердил он. – Так вы не блондин, Михаил Адольфович?

– Нет, – удивился я. – Был в далёком детстве, а сейчас шатен, с косичкой, в очках...

– Так, так, – ещё мрачнее проговорил он. – Понятно. Теперь мне всё понятно. Что-ж, к вам вопросов больше нет, Михаил Адольфович. Вопросы будут к другим людям.

– Ну вы хотя бы объясните мне, что произошло! – завопил я, но Свинотин повесил трубку и исчез из моей жизни вместе со своей заливной «Главрыбой» так же стремительно, как и появился.

– Этот телефон я отключу! – возмущённо заявила мне Анька, едва открыв дверь. – Твой Роман опять звонил, ругался матом, кричал, что всех нас порвёт! Мы-то тут при чём?!

Я молча затащил на кухню несколько коробок с пивом. Взволнованная Анька прошла вслед за мной: – А он что, настоящий бандит, действительно? Так он ведь и сюда может за тобой приехать? И что нам делать?

– Да ничего не делать, – криво усмехнулся я, усаживаясь за стол. – Давай вот пивка попьём. Никуда он не приедет – чего ему тут с меня взять? Я им там нужен...

Явно неуспокоенная Анька опустилась на табурет. – А сам-то ты как собираешься быть? Журнал давно уже готов, – она кивнула на пирамиду картонных ящиков, громоздящихся в углу комнаты. – Так торопил всех, а теперь ждёшь чего-то... Как же семья твоя там, в Хабаровске?

Я горестно подпер рукой небритую щёку. – Да слава богу не в Хабаровске! Если бы они там были – конечно б уже давно туда улетел... – Одним глотком я лишил бутылку половины ее содержимого. – Мы ведь разошлись с женой года три назад. А недавно она с сыном в свою любимую Москву вернулась, так что в Хабаровске теперь никто понятия не имеет, где они. Повезло, можно сказать.

Осушив бутылку, я аккуратно опустил её на пол, придвинув к батарее неотличимых от неё близнецов. – Ань, я понимаю, что надоел вам уже до смерти, но мне действительно сейчас деваться некуда. Потерпи

ещё немного, пожалуйста – они вот-вот между собой разберутся, я и сразу же улечу. Мне самому здесь без дела ошиваться – тошнее некуда...

Измученно затарахтел телефон. Анька вскочила: – Ну прямо Смольный какой-то! Давай я скажу, что ты уехал уже!

– Нет, Анечка! – взмолился я, второпях опрокидывая под собой табуретку. – Это может быть очень важно, ты ведь не знаешь, кто звонит! Я сам отвечу.

Звонил Воронин, и это действительно оказалось важно.

– Компота замочили! – не здороваясь, озабоченно сообщил он. – Сегодня утром. И ещё одного из них, кого – не знаю.

У меня пересохло в горле. – А кто замочил, известно?

– Пока неясно. Он тут многим мозоли оттоптал, так что вариантов полно. Но некоторые считают, будто это ты его заказал.

– Ты шутишь что ли? – возмутился я. – Мне-то он на кой?

– Какие шутки! У меня известные тебе личности, не буду называть по телефону, твой адрес в Америке уже требовали.

Закрыв глаза, я молчал. Компас моей жизни, как когда-то в пустыне, отказывался понимать дальнейшее направление, словно магнитные полюса Земли стремительно поменялись местами.

– Короче, тебе надо уезжать от своих дизайнеров, – доносился сквозь звенящую пустоту голос Воронина.

– Куда? – безучастно спросил я. – У меня даже на гостиницу денег уже не осталось.

– Есть у меня один серьёзный человек в Сиэтле, договорюсь с ним – поживёшь у него, пока здесь всё не уляжется. И ни с кем в контакт не входи, а я скажу: исчез, мол, не знаю куда. Тут такое заварилось, все на ушах стоят! Я уж и сам подумываю, не свалить ли на время...

Медленно положив трубку на рычаг, я посмотрел на замершую Аньку: – Уезжаю я от вас, Анечка. Вот только пиво допью – и поеду.

Открывший дверь огромного тёмного дома человек во мраке показался мне среднего размера короткошерстным медведем в интеллигентски блеснувших очках.

– Проходи, – невзрачным голосом предложил он. – Света нет – отключили за неуплату. Сижу вот бухаю один, жена с детьми ушла куда-то.

Натыкаясь в потёмках на углы и перила, я поднялся вслед за ним на второй этаж. – Вот твоё комната, – прошелестел он из кромешной черноты. – Ты сам-то откуда?

Этот вопрос всегда заставлял меня врасплох. – Трудно сказать, – ответил я. – Сюда приехал из Хабаровска, родился в Белгороде, учился в Москве, потом где только не жил.

– В Москве учился? – заинтересовался он. – А где именно?

– Может быть слышали: есть такой Военный Институт иностранных языков, – пробормотал я, нашаривая место, куда пристроить чемодан.

Он щёлкнул зажигалкой и поднёс её близко к моему лицу. – ВИИЯ? А факультет какой?

– Восточный, – в недоумении сказал я, слегка отстраняясь.

Медведь убрал зажигалку и неожиданно обхватил меня своими толстыми лапами. – Братиша! – восторженно прошептал он, обдавая свежим водочным перегаром. – Ну тогда ты здесь дома! А я – Ваня Александров, Запад-78. Слышал про такого?

Глава 8. КАИН

*В душе приносящего жертву
не было любви к приемлющему приношение.*

Преподобный Ефрем Сирин. Толкование на книгу Бытия

Ноябрь 1995 года Сиэтл, штат Вашингтон

... – А при вас полковник Апанасов ещё оставался?

– При нас он уже генералом был – начфаком у Запада.

– Вот же дослужился мудака! Он мне десять суток «губы» впаял – за то, что я учебную группу не в баню, а в пивбар на Абельмановской повёл. Кто-то из своих же, с кем пиво пили, и стукнул. Это, можно сказать, мой первый срок был...

Мы сидели за кухонным столом, на котором догорал обломок чудом найденной свечи. Умирающее пламя, потрескивая, бросало нервные блики на наши стаканы и опустевшие бутылки «Смирновской». За окном уже начинал сереть неприветливый осенний рассвет.

– У меня с ним перед выпуском ещё такой случай забавный приключился...

Я встал, пошатываясь то ли от выпитой водки, то ли от разбушевавшегося шторма ностальгических воспоминаний. – Ваня, подожди минуту – схожу отолью... Нет, ну надо же – какие встречи жизнь подкидывает!

То, что тот срок оказался у Ивана не последним, я знал прекрасно. Про этого человека с невзрачным именем у нас шёпотом передавались легенды, будто он не то предотвратил, не то едва не спровоцировал третью мировую войну.

Я поступил в ВИИЯ в год Ваниного выпуска – помню, с какой томящей завистью мы, курсанты первого курса, поглядывали на весёлых молодых лейтенантов, гордо поблескивающих золотыми погонами.

Ну а потом, пока я был с головой загружен китайской зубрёжкой вперемежку с муштрой на плацу и в спортзале, Ваня творил историю.

Судьба благоволила юному выпускнику как мало кому ещё. Существенным дополнением к толковой голове и спортивно-импозантной внешности Ивана, оказался его папаша, фронтовой друг маршала Куликова, который к тому времени стал Главкомом Объединённых сил Варшавского договора, то есть по сути вторым лицом в военной иерархии Советского Союза.

Благодаря столь бесприкрытому сочетанию, карьерные перспективы перед лейтенантом Александровым открывались головокружительные. Сразу после выпуска попав в элитную структуру ГРУ, он вскоре оказался работником аппарата атташе в одной из европейских стран. Однако авантюристические наклонности Вани вступили в противоречие с планами благожелательной судьбы.

Закрутив под предлогом должностной необходимости сумасшедший роман с какой-то не менее сумасшедшей аристократкой, Ваня быстро просадил на неё весь служебный бюджет, а чтобы восполнить его, решил отыграть недостачу в казино на потихоньку взятые из сейфа начальника деньги. Казино победило, и Ваню со скандалом вернули в Москву.

– Вань, как же тебя в Монголию, как меня, после этого не сослали? Куликов помог?

– Да знаешь, до него это даже не дошло. В ГРУ тогда к денежным растратам отношение плёвое было – дело всем понятное, близкое, а средства неподотчётные крутились, списали всё втихую. Вот только начальник мой это как личную обиду воспринял – он те денежки потихоньку себе на «Опель» подкапывал. Ну и наказал меня ссылкой на Родину. Для заграникомандированных тогда страшнее кары не было...

Начальничек-то, кстати, сам тип был ещё тот! Когда у нас там землетрясение случилось ночью, он из дома первым выскочил: в одной руке партбилет, в другой – две дублёнки. Но жену при этом будить не стал, козлятина...

Ваня со вкусным хрустом открыл пробку со следующего флакона и с аптекарской точностью налил по половине рюмки. Я не сразу приспособился к этой его устоявшейся манере пить понемногу через равные промежутки времени, зато практически круглосуточно, почти неизменно пребывая в состоянии лёгкого подпития. Для меня сподручней было врезать сразу треть стакана, чтобы насквозь, до кончиков пальцев прожечь себя блаженственно полыхнувшим синим огнём, мгновенно заполняющим тело и душу восторженным ощущением полёта. Собственно, ради этого единственного просветляющего мгновения, удержать которое никогда не удавалось, я и дружил беззаветно с алкоголем...

– ...Я потом в «Аквариуме» посмотрелся на этих «разведчиков», Резунов-Суворовых, которые ящиками из-за бугра подарки начальству

волокли, лишь бы их оттуда не отозвали. 99% свои «секретные» донесения по материалам местных газет составляли, в агентурную работу даже не лезли, чтобы не дай бог не засветиться. Так что можешь представить, какая туфта наверх командованию шла...

– Вань, а как же те разведсводки, которые мы с ОСНАЗовских точек в ГРУ слали? Для нас ведь единственным утешением, что мы не зря в этих жопах свои молодые годы гробим, было представление, будто в Москве «умные мужики» их читают, анализируют, стратегическую картину из наших крупниц составляют...

Ваня криво ухмыльнулся. – Да и хорошо, что вы не знали, куда эти ваши сводки идут, а то бы все там окончательно спились! Ты думаешь почему я на ЦРУ работать стал? Не из-за денег, да и не во имя идей – просто за-е-бало это болото, такая тоска муторная...

На ЦРУ Ваня поработал не слабо. В 1981 послеолимпийском году он сдал американцам все детали плана советского вторжения в Польшу, подготовленного чтобы предотвратить приход к власти «Солидарности»,³⁷ вплоть до номера каждого отдельного батальона и фамилий агентов, внедрённых в окружение Валенсы, Куроня и Михника,³⁸ готовых по сигналу их арестовать или ликвидировать.

К тому времени когда наши танки с полным боекомплектом стояли на границе и светили прожекторами на польскую территорию в ожидании приказа идти на Варшаву и Гданьск, блок НАТО уже привёл свои войска в полную боевую готовность и предъявил СССР ультиматум. Леонид Ильич, и без того обременённый Афганистаном, почесав репу, справедливо рассудил, что мировая война ему уж точно ни к чему. Триумф «Солидарности» стал первой ласточкой развала мирового соцлагеря, ну а Ваня, как ни в чём ни бывало, продолжал исправно ездить на службу на метро и писать аккуратным почерком докладные в ЦРУ.

– Вань, а как тебя вычислили? Там на «Полежаевской»³⁹ ведь наверняка сразу же шухер поднялся.

– Ещё какой! Всех генералов шмонали как пацанов! Но что самое смешное – меня даже в круг мало-мальски подозреваемых не включили. Рассудили: уж этому старлею на подполковничьей должности вообще нет никакого резона на жизнь обижаться. Так что я словно жена Цезаря был – вне подозрений!

– А как же тебя замели?

– Да как обычно: по глупости. Приятель позвал день рождения отметить в ресторане «ЦДТ», сказал, девчонки обалденные будут – вот я и

---

³⁷ Независимый польский профсоюз, объединивший массовые анти-правительственные силы, которые осуществили мирный демонтаж режима в 80-е годы.

³⁸ Лидеры оппозиционного антисоциалистического движения в Польше.

³⁹ ГРУ (или «Аквариум») находится на Хорошевском шоссе в районе станции метро «Полежаевская»

помчался сразу со службы, с дипломатиком, а в нём – записка на 15 страничек...

– Аккуратным почерком?

– Аккуратным почерком. Ну а за соседним столиком какие-то армяне оказались – они к красивым бабам не могут не прицепиться. Слово за слово, началась махаловка. Я двоих замесил, а третий меня бутылкой шампанского по голове саданул – очнулся в Бурденко.⁴⁰ А мою записочку тем временем уже в КГБ читали. Но кейс менты прямо в госпиталь привезли, ещё и извинились за армян.

– Так что, тебя не сразу взяли?

– Они меня еще долго пасли – на ЦРУшников выйти пытались. Потом, когда поняли, что я стреманулся, предложили сотрудничать, чтобы американцев на живца взять, с поличным. Я для вида согласился, а сам их предупредить успел, жалко было – ребята молодые, классные...

– Вань, слушай, нам рассказывали, будто тебя к «вышке» приговорили.

– Приговорили. Я полтора месяца в камере смертников провёл. Вот это жуть настоящая. Каждую ночь, особенно ближе к утру руками челюсть держал, чтоб зубы не стучали. Знаешь, самая невыносимая мысль – это то, что тебя такие же люди, как и ты, сейчас возьмут спокойно и поведут словно скотину убивать. Утром шаги по коридору раздаются – думаешь: ну вот и всё, конец, через час тебя уже нет. А когда открывается не дверь, а кормушка, и швыряют внутрь миску с кашей – я тут же намертво засыпал, хотя голодный был как зверь, кормили-то раз в день. Но если еду принесли – значит сегодня казнить уже не будут, зачем на смертника кашу переводить?

– Да уж, жуть... Но я вижу, так и не казнили.

– Заменяли на десять лет строгого, не знаю даже почему. Может тоже жалко стало, а может и Куликов походатайствовал. Папаня мой к тому времени умер от инфаркта. Так и не смог поверить, что его сын – предатель Родины. Я, кстати, по КГБшным разработкам под кодовым именем Каин проходил...

Отсидев семь лет из десяти, Ваня вышел по горбачёвскому помилованию на заре перестройки, однако со штампом изменника Родины в паспорте смог найти работу лишь в Управлении московских кладбищ, да и то даже не копателем могил (это была блатная должность!), а младшим подручным по «укладке» – так называлось разбивание кувалдой позвончиков у особо скрючившихся бомжей, или взрезание непомерно вздутых животов для запихивания мертвецов в гроб.

Спустя пару лет настала эпоха кооперативов, и Ваня, завоевав к тому времени солидный авторитет в кладбищенских кругах, организовал было свой, похоронный, однако быстро сообразил, что потрошить чужие

---

⁴⁰ Главный военный клинический госпиталь имени Н. Н. Бурденко в Лефортово.

бизнесы гораздо прибыльнее. Необходимая ГРУшно-тюремная закалка у него для этого имелась, и вскоре о его группировке заговорила Москва.

– На мне много всего висело, но у меня в ментовке свой человек был, выручал. Кстати, оказался одним из бывших КГБшных следаков, что когда-то моё дело вёл – вот ведь, никогда не знаешь, как жизнь повернуться может!

Мы с Сильвестром⁴¹ схему придумали: он мне свои заказы передавал, я ему свои. Потом исполнителей втихую убираем, и выйти на заказчика практически невозможно. Все следы – в разные стороны. Думаешь, почему столько громких убийств в 90-е так и не раскрыли?

Я ошарашенно почесал голову: – Да уж, теперь понимаю...

– Тебя, между прочим, по такой же схеме грохнуть собирались. Твой Компот под это сахалинских вызвал, у самого – полное алиби, а стрёлки Владивостокские на других хотел перевести: мол, должен ты многим, рыбные бабки в Америку отвёз, не рассчитался, вот кто-то и залупился. Но только осечка вышла. Контракт, кстати, с Владивостоком от твоего имени Блондин заключал, так что он теперь тоже не жилец. За этот кидок в поллимона баксов ещё немало народу повалят, попомни моё слово.

Я проглотил пол-рюмки и нетвёрдой рукой налил себе ещё одну до краёв. – А ты откуда всё это в таких подробностях знаешь?

Ваня скромно усмехнулся и степенно залил в рот свою половинку: – А ты не догадываешься, почему Владивостокцы так быстро в ситуации разобрались? И кем они тебя в Америке пугали? На мне, братиша, очень многое замыкается – я ведь ещё и по Сиэтлу смотрящий.

От изумления я застыл с недонесённой до рта водкой.

Ваня улыбнулся ещё скромнее, и вопреки всегдашним правилам, долил себе снова. – Не ссы, братиша, со мной ты теперь за каменной стеной. Давай-ка выпьем за наше боевое офицерское братство!

Он грузно поднялся и встал передо мной с рюмкой в руке, слегка пошатываясь, заслонив пробивающийся в кухню робкий свет.

Несмотря на огромное количество выпитой за ночь водки, от обилия обрушившихся на меня открытий я толком так и не смог охмелеть, и видел, что Иван уже изрядно пьян. Речь его, однако, оставалась на удивление связной: – Назад в Россию тебе по-любому нельзя: там тебя уже никто не прикроет. Ну а если кто сюда заявится, то сильно пожалеет! – Он торжественно протянул рюмку. – И знай, братиша, если до серьёзного замеса дело дойдёт – пули сначала через меня пройдут, прежде чем в тебя попасть.

Я тоже церемонно встал, и мы, звонко чокнувшись, выпили. Иван по-медвежьи обнял меня.

– Теперь у тебя есть брат, – зажёвывая водку розовым ломтиком колбасы, веско произнёс он. – У каждого должен быть брат, неважно: родной или названный, который никогда не продаст. А боевые офицеры

---

⁴¹ Сильвестр (Сергей Тимофеев) – основатель и глава «Ореховской» ОПГ – одной из самых жестоких в Москве в 90-е годы. Был взорван в своей машине в 1994 году.

друг друга не продают. Твой брат погиб, насколько я знаю? – помедлив, тихо спросил он.

подавив внезапно схвативший за горло спазм, я молча кивнул.

Ваня сочувственно помолчал. – У меня тоже братишек полегло – не счесть. Год назад в Москву ездил по делам, так только по кладбищам и ходил...

– погоди, Вань, – перебил его я заплетающимся языком – водка наконец резко дала о себе знать. – К дьяволу эти кладбища! Ты лучше расскажи, как в Америке очутился.

Ваня взглянул на озарившееся бледным утренним сиянием кухонное окно. – Ну ни хера себе посидели! Короче, на меня в 93-м уже многие московские бандиты зуб точили конкретно, да и мент мой предупреждал, что вот-вот братья собираются.

У меня в бригаде был такой клоун – я ему приказал азера одного завалить в кафе, а у него память на лица плохая была – азера не узнал, решил для надёжности всех, кто там был, перемочить – человек десять, без разбору. Шум поднялся – все менты на ушах были...

Короче, мы напоследок ювелирку бомбанули, и я на следующий день прямиком на Новинский бульвар.⁴² Улыбнулся им широко всеми железными тюремными зубами, говорю: вам не кажется, что Америка мне кое-что задолжала?

– Америкосы удивились, небось?

– Хрен там! Говорят так нагло: по нашим данным, Ивана Александрова казнили десять лет назад. Я им: а по моим данным – ещё нет. Они: оставьте, пожалуйста, свой телефон, мы выясним и перезвоним. Той же ночью звонят: Ваня, мы всё выяснили – вам в Москве оставаться нельзя. Если хотите жить в Америке, у вас три часа времени. Возьмите только то, что можно нести в руках и, если хотите, жену. Я собрал два чемодана: бабло, ювелирку, а на жену спящую посмотрел – и чего-то жалко будить стало. Заехал за Танькой-любовницей, и меньше чем через сутки уже в этот дом входили... О! А вот, кстати, и она!

Дверь дома распахнулась и, протолкнув вперёд двух маленьких детей, на пороге возникла статная молодая женщина с матрёшечно-румяными щеками.

– Русская красавица! – торжественно возвестил Ваня и тут же зловеще поинтересовался: – Ты где, сука, шлялась?

Та без удивления скользнула взглядом по нашим опухшим физиономиям и ответила с очаровательным московским выговором: – Где нада! Что я тут с детьми в темноте должна сидеть, сматреть как вы водку пьёте?

В руке Вани откуда-то возник блестящий пистолет, который я сначала принял за игрушечный. – А я тебе, сука, сколько раз говорил: всегда сообщать мне, где ты? Я тебя сколько раз должен предупреждать, что ты доиграешься? – Ваня поднял ствол.

---

⁴² На Новинском бульваре в Москве располагается посольство США

Татьяна равнодушно посмотрела на оружие. – Да хватит уже пулять! Вон, весь дом в дырках – самому-ж затыкать патом...

Её фразу прервали два резких хлопка. Не веря глазам, я смотрел, как огромное стекло раздвижной двери на веранду, пробитое двумя пулями, медленно покрывается расползающимися в разные стороны паутинами трещин, грозно выгибаясь в сторону притихших детей.

Не успев ничего подумать, я рванулся вперёд и кулаком вышиб наружу нависающую стеклянную массу, которая обрушилась на пол открытой веранды с лавиноподобным грохотом.

Наступила тишина. По-прежнему ничего не понимая, я переводил взгляд с грозного Ивана, на совершенно бесстрастную Татьяну, потом на испуганно шмыгающих носами детей, потом на свою окровавленную руку.

– Спасибо, братиша, – тихо прошелестел Ваня. – Ты моих детишек спас. А эту суку я когда-нибудь всё же пристрелю!

Татьяна, приподняв застывших детей за шкирки, направила их к лестнице: – Идите наверх! – пропела она. – А вы убирайте теперь здесь, всё до последнего асколочка. И стекло вставляйте – не май месяц!

– ...А вот ещё одна история, Вань. Болтается наш Ан-22 над Ливией в зоне ожидания,⁴³ посадку арабы не дают, а горючка уже на исходе...

Мы снова сидели на той же кухне со «Смирновым», уже которую ночь напролёт, с единственной лишь разницей, что теперь на ней горел уютный приглушённый свет – Ваня получил от ЦРУ своё месячное пособие и наконец-то заплатил за электричество.

– Так, братиша, – внезапно прервал он меня, вставая. – Пора делом заняться, а то мы с тобой до бесконечности воспоминания тереть будем. Поехали в казино!

Я удивлённо поднял брови: – В такое время?

– Это самое лучшее время, – уверенно заявил Иван. – Они под утро уже устают, и не такие бдительные. Может и не узнают меня...

– А что если узнают? – ещё больше удивился я.

– Не пустят, – коротко объяснил он. – Я у них в чёрном списке. Он грязно выругался. – Пидорасы, я там тыщ пятьдесят баксов просадил и «Ролекс» настоящий, а они меня после одного скандала туда теперь даже не впускают.

– А что случилось?

– Да выдал одному мудаку из секьюрити пиздюлей – он меня вздумал учить, как можно играть, а как нельзя. Я знаю беспроегрышный

---

⁴³ Зона ожидания – воздушное пространство установленного размера, предназначенное для ожидания воздушным судном своей очереди для захода на посадку или подхода в район аэродрома. Типа как если уставшей птице сесть хочется, а её всякие пугала отгоняют...

вариант игры в рулетку, так он заявил, что это запрещено. Пришлось показать ему, что с такими советчиками делают.

– Что за вариант? – заинтересовался я.

– Поехали, по дороге объясню. У тебя есть чего надеть? Возьми мою чёрную рубашку, она мне сильно мала, тебе впору будет. Машину ты поведёшь – у меня права давно отобрали, менты пасут безбожно.

– Вань, да мы же выпили до фига – как я поведу? – запротестовал я.

– Я за всё отвечаю, – коротко и жёстко бросил Иван, и стало понятно, что спорить бессмысленно.

– Значит слушай внимательно, – инструктировал он меня в машине.

– По теории вероятности слишком долго выпадать подряд только красное или только чёрное не может. Схема простая: ставишь все время на один цвет, и если проигрываешь – каждый раз удваиваешь ставку. Поставил на чёрное сотку, проиграл – ставь снова на чёрное, только уже двести. Снова проиграл – ставь опять на чёрное четыреста, потом восемьсот, но зато, когда наконец повезёт – отыгрываешь всё и кучу бабок в придачу. После этого сразу надо уходить, потому как по той же теории вероятности, чем дольше ты играешь – тем больше у тебя шансов проиграть.

Имей в виду: у нас сейчас денег не много, поэтому задача – выиграть на месячную пайку «Смирнова», а настоящие бабки мы с тобой на другом заработаем.

– Понял, – нетрезвым голосом отозвался я. От хронического перепоя и усталости, в мягко несущейся машине меня начало развозить.

В ту ночь, однако, нашим планам сбыться оказалось не суждено. Едва мы уселись за рулеточный стол и заказали по джину с тоником, как к Ивану сзади подошли два крепкотелых охранника. – Будьте любезны, сэр, пройдёте с нами, – вежливо предложил один.

– Куда? – не оборачиваясь, поинтересовался Ваня.

– Вам нельзя здесь находиться, сэр, – менее вежливо пояснил второй.

Так же, не оборачиваясь, Ваня через плечо выплеснул ему в лицо свой джин.

Спустя несколько секунд дружная толпа мгновенно набежавших секьюрити бесцеремонно вытолкала нас из дверей заведения. Как оказалось, несмотря на поздний час, бдительности они вовсе не утратили.

– Суки! Жалко, пистолет с собой не взял! – отряхивая чёрный бархатный пиджак, мрачно посетовал Иван. А то бы они у меня сейчас все по полу ползали, прощения просили.

– А потом опять в тюрьму? – спросил я. – Дорогая цена за такое сомнительное удовольствие.

Иван презрительно усмехнулся. – Меня в Штатах в тюрьму посадить – надо сильно постараться. Знаешь сколько я здесь людей калеками сделал? ЦРУ всё отмазало – они себя до сих в большом долгу передо мной

считают, вот только машину водить запретили: знают, что я трезвым за руль не сажусь.

Но и на этом наши ночные неприятности не закончились. Разогнавшись под задорного Шуфутинского по пустынному хайвэю, я слишком поздно заметил нужный поворот и чрезмерно резко вывернул руль. Тяжёлый «Линкольн» понесло по мокрому асфальту на огромное дерево и, уходя от страшного столкновения, я крутанул баранку в обратную сторону. Машину сбросило в кювет, и едва не перевернувшись, она воткнулась правым крылом в торчащий из травы пенёк.

Непристёгнутого Ивана швырнуло на лобовое стекло, но взорвавшийся от удара мешок безопасности откинул его назад, прижав к сиденью.

Оглушённый от неожиданности, я сидел, стиснутый ремнями. Из-под покорёженного капота валил белый пар, кабина была наполнена удушливым дымом. Иван лежал окровавленным лицом на мешке совсем неподвижно.

«Блин! Что теперь делать?!» понеслись вприпрыжку мысли у меня в мозгу. Ваню надо срочно в скорую, но как отсюда выбраться? Телефон не работает, не оплачен. Полицию дожидаться – может быть уже поздно, да и нельзя: Ваню отвезут в госпиталь, а меня – напрямик в депортационную тюрьму. То-то хабаровские бандюки обрадуются...

Я выбрался из машины и огляделся. Тёмная дорога была совершенно пуста, первые автомобили начнут появляться только часа через два. Вдали, километрах в двух светились огоньки какого-то жилья. Больше делать ничего не оставалось, и взглянув напоследок на недвижимого Ваню, я побежал по хайвэю, стараясь не сбить дыхания.

Мне показалось, что так резво я не бегал даже на кроссах в Лефортовском парке. Через несколько минут я стоял, пытаюсь поскорее отдышаться, перед крайним домиком с тёмными окнами. Мысленно призвав в помощь Господа, я громко постучал.

Дверь тут же отворилась, будто за ней меня всю ночь поджидали. Заспанный американец в пижаме с удивлением взирал на меня.

– Извините, – начал я, изо-всех сил стараясь производить интеллигентное впечатление, – У нас сломалась машина, а телефон разрядился. Вы не позволите позвонить от вас?

– Сейчас, я вызову полицию, – буркнул американец. – Где ваша машина?

– Нет, пожалуйста, не надо полицию! – взмолился я. – Видите ли, мы не совсем трезвы, – пришлось пояснить, скромно потупившись.

Мужик окинул меня ещё более любопытным взглядом и широко распахнул дверь: – Входите, телефон тут, на столике. – Он включил неяркий свет.

Проходя мимо большого зеркала, я бросил на себя беглый взгляд и поразился. Боже мой, и это – Америка, про которую рассказывают, будто здесь боятся открывать двери соседям?! А как насчёт нетрезвого

незнакомца в чёрной рубаше в 4 часа ночи, со странным акцентом и с окровавленным лицом?! Видимо, тоже обо что-то покарябало...

Я торопливо набрал Ванин домашний номер. – Аалё, – услышался сонный голос Татьяны.

– Таня, мы попали в аварию, Иван, по-моему, серьёзно ранен! – выпалил я. – Ты можешь срочно приехать?

– Харашо, – зевнув, невозмутимо ответила она. – Вы где?

Я с невольным содроганием медленно открыл дверцу с Ваниной стороны. Вместе с густым перегаром меня обдало не менее сочным храпом.

– Да он спит проста, – прокомментировала Татьяна из-за моего плеча. – Ну вы и напились апать!

– Да, братиша, одним шрамом больше ты мне сделал! – жизнерадостно сообщил Иван, разглядывая в зеркало кривую царапину на своей физиономии.

Виновато опустив голову, я промолчал.

– И машину уделал не слабо, – продолжал он так же весело. – Ремонт штук в пятнадцать обойдётся.

– Извини, – поднял я голову. – Но я ведь предупреждал...

– Да брось, братишка, это всё ерунда! – перебил он меня. – А мы на этом ещё заработаем. И знаешь как?

– Как? – с облегчением удивился я.

Ваня с заговорщическим видом щёлкнул красной пробкой «Смирнова».

– Страховая компания согласилась чек за ремонт напрямую мне выслать. А мы ремонтникам раза в два меньше заплатим, – объяснил он, разливая водку по рюмкам. – Если вообще заплатим... – добавил он, задумчиво. – Ну да ладно, давай лучше Кузю помянем.

– Какого Кузю? – не сразу понял я.

– Владивостоцкого. Кузнецов Толян, ты же должен знать – он там один из основных был. Завалили вчера. Снайпер, на выходе из казино. А ведь он у меня тут во дворике травку косил всего четыре месяца назад...

Этого Кузю я знал хорошо, правда, к счастью, лишь по телефону. Помню, как он орал на меня точно помешанный за то, что его жене не понравилась какая-то мелочь во время тура по Израилю. Хван потом жёстко объяснил ему, почему на его бизнесменов нельзя ругаться матом.

– Да, твои ребята круче оказались, чем я думал, – уважительно заметил Ваня. – По моим расчётам, следующим Блондин должен был идти. Но пока прячется где-то.

Подняв рюмку, я не смог сдержать противной дрожи в руках. Боже, сколько уже смертей из-за меня, и сколько ещё будет... А когда моя очередь – лишь вопрос времени.

– Знаешь, Вань, поеду-ка я в Хабаровск, – сипло сказал я, опуская водку. – Чего мне здесь сидеть, ждать? Один хрен, в жизни уже ничего не осталось...

На моё плечо тяжело легла Ванина рука. – И думать забудь, братиша! – внушительно сказал он, резко встряхивая для пущей убедительности. – Чего ты разнюнился? Во-первых, ты уже ничего там не изменишь – только одним трупом больше станет. Во-вторых, это и без тебя давно назревало: поверь, им там кроме твоих бабок тоже есть что делить. Ну а в-третьих – ты мне здесь должен помочь, братишка. Есть у меня один план, и без такого боевого товарища как ты, не обойтись.

Я подавленно молчал.

Иван с силой тряхнул меня ещё раз: – Ты понял, что я сказал? – неожиданно хищно прошипел он. – Дело будет очень большое, но я должен быть уверен в том, кого беру с собой!

Я с удивлением вскинул на него глаза. Видимо, почувствовав, что переживает, он отпустил плечо и снова перешёл на свой ласковый шелест: – Поможешь мне, братиша? Ну а для начала надо машиной заняться, которую ты грохнул.

Ваня ещё раз обошёл лоснящийся чёрным блеском «Линкольн». Русские ребята из неприметного автосервиса на окраине Сиэтла поработали на совесть: машина выглядела совершенно как новенькая. – Радиатор поменяли? – озабоченно осведомился он у суetyащегося вокруг нас владельца мастерской.

– Конечно, Вань, новый поставили – всё как договаривались, даже больше. – Тот торопливо открыл капот и принялся подробно перечислять сделанную работу: – ...Фары обе, чтоб не отличались, термостат, все ремни заодно, аккумулятор тоже заменить пришлось...

– Ключи дай, – перебил его Ваня.

Двигатель завёлся, даже не вздрогнув, практически бесшумно. Иван медленно вылез из машины и захлопнул капот. – Ну что я могу сказать? – ласково начал он. – Машину вы мне испортили.

Хозяин дёрнулся как от удара током. – Ты что, Вань? – недоверчиво поинтересовался он. – Ребята трахались трое суток, торопились, как ты просил, и всего-то за десять штук! С тебя в другом месте все пятнадцать бы слупили...

– Каких ещё десять? – тихо переспросил Иван. – Ты мне спасибо сказать должен, что счёт тебе не выставяю за такую работу.

– Да что не так в нашей работе?! – взвился мастеровой.

Иван внимательно и долго смотрел на него в упор: – Ты на краску погляди, – сказал он наконец, указывая на безупречно блестящий изгиб крыла «Линкольна».

– Ну, гляжу! И что?

– Оттенок не тот, – ровно пояснил Ваня и кивнул мне: – Поехали.

– Ах оттенок! – прошептал ремонтник и резко свистнул.

Из тёмного проёма мастерской угрожающе выплыли трое или четверо молодых парней в комбинезонах с монтировками в руках.

– Вань, давай лучше восемь штук и разойдёмся по-хорошему, – попросил хозяин.

Иван неприметно повёл глазами – я достал из кармана руку, сжимающую пистолет, и направил его вверх.

Ребята нерешительно остановились. – Люди, да вы что? – жалобно заныл хозяин. – Ну если что не нравится – переделаем, но вы хотя бы за запчасти заплатите...

Ваня ещё раз кивнул мне, и с непроницаемо дебильным лицом я нажал на спусковой крючок. Эхо выстрела гулко отозвалось под крышей мастерской. Ребята побросали монтировки и с перепуганными лицами попятились назад.

Иван по-хозяйски обошёл машину и уселся на переднее пассажирское сиденье. – Поехали! – коротко повторил он мне, и опустив стекло, бросил застывшему ремонтнику: – И не вздумай в полицию звонить – они только рады будут узнать, что ты за нал работаешь и налоги приютившей тебя стране не платишь. Ну, а если кто другой обижать вас будет – знаешь, где меня найти.

Всю дорогу домой я подавленно молчал. Иван же наоборот сделался очень возбуждён и разговорчив. – Ну молодец, братиша! – повторял он, похлопывая меня по плечу. – Профессионально себя держал, настоящий боевой офицер! Можно сказать, свой косяк с машиной отработал.

Болезненно покривившись, он дотронулся до всё ещё свежей ссадины на своём лице. – Так ты понял теперь, почему русские бизнесы здесь можно оципывать? Они практически все за нал стараются работать, рыло в пуху, и поэтому сразу ссут, ежели чего. Американцы тут же в ментовку бы позвонили – с ними такие штуки уже давно не проходят.

Стиснув зубы, я молча сжимал руль.

– Ещё случай тебе расскажу: один известный тебе деятель занял у местного русского бизнесмена 40 штук, а отдавать – жаба задавила. Пришёл ко мне: «Ваня, помоги бабки отбить!» Я справки навёл грамотно, всё как в разведке учили, и нарыл, что бизнес этот семейный в основном по налу делается, и эти суки налогов не платят, во дворце на озере живут, да ещё фудстемпы на бесплатные продукты получают! У голодных негритянских детишек отрывают.

Ну я подъезжаю к ним во дворец, документы нарытые на стол кладу и вежливо говорю: «Вот что, ребята, или вы забываете об этих сорока килобаксах, или эти бумажки завтра в налоговой лежат». Всё аккуратно, без стрельбы и грубых наездов, но они так очканули, что сразу то ли бизнес закрыли, то ли в другой штат уехали – только их рекламы в газетах больше не вижу.

– Ты, Вань, прямо Робин-Гуд, – насмешливо процедил я.

– Робин-Гуд, – спокойно подтвердил он, и вдруг внезапно выйдя из себя, заорал точно бешеный: – Да дай ты ему в жопу! Что он тут тащится перед тобой?! – и яростно заколотил по клаксону, сигналив неспешно едущему перед нами «Фольксвагену». Тот испуганно вильнул на обочину.

В ту ночь, вернее как обычно лишь под утро добравшись до своей кровати, я долго не мог заснуть. Несмотря на почти бессознательное от водки состояние, где-то в мозжечке трепыхалась изумлённая мысль: ну и в кого же ты превращаешься, слепо плывя по извилинам лабиринта своей судьбы?!

Ладно, пусть сегодняшнее можно счесть мальчишеской игрой, но ведь по сути это натуральный бандитизм. А если б ребята не зассали? Ты что, стал бы в людей стрелять?! Конечно нет, но тогда получил бы монтировкой по башке. Или окажись вдруг менты поблизости? Неужели пророческой оказывается столь возмущавшая меня в детстве присказка любимой бабули: от сумы, да от тюрьмы не зарекайся?

Я всегда зарекался. Мне казалось невероятным, что будучи умным и трудолюбивым человеком, можно оказаться бедным, а уж о тюрьме и говорить нечего! Однако «до сумы» я уже дошёл, не имея за душой ничего, кроме сводящих с ума долгов, а теперь вот и тюрьма забрезжила...

– Ну что, братиша, пора нам твоими документами заняться, – за вечерним «Смирновым» заговорил Ваня. – Без этого нам серьёзных дел не сделать – ты вон без прав машину водишь, виза просрочена. Не ровен час, влетим по какой-нибудь фигне – тебя депортируют сразу, без разговоров.

– Да как ими можно заняться? – безнадежно махнул я рукой. – Какие у меня основания? Не буду же я придумывать, что, мол, педик, и будто меня в России за это угнетают.

– Ну, в интересах дела и такое можно сказать, – рассудительно заметил Ваня, – Но это на крайняк. А главное основание у тебя – это то, что ты со мной, а я здесь многое могу. Завтра позвоню одному солидному человеку: встретимся, побеседуем. Я ему всего рассказывать не буду, конечно, но легенда такая, что ты – мой бывший коллега по конторе, и нужен мне здесь для связи и разработки людей из местной русской диаспоры, которые их интересуют.

– Вань, ты что меня стукачом тут пристроить собираешься? – возмутился я. – Никогда им не был, как меня ни гнули, а сейчас и тем более не стану.

– Если обратно в Хабаровск не хочешь, то и стукачом поработаешь, – жёстко сказал Иван, глядя мне в глаза. Его удивительный взгляд мог моментально менять выражение: из простецки-добродушного, даже глуповатого, вдруг становясь ледяным и хирургически острым, пронизывающим тебя насквозь.

Я тряхнул головой, силясь избавиться от этого гипноза. – Вот что, Иван, – сказал я вставая. – Родиной меня не пугай. В Хабаровск – значит в Хабаровск. Я здесь ничего не забыл, и терять мне нечего – и так всё потерял, и вообще сам для себя уже умер. Спасибо за приют, за общие воспоминания...

– Да погоди, братиша, что ты раскипятился! – остановил он мою пафосную речь обезоруживающей улыбкой, вновь колдовски обращаясь в мягкого домашнего кота. – Это же всё для легенды, никому ты ничего делать не должен, а на самом деле мы с тобой проведём одну очень серьёзную операцию, и если она у нас получится – мы оба будем в полном шоколаде! Присядь, давай-ка лучше выпьем за успех нашего совместного дела...

– В чьих интересах эта операция? Ты вообще, Ваня, кто? ГРУ, ЦРУ, ФБР, бандит? – поинтересовался я, продолжая стоять.

Он смотрел на меня с добрейшей улыбкой. – Я – твой брат. И ты своему брату должен верить. А операция эта – в наших с тобой интересах. Станем независимыми людьми и будем жить, где захотим. Мне тоже эта Америка на край не упала! Временный этап. А с деньгами везде хорошо.

– Кто ты, Ваня? – повторил я, обессиленно опускаясь на стул

– О, братишка, – промурлыкал он, наливая. – Я такую многослойную игру веду – ты и представить себе не можешь! Придёт время, всё тебе расскажу, а пока – займёмся твоими документами.

Уже битый час я сидел в холле гостиницы «Холидэй Инн», издали наблюдая, как Ваня в чёрном кожаном плаще беседует, уверенно жестикулируя, с серьёзного вида господином, прогуливаясь с ним вдоль длинного гостиничного фойе. Наконец, когда они оба посмотрели в мою сторону, я встал и направился к ним, прихрамывая и потирая отсиженную ногу. Господин окинул меня цепким взглядом и повернулся к Ване. – О'кей, всё сделаем, – негромко сказал он, и не попрощавшись, мгновенно растворился в выходящей из отеля шумной толпе.

Я вопросительно взглянул на Ваню. – Всё прекрасно, братиша! – радостно заговорил он и похлопал меня по плечу. – Грин-карту они, конечно, сразу не дадут, но разрешение на жительство и на работу будет. Называется Advanced Parole. Готовься сдавать экзамен на права!

«Боже мой!» подумал я. «Как всё просто. Я-то думал, что по блату такие дела только в России, да в Китае делаются. А ведь здесь люди годами через адвокатов эти вопросы решают!»

Тогда я и представить не мог, что до получения грин-карты мне остаётся долгих шестнадцать лет.

Вечером мы потащились к очередному бредовому персонажу из числа Ваниных знакомцев.

Полурехнувшийся старик Аримов, именовавший себя внуком Колчака, хотя по родословной он был официальным потомком его соратника, адмирала Тимирёва, изъяснялся по-русски гораздо хуже, чем на английском или китайском, поскольку родился в иммигрантском Харбине, в котором дед его, некогда геройский флотоводец, водил прогулочный колёсный пароходик по Сунгари. После прихода Мао Цзэдуна и гибели недоистреблённой большевиками семьи, Аримов умудрился перебраться в Японию, где за несколько лет прокутил остатки фамильного

состояния на гейшах и скачках, и на последние деньги перекочевал в Америку.

Тут дела его дивным образом пошли в гору, и он какое-то время даже процветал в амплуа знатного конезаводчика и совладельца ипподрома, но потом из-за безудержного пьянства опустился на дно и после череды громких дебошей затих, живя теперь в скромном домике в предместье Сиэтла. У старика было 15 или 16 арестов за вождение в пьяном виде, причём последний из них случился в результате попытки допрыгнуть на мчащемся автомобиле до уже отчалившего от причала парома.

Сейчас у дома Аримова ежедневно дежурила полицейская машина, начиная с шести вечера, ибо менты знали, что этот crazy Russian начинает пить не раньше данного часа, разбавляя водку водой со льдом, и постепенно уменьшая содержание воды и льда.

У Вани с ним имелись какие-то мутные дела, в которые они меня не посвящали. Старик был заносчив и скандален, со мной общался в основном по-китайски, и это, впрочем, было вполне резонно, поскольку так я понимал его гораздо лучше, несмотря на то, что речь Аримова была густо пересыпана диалектными матерными словами.

– Ты сегодня ни хера не пьёшь, – безапелляционно заявил он мне, открывая дверь. – У меня по плану биллиард – нам нужен designated driver.⁴⁴

Для меня, уже смертельно измороженного непрерывными возлияниями с Иваном, это было весьма кстати, но почему-то выпить от этого хамского запрета захотелось с невероятной силой.

Старик напялил свою драную соломенную шляпу, сквозь дыры которой живописно свисали клочки засохшей травы, и мы направились в ближайшую, насквозь прокуренную таверну с затёртыми до проплешин биллиардными столами. Сидя у бара и медленно потягивая какое-то лёгкое пиво, больше напоминающее охлаждённую мочу, я без интереса наблюдал, как Аримов и Ваня с возрастающим азартом колотят киями по щербатым шарам, громогласно комментируя каждый удар и время от времени срываясь в яростные переругивания. Жульничали беззастенчиво оба.

Скандал, как само собой разумеющееся, не заставил долго себя ожидать. Похотливый старикан давно уже масляно поглядывал на пышногрудую хозяйку таверны, трудолюбиво протиравшую посуду за стойкой, и когда после очередного дикого Ваниного удара со стола вылетели сразу два шара, не преминул воспользоваться поводом. Игриво

---

⁴⁴ Концепция «трезвого водителя» популярна в США, когда несколько собирающихся в бар людей назначают одного, который не должен пить, чтобы развезти потом всех по домам. На практике, правда, «трезвый водитель» не всегда остаётся трезвым...

перекатывая в ладони оба шарика, он с похабной ухмылкой обратился к барменше: – Может ты и мои шары потрёшь⁴⁵, красавица?

Смерив старика презрительным взглядом, та не отвечая исчезла в подсобке, откуда тут же вразвалку выдвинулся бородатый хозяин и свирепо уставился на игроков. На Ваню так смотреть не рекомендовалось. Прوماхнувшись по шару, он яростно швырнул кий прямо под ноги хозяину.

– А ну – вон отсюда! – взревел тот, и шумная таверна моментально затихла.

– Это почему? – смиренно поинтересовался Ваня.

– Вы...! Вы... мой инвентарь портите!!!

В тишине Иван поднял кий с пола и встал перед бородачом. – Твой сраный инвентарь, – с чувством начал он, – Годится только для того, чтобы ковыряться в твоей сраной жопе!

Огреть хозяина кием ему удалось всего два раза, поскольку негодующая толпа завсегдатаев таверны за считанные секунды вымела нас из заведения.

За захлопнувшимися с треском дверями старик с достоинством напялил выброшенную вслед за ним видавшую виды шляпу и довольно хмыкнул: – Ну ладно, сегодня не дала, зато за дринки ничего не заплатили!

Однако Ивану такая компенсация показалась недостаточной. – Я ему покажу, пидорасу! – прошипел он, откуда-то извлекая хищно блеснувший зуб узкого ножа.

– Перестань, Ваня! – попытался остановить его я.

– Спокойно, братиша, – урезонил он меня. – Я об этого бородатого козла перо пачкать не собираюсь.

Обойдя таверну, Иван подошёл к стоящему на хозяйской парковке траку⁴⁶ и сноровисто вспорол ему все четыре колеса. Тяжелая машина с усталым шипением просела на обода. – Пусть теперь поедит, гондон! Давай в другую таверну, – обратился он к Аримову. – Я тебя в пятый раз сегодня сделать должен!

– Какой пятый?! – взвился старик. – Счёт семь-три в мою пользу!

Они опять яростно заспорили, но выявить чемпиона по бильярду в тот вечер так и не удалось. На парковку, рассыпая красно-голубые искры, въехали одна за другой три полицейские машины.

– Вот суки! – прошептал Ваня, незаметным движением отбрасывая нож далеко в сторону. – Вызвали всё-таки...

Нас ослепило сразу несколько фар. – Встать на колени! Руки за голову! – раздался громкий окрик. Прищурившись, я различил в бликах лучей силуэты трёх целящихся в нас полисменов.

Недобро усмехнувшись, Иван величественно, словно монарх в церкви, опустил на колени. Мы со стариком покорно встали рядом.

---

⁴⁵ Шары, по-английски balls, что также означает «яйца».

⁴⁶ Небольшой грузовичок

Ночь мы провели в полицейском участке. Старикан долго скрипел и клял Ваню в основном за то, что остался без своей привычной дозы водки со льдом.

Под утро к нам в камеру втолкнули компанию коренастых, похожих друг на друга мексиканцев. – А ну пошли на хер отсюда! – взревел пробудившийся не в духе Иван, когда они принялись устраиваться на нары в его ногах. – Все шконки заняты, глаза прочистить тебе что ли?!

Мексы бодро заколотили в железную дверь, призывая ментов на помощь.

Утром Ваня наконец куда-то дозвонился, и мрачные молчаливые полицейские почти тут же отвезли нас домой. Ванин «Линкольн» уже стоял у крыльца его дома.

– Ну вот, братиша, ты уже убедился, что я здесь не хер собачий, – начал вечернюю беседу после долгого дневного сна Иван, отточенными движениями разливая водку. – На моих документах штамп стоит: «В интересах Правительства Соединённых Штатов» – ты понимаешь, что это значит? – он самодовольно усмехнулся. – Но такая лафа вечно продолжаться не будет, поэтому этим надо поскорее воспользоваться.

Он достал из холодильника упаковку розовой колбасы «болонья», которую почему-то именовал «наркомовской».

– Теперь слушай меня внимательно, – тихо заговорил он после первой рюмки. – Есть тут один сладкий перец из Владивостока, он за последние годы сильно поднялся на рыбе, вырос прямо как гриб...

При слове «рыба» меня непроизвольно покорило. Ваня понял это по-своему и усмехнулся. – Вот-вот, мудака каких мало. Представь: купил себе лимузин и сам же за рулём разъезжает, да ещё возмущается, когда ему почтения не оказывают – даже невдомёк лоху, что здесь солидные люди сами свои лимузины не водят, а его все просто за нанятого шофёра принимают!

Короче, я его давно уже разрабатываю. ФБР им очень интересуется, подозревает, что миллионы не совсем чистые, я делаю вид, будто им помогаю, а на самом деле – они мне. Он, сука, осторожный и хитрый как лис – все следы прячет, не подкопаешься. Я дружбу завёл с некоторыми людьми из его фирмы, без мыла в жопу влез – бухаем вместе иногда, барбекю, все дела. Обиженные всегда и везде есть, на этом тонко играть можно. По крохам, кусочкам удалось многое о нём выяснить. На той стороне во Владике мне Кузя помогал, царство ему небесное, так что тоже кое-чего разузнать удалось. Но настоящих доказательств нет – поэтому я с другой стороны зашёл.

Жена у него молодая – сучка та ещё, и ебливая страшно. Она мало чего знает, но его ненавидит по полной. Я её трахаю изредка, но зато так, что она со мной хоть сейчас на край света убежать готова, только на хер она мне такая сдалась. У меня на неё встаёт, лишь когда о бабках её мужа

подумаю. – Он поморщился: – Но и с ней не всё так просто. У них prenuptial agreement – знаешь, что это такое?

– Брачный контракт?

– Вот именно. То есть если они разведятся, ей практически ничего не достанется, и она это прекрасно знает, поэтому в любую позу перед ним встать готова. Она была бы, конечно, рада его просто замочить, но этот козёл составил такое завещание, что все бабки его старой семье в России остаются.

Ваня многозначительно помолчал. – А теперь слушай внимательно: он хитрый, осмотрительный, но при этом страшный ссыкун – его можно на понты взять. Однако поскольку реального компромата на него почти нет, остаётся одно: нам надо его украсть и пугануть по-взрослому, чтобы он не просто за бабки, а за шкуру свою испугался.

Я потряс головой, отмахиваясь от того, что слышу, но Ваня, словно не замечая моего ошеломлённого состояния, увлечённо продолжал:

– Действовать необходимо так, чтобы в ментовку не сразу заявили, но это я тоже продумал. Все его привычки, маршруты, расписания изучил досконально. Взять его нужно будет по дороге в Россию, чтобы скоро не хватились. Он часто на Камчатку, Сахалин мотается – оттуда связь плохая, здесь никто поначалу ничего не заподозрит. В списках пассажиров «Аэрофлота» он числится будет, я позабочусь. То есть улетел человек в Россию – и всё...

– Вань, ты соображаешь, чего говоришь? – не выдержал я, очнувшись от вкрадчивого морока. – Ну, украдёшь его – и куда девать?

– Грамотный вопрос, но ответ имеется. – Он торжествующе усмехнулся и ещё больше понизил голос. – У меня под домом есть подвал – бывший хозяин бомбоубежище оборудовал. О нём кроме тебя не знает вообще никто, даже Танька.

Он мечтательно прищурился: – Я его усовершенствовал, так что места лучше не придумаешь. Уж как тюрьмы устроены я-то хорошо знаю. Подвал проверенный, в нём уже сидел тип один... Там же вместе с Кузей в четыре руки и закопали, – добавил он со сладкой улыбкой. – Так что если надо будет этого хмыря дополнительно пугануть – откопаем для острстки, предъявим...

Меня передёрнуло.

– У нас дней пять будет, не больше, – безжалостно продолжал Иван. – За это время нужно его заставить расторгнуть брачный договор и подписать новое завещание. Нотариус, который все документы подготовит и прошлым годом оформит, чтоб без подозрений, у меня есть. Сам он не знает ничего, просто отстегнём несколько штук за регистрацию – ему для полного счастья больше и не надо.

– Ну а потом что ты с перцем делать собираешься? – спросил я плохо двигающимися губами.

– А ты думаешь, мы его отпустим, когда он завещание переделает? Нет, братиша, он нас вложит тут же, в этом я не сомневаюсь. Поэтому грохнуть придётся однозначно.

Я сидел точно оглушённый, и до меня с запозданием доходил смысл слов, произносимых Иваном:

–...Ну а даже если вдруг что-то не так пойдёт – у нас на всякий случай правдоподобная отмазка есть: пытались раздобыть улики для ФБР, но перестарались немного. В это поверят – они все знают, что я сумасшедший.

Как видишь, всё уже продумано и подготовлено – от тебя нужна лишь офицерская твёрдость и крепкие нервы. От всего, что заработаем – тебе одна треть, а это несколько лимонов, не меньше. Ну что, идёшь со мной, брат?

Он проницательно смотрел мне в глаза.

Я ещё раз тряхнул головой. Мысли вдруг обрели неестественную резкость. Я совершенно отчётливо осознавал, что от того, чего я сейчас скажу, зависит моя судьба. Оставить в живых человека, который знает о его столь детально выпестованном плане и не повязан участием в нём, он не сможет. Но сказав «да», я тоже подпишу себе приговор, тут сомневаться нечего. В его подвале места ещё много, и неизвестно на каком этапе операции он планирует меня там закопать...

Стараясь чтобы не дрожала рука, я потянулся к бутылке. – Тут ещё надо много думать, Вань, – проговорил я глубокомысленно. – В твоей схеме есть тонкие места. Вот, например: даже если «Аэрофлот» регистрирует его на рейс, он ведь не пройдёт паспортного контроля, а значит не будет считаться улетевшим из США...

Я неспешно налил нам обоим по пол-рюмки. Всё, хватит уже напиваться – тут начинаются нешуточные игры...

– Ну и более серьёзные вещи. Во-первых, Ваня, ты уверен, что для официального расторжения контракта достаточно одного только нотариального заверения? Во-вторых, попав в подвал, он ведь будет прекрасно понимать, что после подписания документов его оттуда живым уже не выпустят – на кой ему тогда выполнять эти требования?

Иван долго и пристально исподлобья рассматривал меня и вдруг неожиданно скрипуче рассмеялся. – Эх, братиша, ну ты даёшь! Да ведь я же тебя просто проверял! Ты и вправду подумал, что я такое могу затеять? – Он успокаивающе похлопал меня по плечу. – А ты не прост и соображаешь быстро! – посмеиваясь, но с подчёркнутым уважением добавил он, однако я не понял, какой смысл был вложен им в эти слова.

Остаток ночи опять получился бессонным. Я лежал с шумевшей от скачущих мыслей головой и смотрел в смутно белеющий потолок. Вот и ещё один шаг во тьму. За свою жизнь я получал немало неожиданных предложений, но чтобы так запросто, без обиняков быть приглашённым в клуб убийц – такое происходило впервые.

Устав ворочаться, я встал и, нашарив сигареты, тихонько вышел на улицу. Рождественская Америка, даже в такой глухомани, где обосновался Ваня, полыхала разноцветными огоньками. Вдоль курящихся уютными дымами домиков светились любовно сооружённые инсталляции из

подмигивающих Санта-Клаусов, перебирающих сияющими копытами оленей, каких-то христианских символов.

Сперва я даже не понял, что придаёт этой праздничной открытке тревожную кладбищенскую жутковатость, но потом заметил увитые красными лентами венки, украшающие почти каждую дверь. Одна из них, обтянутая алым атласом с широким чёрным крестом, была вообще похожа на стоячую крышку гроба.

Поёжившись, я затушил сигарету и пошёл назад. Было ясно, что от Вани мне теперь легко не отделаться, однако в любом случае уходить из этого дома надо было как можно скорее, при первой же возможности.

Ждать этого момента пришлось совсем недолго.

Сразу после Рождества, сдав экзамен, я получил водительские права. Такое событие Ваня решил как следует отметить, и Татьяна в связи с этим приготовила по-московски мелко порезанный салат «Оливье» с «наркомовской» колбасой.

Ваня был возбуждён, пил заметно больше обычного и скоро глаза его подёрнулись какой-то розоватой пеленой, а речь стала замедленной и высокопарной.

– Ну вот, братиша, важный шаг мы сделали, – сказал он, хрустя салатом. – Теперь ты будешь спокойно всюду ездить, а это для наших великих планов – просто жизненная необходимость. Меня-то видишь, как подрезали – права отобрали, и любой мент может с ходу в кутузку замести, разбирайся с ними потом!

– Так у тебя много всяких планов? – полюбопытствовал я.

– Разумеется, – серьёзно кивнул он. – И все – с твоим непосредственным участием. Так что мы, как боевые офицеры, теперь с тобой кровно повязаны.

Он дождался, когда Татьяна отправилась на кухню переворачивать вкусно пахнущие котлеты, и придвинулся ко мне: – Скоро мы и Воронина твоего щипанём – у меня на него много серьёзного компромата есть.

– Так он же, вроде бы, твой друг? – с недоверием спросил я.

– Это он возомнил, будто я его друг и обязан ему, раз со мной пару раз поделился. А на самом деле, он мне столько должен – у него сейчас и денег таких нет, чтобы рассчитаться. Поэтому пока немного подождём – надо дать ситуации отстояться.

Я положил вилку. – Вань, а ты не боишься так всех своих друзей растерять?

Он с пьяным изумлением уставился на меня. – Растерять?! Да куда вы денетесь? Вы все у меня вот где! – прошипел он, поднося к моему лицу крепко сжатый красный кулак.

Помолчав, я вздохнул и опрокинул в рот исправно налитую мне до краёв рюмку.

Ваня внимательно посмотрел на меня и загадочно хмыкнул. Вернулась Татьяна с шипящими словно раздражённые змеи котлетами. Глядя, как она заботливо раскладывает их по тарелкам, мне захотелось сказать ей что-то приятное:

– Тань, послушай, тебе, наверное, скучно целыми днями дома с детьми, да ещё и с нами. Тут Розенбаум скоро в Сиэтл приезжает – хотите на концерт сходить? А я с детками посижу.

– Я с Ваней больше на концерты не хажу, – флегматично отозвалась она. – Мы как-то пашли с ним в Маскве на Шуфутинского. В первом ряду сидели, как парядошные. А патом я аглянуться не успела, а Ваня уже на сцене. К Шуфутинскому падходит, микрофон у него взял и гаварит: «Ты чего, сука, чужие песни паёшь?» Тот убежал сразу, концерт атменили, а мы полночи в милиции правели. И на хера мне нужны такие концерты?

Иван поднял на Татьяну мутные глаза. – А ты что это, дура, здесь жалуешься? Тебе херово жилось со мной в Москве? – Он угрожающе встал. – И потом, сколько раз говорил тебе: в мужские разговоры не влезать! Принесла, подала – пошла вон!

– Да хватит уже рот затыкать! – безбоязненно отмахнулась она. – Сидите тут, ни хера не делаете, только планы обсуждаете, а дома денег нет...

Белесые глаза Ивана заволокло кровью. – Ну я тебе сейчас заткну пасть! – с этим словами он схватил Татьяну за волосы, притянул к себе и сунул ей в рот дуло неизвестно откуда появившегося пистолета. Металл ствола противно лязгнул о зубы, и впервые за всё время я увидел в её расширившихся глазах не просто какие-то эмоции, но самый искренний животный страх.

– Ты будешь молча слушать, что я тебе говорю, сука, или нет?! – орал Иван нехорошим пьяным голосом, просовывая пистолет всё дальше в глотку.

Стараясь не совершать резких движений, я сделал шаг к Ване и мягко взял его за локоть: – погоди, брат! Давай послушаем, что она скажет.

Моей главной целью было, чтобы он извлёк ствол из её рта – я прекрасно видел, что пистолет снят с предохранителя. Однако Иван, продолжая дёргать Татьяну за волосы, круто повернулся ко мне и, брызгая слюной, заревел: – А ты что её защищаешь?! Ты её трахаешь что ли? Так я и тебя сейчас грохну! – орал он, уставившись на меня опустевшими от бешенства глазами.

– Да пошёл ты в жопу, Ваня! – в сердцах сказал я и сел на диван, обняв дрожащих ребятишек.

– Он сейчас мамку стрельнет! – испуганно зашептал, прижимаясь ко мне, старший пацан.

– Да нет, ну что ты, они просто играют, – успокоил его я, стараясь загородить им дикую сцену. Ещё не хватало, чтобы они своими глазами видели гибель матери от рук ополоумевшего папани...

К счастью, Иван неожиданно утихомирился, швырнул пистолет мне под ноги и вразвалку отправился на кухню, откуда послышался хруст скручиваемой пробки. – Извини, брат, – миролюбиво позвал он меня. – Разозлила меня эта сука! Давай-ка лучше выпьем по маленькой.

Я поднял пистолет и прошёл вслед за ним. – Вот что, Ваня, – твёрдо произнёс я, кладя оружие на барную стойку. – Меня это всё задолбало. Ты хочешь верить тому, с кем идёшь на серьёзные дела. Я тоже. Но тебе я не верю, и дела эти не мои.

– Да погоди, братиша, – успокаивающе попытался перебить он меня, но я отодвинул налитую рюмку.

– Спасибо за гостеприимство. Надеюсь, за постой я тебе ничего не должен? Мои последние пятьсот баксов вроде бы совместно пропили. А за остальное – премного обязан, рассчитаюсь, но не так, как ты запланировал.

Он криво ухмыльнулся. – Рассчитаешься, уж в этом не сомневайся. А сейчас – права и Work Permit⁴⁷ на стол! – заявил он, глядя на меня всё ещё белесыми то ли от водки, то ли от бешенства глазами. – Они не твои!

Я улыбнулся, постаравшись сделать это в его же иезуитском стиле. – Документы, Ваня, мне выданы в интересах правительства Соединённых Штатов. Вот пусть оно и отбирает.

В полной тишине, прерываемой лишь нервными всхлипываниями Татьяны, я спустился вниз с наспех собранным чемоданом и открыл входную дверь. – Спасибо за всё, – ещё раз повторил я на пороге, ни к кому конкретно не обращаясь. – Извините, если что не так.

Стараясь не убыстрять шаги, я, не оборачиваясь, пошёл прочь от дома вниз по всё ещё празднично освещённому переулку, спиной ожидая выстрела. Выстрела не последовало.

На обочинах у домов уже лежали вполне свеженькие, в блестящих обрывках мишуры ёлки. Я покачал головой: «Ох уж, эти американцы! Новый год ещё не наступил, а они ёлочки повыкидывали! Собрать бы сейчас этих красавиц и самолётом в Хабаровск...»

Волоча за собой нетяжёлый чемодан, я добрёл до заправки на излучине хайвэев, и с облегчением приметив на стене магазинчика столь уже редкостный здесь телефон-автомат, нащупал в кармане последнюю мелочь. Но кому звонить? Даниловых грузить больше уже нельзя, а для всех остальных полужнакомых людей моё явление будет чересчур неожиданным.

Оставалось надеяться, что Лёша снова в Америке.

Несмотря на поздний час, голос Алексея прозвучал бодро и как всегда приветливо. Я облегчённо перевёл дух и мысленно, в который уже раз, поблагодарил Господа.

---

⁴⁷ Work Permit – разрешение на работу в США.

– Лёш, слушай, тут у меня небольшие проблемы, – сразу перешёл я к делу без лишних рассусоливаний. – Ты не разрешишь пару ночей переночевать в твоём офисе?

Алексей озадаченно помолчал, потом осторожно поинтересовался: – Мишка, ты не объяснишь, что вообще происходит? Тебя уже три месяца нигде нет, все о тебе почему-то у меня спрашивают. В Хабаровске чёрт знает что творится: пальба, похороны то и дело – в аэропорт не попадёшь!⁴⁸ Вчера вон ещё кого-то замочили, кажется Блондина какого-то. Говорят, из автоматов изрешетили, прямо в центре города...

Я прикрыл глаза. Ванин прогноз ситуации оказался безошибочен.

– Лёш, я тебе потом всё объясню, а сейчас мне просто негде переночевать. Но если в офисе нельзя – значит нельзя.

– Да-да, конечно можно, – спохватился он. – А на чём ты спать-то будешь? Офис у меня маленький, там даже дивана нет...

Я усмехнулся. – Лёш, я старый боевой офицер. Для меня любой пол – кровать.

– Ладно, всё понял. Сейчас позвоню секьюрити, чтобы он тебя впустил и ключ дал. Эх, хотелось бы увидеться да поговорить, но я утром в Хабаровск улетаю, Новый год с мамой встречать. Тебе деньги-то нужны? Хотя, что я спрашиваю... У меня там в нижнем ящике стола долларов триста должно быть. Тебе что-нибудь в Хабаровске надо?

– Да нет, Лёш, мне теперь в Хабаровске уже ничего не надо. Хотя, если можно – позвони, пожалуйста, Хвану, и скажи: спасибо. Ничего не объясняй – кто, от кого, просто скажи: «спасибо тебе, Витя, от Михаила» и положи трубку.

– Хорошо, – удивлённо согласился Лёша. – А кто это – Хван?

Я усмехнулся. «Эх, Лёша, невинная душа...» – Да так, знакомый один. Запиши, пожалуйста, номер, а потом забудь его. Тебе он точно ни к чему.

Заметив вдали свет приближающихся фар, я торопливо вышел на обочину и поднял руку. Машина со скрежетом тормозов остановилась возле меня. Из опустившегося окна выглянул молодой американец, удивлённо посмотрев на мой чемодан:

– Мэн, ты разве не знаешь, что в Америке никто пассажиров не подвозит, особенно в такое время? Куда тебе?

Усаживаясь на переднее сиденье, я улыбнулся: – У вас тут у всех какое-то неправильное представление об Америке. Три раза руку поднимал – все три раза первая же машина останавливалась. Наверное для того, чтобы сказать то же самое, что и ты.

Он засмеялся. – Только знаешь что! – спохватился я. – Денег у меня с собой нет, но если подождёшь – я тебе вынесу.

– Да ладно! – махнул он рукой. – Бензин сейчас дешёвый!

---

⁴⁸ Дорога на кладбище, где хоронили хабаровских бандитов, была по пути в аэропорт. Пышные похоронные процессии иногда перекрывали движение на несколько часов.

Офис у Лёшки был действительно невелик, но очень функционален, вполне соответствующий его стилю. Судя по количеству столов, кроме него здесь работало не больше трёх человек. Вот умеет же человек не выпендриваться!

В ящике большого стола действительно оказалось триста с чем-то баксов. Прекрасно, спасибо, на какое-то время хватит, а потом что-нибудь придумаю. Я заглянул за аккуратную перегородку, где на большой тумбе стояли факс и копировальная машина. Отлично, тут и будет моя спальня. Теперь надо было чего-то перекусить. До таниных котлет сегодня, увы, дело так и не дошло...

Я вышел из здания, кивнув уже знакомому секьюрити, и не спеша направился было по тихой улочке в направлении ярко светящегося впереди даунтауна в поисках какого-нибудь фаст-фуда, как вдруг остановился – чёрт, неплохо было бы купить и бутылочку пива, но без документа ведь не дадут в этой чокнутой Америке, а права в чемодане остались. Вздохнув, я повернул назад.

Склонившись за перегородкой над чемоданом, я заодно достал оттуда ещё и кофту, без которой даже в куртке было зябко, как внезапно входная дверь закрипела и, тихо переговариваясь, в офис вошли два человека.

Я застыл – разговаривали по-русски!

– ...Ужинать пошёл. Короче, давай, чтобы всё чисто было! И никаких следов на ковре – я потом ещё зайду, проверю.

«Бандиты!» похолодел я. «Ну ни хрена себе! Как же они меня так лихо вычислили? Неужели Лёшка?! Нет, на него это совсем не похоже, да и зачем ему?» Я быстро огляделся, ища что можно использовать как оружие.

Второй что-то спросил, но из-за сумасшедше колотящегося сердца я не расслышал, что именно. На глаза попался массивный дырокол – не ахти, но больше ничего нет.

– ...Мочить надо, иначе нельзя, – доносились до меня обрывки беседы.

Ваня! Ну конечно, его почерк. Но как же оперативно и грамотно! Впрочем, зная его ГРУшно-бандитским опыт, удивляться ничему не приходится.

– ...В мешок потом и подтаскивай к мусоропроводу – я там заберу.

Щёлкнула дверь. Слава богу, второй ушёл! С одним-то я справлюсь смогу, тем более что он ничего не ожидает. Думает, ужинать ушёл, а я тут! Стоя за тонкой перегородкой, я отвёл назад руку с приятно тяжёлым дыроколом. Едва только появится – бить немедля в правый висок или по затылку – как окажется сподручней.

Убийца никуда не торопился. Я слышал его сопение, какое-то шуршание, шелест целлофана, потом он принялся что-то напевать. Хладнокровный, гад! Главное – не промахнуться с первого раза...

В этот момент раздался резкий и громкий звук, от которого я подскочил на месте. Это был вой заработавшего пылесоса!

Не веря ушам, я выглянул из своей засады, сжимая дырокол в руке. «Убийца», стоя ко мне спиной, пылесосил офис!

Вот это поворот! Выходит, я только что едва не уколол одного из русских уборщиков, невинно обсуждавших между собой наведение порядка! Да уж, пообщаешься с Ваней – убийцы за каждым углом мерещиться станут!

От нервной перегрузки я непроизвольно рассмеялся, но он даже не услышал этого, постепенно пятясь ко мне мелкими шажками. Я похлопал его по плечу. Опрокидывая пылесос, он сиганул вперёд и упал, запутавшись в длинном шнуре и выдернув его из розетки.

– Сорри, – забормотал он с жутким русским акцентом, затравленно глядя на меня снизу вверх, точно на привидение. – Ай донт кноу... ю хир...⁴⁹

– Расслабься, брат, – сказал я, облегчённо улыбаясь. – Ты просто не представляешь, как тебе повезло!

Глава 9. АВЕЛЬ

*Духоту сшибает холод, по пшенице пляшет град.
Видно, мир и вправду молод, Абель вправду виноват.*

Арсений Тарковский

**Январь 1996 года
Сиэтл, штат Вашингтон**

– Мишка! Ты в Сиэтле? Уже полгода?! А почему не позвонил до сих пор?

– Да знаешь, Алёнка, сначала некогда было, потом неудобно...

– Ты с ума сошёл?! Неудобно! Я тут уже всем своим друзьям уши про тебя прожужжала, как мы с тобой огромный арбуз до офиса по хабаровским горкам когда-то катили! А ещё про джин с тоником в виде корейской лапши!...

---

⁴⁹ Извините. Я не знаю... вы здесь... (искажённый английский)

Я невольно усмехнулся. Эти забытые мною истории казались теперь фрагментами какой-то другой, не моей жизни. Боже, когда это было-то? Всего года четыре назад, а такое ощущение, будто лет 20 прошло по меньшей мере...

– Слушай, Мишка! Ну так хочется поскорее встретиться, поболтать... Давай, приезжай прямо сейчас!

Я прокашлялся: – Видишь ли, Алёна, у меня машины пока нет. И, кстати, как раз об этом хотел у тебя спросить. Я тут работу себе ищу – ты не могла бы подвезти меня до одного места завтра к шести утра?

Алёна озадаченно замолчала. – Мишка, с тобой всё в порядке? – спросила наконец она. – Ты насовсем сюда приехал что ли? И что это за интервью⁵⁰ такое в шесть утра?

– Да никакое это не интервью, – вдохнул я. – Ладно, забудь! В шесть – это действительно рано, тем более тащиться чёрт-те куда...

– Где ты находишься? – перебила меня она. – Я сейчас приеду.

За несколько дней, прожитых в Лёшкином офисе, я успел уяснить, что о хорошей работе можно пока забыть. Самоуверенно начав поиски с обхода фирм, предлагающих должности исполнительных директоров с окладами по 100 с лишним тысяч в год, после первых интервью, где на меня с моим экзотическим резюме смотрели точно на полоумного инопланетянина, я переключился на позиции поскромнее, но и там мне вежливо давали понять, что без опыта работы в Штатах и солидных рекомендаций рассчитывать не на что.

Сегодня мне попалось на глаза объявление, предлагающее подённую работу за пять долларов в час, и я рассудил, что выбирать уже не приходится – триста Лёшкиных баксов стремительно подходили к концу. Загвоздкой при этом являлось то, что без машины в это место было никак не добраться, поэтому я решил обратиться за помощью к своей старинной хабаровской знакомой, живущей в Сиэтле уже года три.

– А помнишь?!... – взхлёб перебивали мы друг друга спустя полчаса, звонко сталкиваясь пенными кружками в только что открывшемся пивном ресторане «Rock Bottom». В 10 утра посетителей в заведении было немного.

После третьего бокала разговор перетёк в фазу «А как ты?» всю свою историю я решил Алёне не рассказывать (зачем пугать человека), но даже то, что скромно поведал в самых общих чертах, произвело на неё шокирующее воздействие: она забыла об Alaskan Amber⁵¹, остолбенело глядя на меня испуганными зрачками.

– И что ты теперь думаешь делать? – спросила она, наконец опомнившись.

---

⁵⁰ В Америке так называют собеседование при приёме на работу.

⁵¹ Alaskan Amber – «Аляскинский янтарь» - популярный сорт пива в Сиэтле, тёмно-красного цвета.

– А о чём тут думать? – безразлично ответил я. – Поболтаюсь здесь, пока там всё не уляжется, да поеду назад. В Америке-то мне вообще делать нечего – вон, даже работу приличную найти не могу...

– Кстати, насчёт работы: куда всё-таки тебя надо завтра отвезти?

– Да сам толком не знаю, – вздохнул я, доставая сложенную газету.
– Вот пишут: надо подъехать к шести утра по этому адресу, там будет работа.

– Ты что, мешки таскать будешь за пять баксов в час?! – поразились она, взглянув на объявление.

– А что делать? Чемодан с деньгами закончился – надо хоть как-то на жизнь зарабатывать.

Она с болью смотрела на меня: – И это говорит человек, слывший полгода назад одним из крутейших «новых русских» в Хабаровске! Слушай, а у тебя красный пиджак-то был?

– Ещё чего! – возмущённо ответил я. – У меня был фиолетовый!

Мы оба пьяно расхохотались.

Когда белоснежный «Мерседес» Алёны плавно подкатил к возбуждённо колышущейся серой толпе у проступающего сквозь рассветную мглу пакгауза, в мою душу закралось подозрение, что подзаработать мне здесь вряд ли удастся. Подозрение переросло в полную уверенность, едва машину обступили десятки чумазых мексов и вьетнамцев, наперебой стучащих себя в грудь и выкрикивающих нечто призывное.

– Они тебя за работодателя приняли! – пояснила ситуацию Алёна. – Сюда приезжают те, кому рабсила на время нужна и выбирают, кто понравится. Ну иди, вливайся в коллектив! – добавила она, пряча издевательскую улыбку.

Я мрачно взглянул на неё: – Знаешь, мне отчего-то кажется, что я им не конкурент в своём шёлковом пиджаке. Думаешь, на их фоне я смогу кому-то понравиться?

Уже не сдерживаясь, она рассмеялась: – Баженов, может хватит дурака валять? Ну какой из тебя чернорабочий?! Поехали отсюда, пока они мне всю машину не залапали.

План трудоустройства завершился очередным провалом, что дало нам законный повод напиться в тот же день до полускотского состояния.

– Мишка! – обрадованно звенел в трубке голос Алёны. – У меня одна хорошая знакомая в «Нордстроме»⁵² работает, я с ней поговорила – они тебя возьмут!

Я поморщился: – Это что – за прилавком стоять?

– Ну, во-первых, там никаких прилавков нет, а во-вторых – они на старт дают 12 долларов в час плюс комиссионные, а это...

---

⁵² «Нордстром» - сеть дорогих универмагов, особенно популярных на Северо-Западе США

– Нет, Алёнушка, – решительно возразил я. – Спасибо, конечно, но продавец из меня никакой. Я же всё-таки офицер, хоть и бывший. Это мне не к лицу.

– А что тебе к лицу? – возмутилась она. – В армию тебя без грин-карты не возьмут...

– В армию – не в армию, но тут вроде нашёлся подходящий вариант, – перебил её я, шурша газетой. – Вот: требуются офицеры секьюрити, работа в даунтауне Сиэтла. Хотя бы своей работы стыдиться не буду.

– А зарплаты? – ехидно поинтересовалась Алёна. – Им же платят меньше десяти баксов.

– Ну, пока на жизнь хватит, а тем временем что-нибудь ещё подвернётся.

Алёна вздохнула. – Странный ты какой-то. Чернорабочим тебе не стыдно, а продавцом почему-то стыдно. Да, вот ещё кстати: у меня тут одни знакомые переезжают на этих выходных – поможешь им вещи таскать? Они заплатят.

– Помочь – с удовольствием, только деньги брать за это как-то неудобно...

– Я сама возьму! – категорично заявила Алёна. – А то ты со своей русской широкой натурой так и будешь всем тут бесплатно помогать.

– Ладно! – хмыкнув, согласился я. – Всё равно ведь вместе пропьём.

Апрель 1996 года Сиэтл, штат Вашингтон

Работа секьюрити мне и на самом деле пришлась по душе. Почему-то даже форму, которая так тяготила меня в армии, здесь я носил с гордостью.

В моём ведении оказались три небоскрёба и некрупный торговый комплекс «Rainier Square» на 4-й авеню. Все восемь-десять часов дежурства приходилось проводить на ногах, то и дело откликаясь на вызовы по рации, но и это мне ужасно нравилось, ибо помогало держать себя в достойной физической кондиции. Я наконец-то оказался лицом к лицу с настоящей Америкой, причём по вертикальному срезу буквально сверху донизу: от владельцев миллиардных бизнесов, занимающих пентхаузы роскошных зданий, и вплоть до бездомных бичей, выползавших из своих нор в основном по ночам.

На работу первое время я приезжал на белом «Мерседесе» Алёны, которая оставила мне ещё и ключи от квартиры, уехав в Россию на полтора месяца. Мои коллеги весьма подозрительно косились на меня, тем более что неистребимое русское воспитание играло со мной порою недобрые шутки.

Увидев однажды, как тщедушная девица-курьер с натугой стаскивает увесистые ящики с кузова своего фургона, я галантно

поспешил ей на подмогу, бодро загрузил ящики на тележку, а потом ещё и придержал входную дверь здания, пропуская её внутрь. Девица благодарно скалилась мне всеми тридцатью с лишним зубами, однако не прошло и часа, как меня вызвал босс.

Ничего не подозревая, я спокойно отправился к нему в кабинет, однако заметив там тучного мужика в курьерской униформе, почувял неладное.

– Зачем ты это сделал? – без вступления, с ходу начал хмурый Лэрри.

– Что сделал? – недоумённо переспросил я, пытаюсь припомнить все свои возможные грехи за последнюю неделю.

– Зачем ты её оскорбил?

– Никто её не оскорблял, – растерянно ответил я, уже смекнув, в чём дело. – Наоборот, помог ей перегрузить ящики...

– Вот! – торжествуя заявил толстяк, будто я признался в зверском изнасиловании с особым цинизмом. – А у неё после этого случилась истерика, и мне пришлось отпустить её с работы!

– Видишь ли, – уже мягче пояснил босс. – Ты оскорбил её тем, что дал понять, будто она женщина и поэтому не в состоянии справляться со своими обязанностями.

– Твою мать! – непроизвольно вырвалось у меня. – Ну почему всё вывернуто наизнанку?! Простое человеческое желание помочь женщине оборачивается оскорблением?

Теперь они оба посмотрели на меня с сочувствием.

– Если честно, то с обязанностями она справляется действительно хреновенько, – оправдывающимся тоном сказал толстый курьер. – Но это – Америка, мэн! И мы обязаны играть по этим правилам. А если хочешь сохранить свою работу – ты должен соблюдать правила тоже.

Я промолчал.

– Иди, – махнул рукой Лэрри. – И держись подальше от этих проблем.

– Да уж, – пробормотал я. – Больно нужны мне эти ваши бесполые бабы! Пусть сами свои ящики таскают!

Они невесело рассмеялись.

Однако в следующую неприятность я влип на следующий же вечер. Получив около полуночи сообщение по рации, что какие-то пьяные хулиганы швыряют пустые бутылки в проезжающие машины с террасы внутреннего дворика «Rainier Square», я в негодовании бросился наводить порядок.

Американских хулиганов я не боялся. Все местные «неформалы» на поверку оказывались очень формальными и трусоватыми. Моё первое ночное противостояние со свирепо выглядящим, обвешанным металлическими цепями качком, завершилось совсем не так, как это должно было произойти в России.

Амбал сидел в тёмном тупичке на разодранных картонных коробках и потягивал пиво из бутылки, казавшейся крошечным пузырьком в его волосатых, изрисованных татуировками ручищах.

Внутренне замирая, я решительно приблизился к нему и остановился в двух шагах: – Здесь нельзя находиться, сэр! – строго заявил я. – А тем более, распивать спиртные напитки.

Он поднял на меня недобрый взгляд и медленно поднялся. Я непроизвольно принял боевую стойку, приготовившись к неравной схватке, прекрасно осознавая, что моих застаревших дзюдоистских навыков хватит не больше чем на минуту сопротивления...

– Извините, сэр! – прохрипел он и аккуратно вылил остатки пива под чахлое деревце. Громко кряхтя и позвякивая цепями, качок собрал пустые бутылки, обрывки картонных коробок и поволок их к стоявшим неподалёку мусорным бакам. Особо умилило меня то, что он старательно рассортировал картон и стеклопосуду, разложив всё по правильным ящикам...

Эти хулиганы, оказались, однако, более зловредными. Завидев меня издалека, они метнули в мою сторону ещё одну бутылку, со звоном разлетевшуюся о каменную стену, и ринулись вниз по запасной лестнице.

Древний охотничий инстинкт, мирно дремавший где-то в подкорковых ганглиях, выскочил наружу словно чёртик из табакерки. С ходу перепрыгнув металлические перила, я приземлился на мягкую клумбу и бросился к двери запасного выхода.

Расчёт мой оказался точен – я уже прекрасно знал все лабиринты своего разветвлённого поста. Спустя пару секунд дверь с грохотом распахнулась и оттуда один за другим вылетели мне навстречу три молодых делинквента.

– Стоять! – торжествующе заорал я. – Вы арестованы!

Но хулиганы были то ли слишком напуганы, то ли чересчур ушлыми: круто развернувшись, они помчались вниз по 3-й авеню. Совершенно не задумываясь о том, как мне их арестовывать без оружия, я устремился вслед за ними, на ходу переключая рацию на полицейскую частоту.

Погоня длилась недолго: парни на ходу запрыгнули в отходящий от остановки автобус и проехали мимо меня, строя через стекло обидные рожи. Скрипнув зубами, я припустил вслед за автобусом. Как я и надеялся, автобус остановился на следующем же светофоре, а я, обежав его, выставил ладони перед собой и закричал водителю: – Стоп! В автобусе преступники!

Водитель проворно выскочил из кабины, заблокировав дверцы, а хулиганы заматались внутри салона, громко ругаясь. Один из них попытался выбраться через открытое окно, но в этот момент вокруг автобуса замельтешила дискотека полицейских мигалок.

Чрезвычайно гордый собой, я возвращался на временно оставленный пост, где меня уже ожидала делегация начальников всех степеней, напуганных не меньше, чем незадачливые хулиганы.

– Ты что наделал?! – отчаянно завопил обычно хладнокровный Лэрри. – Зачем ты их преследовал?!

– Я помог задержать правонарушителей! – с достоинством отвечал я, уже догадываясь, что этого делать не стоило.

– О, мэн! Они же покинули твою территорию! Ты не имел права догонять их за пределами поста! А если бы с ними что-то случилось?! Ты хоть представляешь, на какую сумму нас бы потом засудили?!

– Но я ведь отвечаю за соблюдение порядка... – несмело попытался возразить я.

– Ты не должен входить ни с кем в конфронтацию! Твоя обязанность: наблюдать и докладывать. Наблюдать – и докладывать!

– А если бы они убивали кого-то – я тоже должен был наблюдать и докладывать? – недовольно пробурчал я.

– Именно так! – подтвердил босс. – Ты не уполномочен вмешиваться. Это дело полиции, а ты за подобное можешь оказаться на скамье подсудимых!

Покрутив головой, я промолчал.

– Зайди ко мне! – приказал Лэрри. Я поплёлся следом, полагая, что моя карьера секьюрити на этом завершилась.

Он закрыл за мной дверь и повернулся. – Я очень ценю твою смелость и ответственность, – неожиданно сказал он серьёзным тоном. – Это крайне важные качества, и я знаю, что никто из них, – он снисходительно кивнул головой на закрытую дверь, – не поведёт себя в критический момент так, как поведёшь ты. Мне комфортно работать с тобой, но пожалуйста! – он посмотрел мне в глаза. – Постарайся не создавать ситуаций, в которых я уже не смогу тебя защитить.

Не зная, что сказать, я снова промолчал.

– Мы скованы законами по рукам и ногам, – опять заговорил босс. – Меня самого бесит то, что не сделать ничего чаще всего означает избежать лишних проблем. Но пытайся быть благоразумным, по крайней мере когда это не касается чего-то действительно важного.

Он улыбнулся и протянул мне руку: – Иди и работай спокойно. А мне завтра ещё предстоит отчитываться на ковре за твои подвиги.

– Прости, – повинно сказал я, пожимая сильную ладонь. – Наблюдать и докладывать – я запомню.

Полтора месяца кайфового житья в уютной Алёниной квартирке стремительно подходили к концу. До её возвращения было необходимо подыскать новое место обитания, причём в пределах пешей досягаемости работы, чем я и решил заняться в ближайшие выходные.

О жилье в цен тре Сиэтла можно было и не мечтать – моей скромной зарплатки едва хватило бы лишь на оплату аренды. Изучив газетные объявления, я очертил на карте зону, где мог бы позволить себе поселиться, и это оказался прилегающий к даунтауну район Кэпитол Хилл, славный своими «голубыми» традициями, посему надлежало быть настороже.

Начав с самых дешёвых пристанищ за 300 долларов в месяц, я сразу же уяснил, где обитают местные бичи, столь досаждающие мне по ночам. Делить общий туалет и душ с этим контингентом мне решительно не хотелось, поэтому я поднял планку до 400.

Однако и на этом уровне всё оказалось не вполне приемлемым. Прочёсывая поочерёдно адреса из составленного списка, я постепенно стал терять надежду найти хоть что-то, куда не было бы противно возвращаться после дежурства. Попадались либо дома с демонстративно вывешенными радужными флагами,⁵³ которые я сразу обходил стороной, либо населённые совсем уж незамысловатыми реднеками,⁵⁴ перспектива ежедневного общения с которыми навевала беспросветную тоску.

Последней в списке значилась комната в доме, находившемся уже за пределами «голубиной» зоны, в районе, где согласно описанию, чёрными были все, включая кошек. «Ну да ладно, – решил я. – Заодно ознакомлюсь с нравами и традициями афро-американского сообщества».

Подъехав ко вполне аккуратненькому двухэтажному домику с приятной лужайкой перед входом, я вылез из «Мерседеса» и направился по тропинке к открытой двери, на ходу загадывая желание, чтобы на этом наконец завершились мои изнурительные поиски.

К моему удивлению, на порог вышел совершенно бледнолицый человек с хемингуэевской бородкой и умными, весёлыми глазами.

– Джон Гамильтон, – представился он, приветливо протягивая руку, и бросив любопытный взгляд на мою машину. – Проходи, присаживайся, расскажи о себе. Пива?

Уже через час мы обожали друг друга, тем более, что как выяснилось, между нами было ошеломительно много сходного. Джон тоже некогда служил в военной разведке (правда, естественно, в американской), знал китайский язык, прошёл через крушение бизнеса, был разведён, любил пиво и культуры разнообразных народов.

Угловая комнатка на втором этаже, в которой мне предстояло поселиться, была невелика, но вполне удобна, и самое главное – чиста.

Это был категоричный перст судьбы. Тем же вечером я перетащил туда свой многострадальный полупустой чемодан.

---

⁵³ Флаг, состоящий из шести полос радужной палитры (голубой цвет, как это ни странно, отсутствует), является символом движения геев и лесбиянок.

⁵⁴ Американская разновидность российского быдла.

Почти ежевечерние долгие разговоры с Джоном на кухне за ящичком пива сделались самой приятной частью моей новой жизни. Его беспритворный интерес к России, нешаблонность мыслей и многогранные познания об окружающем мире возрождали во мне былое пристрастие к интеллектуальным диспутам, по которым я так уже соскучился.

В устремлении как следует разъяснить ему истинную душу русского народа я даже прикупил гитарку и принялся переводить на английский песни Окуджавы, Высоцкого, стихи Есенина, которые он внимательно слушал, порой восклицая что-то хвалебное, иногда подправляя в моих переводах грамматику и стиль.

Однажды у нас разгорелась нешуточная полемика по поводу строк «дверям закрытым грош цена, замку цена копейка». Смысла этой фразы Джон со своей прагматичной англо-саксонской логикой принять никак не мог.

– Почему нехорошо то, что замок стоит копейку? – недоумевал он. – Он что – плохой?

– Да нет же! – запальчиво доказывал я. – Замок сам по себе хорош, да только его стоимость ничего не значит если существует выбор быть открытым для других!

– Тем более не понимаю, – дотошно упорствовал он. – Если хорошая вещь к тому же ещё и недорога – то это ведь чудесно! Почему тогда этот факт используется с отрицательной коннотацией?

В результате бурных семантических споров и разъяснений, заключительные строки песни приобрели в переводе следующий компромиссный вид: «Закрывать свою дверь обойдётся слишком дорого, хотя замок стоит всего лишь пенни».

Что забавно, теперь, спустя восемнадцать лет жизни в Америке, логически выверенная версия Джона кажется мне действительно куда доходчивей тумана символической образности Булата Шалвовича...

Однажды в пылу откровенности, возникшей после нескольких бутылочек «Гиннеса», я задал ему давно мучавший меня вопрос: – Джон, а вот объясни: почему ты, человек образованный, много знающий, да и попросту умный, не сделал карьеру, не достиг высот в вашей стране безграничных возможностей? А вместо этого живёшь скромненько в негритянском районе, дом вот вынужден сдавать кому попало...

Джон хитро улыбнулся. – Видишь ли, в Америке, чтобы в старости жить без забот, надо в молодости долго напрягаться, а я решил сразу, не напрягаясь, жить без забот и в своё удовольствие. Зато сколько всего можно вспомнить!...

– О! Вот это по-нашему, по-русски! – одобрил я. – А ты, случайно, не русский ли? – пришла в мою нетрезвую голову подозрительная мысль.

– Как деля, товарищ капитан? – охотно отозвался Джон, и мы с дружным звоном сдвинули кружки.

Идея сделаться русским показалась ему настолько привлекательной, что иногда он даже стал изменять своим укоренившимся привычкам. Как-

то я заявился домой за полночь с коробкой пива. – Джон, пивка? – предложил я как само собой разумеющееся.

– Спасибо, но я уже почистил на ночь зубы, – с шотландским аристократизмом отозвался он.

– А вот это – вообще не по-русски! – укоризненно заметил я, и Джон виновато полез в буфет за кружками.

Его маниакальная заряженность на помощь создавала порой анекдотичные мизансцены. Одним вечером, отправляясь в недалёкий магазинчик за пивом, я решил заодно размяться, и, натянув кроссовки, по-спортивному красиво побежал по тропинке через лужайку перед окнами дома. Но не успел я достичь первого перекрёстка, как рядом завизжали тормоза, и я с удивлением увидел слева от себя машину Джона. – Садись, Майкл! Скорее! – крикнул он, и я, не раздумывая, запрыгнул на переднее сиденье.

– Куда?! – быстро обратился он ко мне, чем поверг в полное недоумение.

– Не знаю... – растерянно ответил я. – Разве это не тебе надо куда-то срочно? Я думал – это от меня помощь нужна!

Джон долго смеялся, отирая слёзы. Оказалось, что увидев из окна меня, бегущего от дома, он решил, будто я куда-то опаздываю и, побросав всё, рванул вслед, чтобы подвезти. Надо ли говорить, что пива в тот вечер мы купили больше обычного...

В первые несколько недель я добросовестно исследовал наш негритянский околоток в стремлении постичь чёрную душу местного народа, к которому, справедливости ради забегая вперёд, до этого относился с куда большим уважением и интересом, чем после.

Скорее всего, мне просто не повезло, но как когда-то в Монголии я к своему разочарованию не нашёл ни единого человека, с которым возможно было не то что подружиться, но хотя бы просто приятно и неглупо пообщаться.

В этом гетто темнокожее население в основном бездельничало за щедрый государственный счёт, денно и нощно ошиваясь толпами на улицах, громогласно галдя, постоянно жуя и источая марихуанно-алкогольный аромат. Я, как представитель белого племени, интересовал их лишь в виде источника случайной мелочи, которой они без зазрения предлагали поделиться, либо как покупатель их крутой дури, чего я тщательно избегал из опасения невзначай уподобиться этой развинченно-говорливой расе.

Наивно предположив, что для знакомства с более утончёнными представителями общественности нужно пропустить с кем-нибудь рюмашку-другую в туземном баре, я забрёл в один из них, неподалёку от дома, немедленно об этом пожалев. Нет, меня никто не выгонял, не оскорблял и тем паче не избивал, но едва я переступил порог, как в баре смолк гомон голосов, а все сидящие за столами и у стойки как один уставились на меня. В зале вспыхнул яркий свет, и до тех пор, пока я под

недружелюбными взглядами не допил свой скотч и не покинул зал, в заведении сохранялась зловещая тишина.

Уязвлённый, я решил приучить завсегдатаев бара к своему праву на сосуществование, упрямо заходя туда каждый вечер.

Ко мне понемногу привыкли, прожектора уже не включали и вызывающе не разглядывали, но от общения демонстративно воздерживались. Слушая экспансивные разговоры вокруг, я с удивлением выяснил, что главной мировой проблемой является расовая несправедливость в самых невероятных её проявлениях, гипертрофированная до такой степени, что могло показаться, будто весь белый свет сотворен в виде одного сплошного концлагеря для угнетения и унижения чёрных.

Однажды, после третьего или четвертого скотча, я не утерпел и простодушно спросил у черноплечего соседа по стойке, наименее разгорячённого бурной дискуссией: – А кто вас угнетает-то? Где все эти сволочи прячутся?

Плотно упитанный негр надменно взглянул на меня: – О, мэн! – процедил он. – Ты хоть знаешь, что такое рабство?

– Так оно ж вроде закончилось давно, это рабство? Или ещё нет?

На этот раз он молча посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом, и я почёл за благо поскорее прикончить свой дринк и удалиться. Посещать этот центр чёрной философской мысли мне расхотелось.

Шли недели, жизнь моя начала обретать рутинную размеренность, и каждый раз за вечерним пивом я всё острее чувствовал необходимость предпринять что-то радикальное. Но что можно сделать – я пока не представлял.

Журнальный бизнес, как и следовало ожидать, безнадежно загибался. Воронин повёл себя предельно осторожно и попытался избавить журнал от любых ассоциаций, связанных с моим именем. Во втором выпуске с титульной страницы исчезла редакторская колонка с моей фотографией, потом фамилия Баженов пропала даже из списка редколлегии, а написанные мною статьи стыдливо публиковались без подписи.

Учитывая нездоровый ажиотаж, который по-прежнему вызывало в Хабаровске любое упоминание обо мне, я его за это не осуждал, однако все наработанные в своё время многообещающие варианты в результате канули в небытие. Вдобавок, Воронин вернулся к своей изначальной идее печатания минимального тиража лишь для пускания пыли в глаза рекламодателям, но всё это было шито белыми нитками, и низвело престиж издания до непоправимого уровня.

С мыслью о потере этой последней серьёзной деловой возможности, пришлось, увы, окончательно смириться.

Разнообразие в мой быт вносил Ваня Александров, который звонил едва ли не каждый день. В зависимости от степени опьянения он бывал то

заискивающе сладкоречив, то обаятельно дружелюбен, то грозно груб. Часто я просто не поднимал трубку, и тогда он оставлял на автоответчике взбешенные сообщения: – Миша, блять! Это я звоню, Ваня Александров, ты чё не берёшь трубку, сука, бля нах?! Миша! Если ты сейчас же не перезвонишь мне – я приеду и тебе п...ц! Ты понял нах?!

Однажды он действительно заявился, к полной моей неожиданности (я и думать не мог, что ему известен мой адрес), однако был при этом безупречно учтив, великосветски одет, и совершенно обаял Джона умными рассуждениями о нюансах американской истории.

Обнимая на прощанье, он высокопарно наговорил кучу комплиментов, так что потом оказалось почти невозможным объяснить Джону почему я так долго скрывал от него столь замечательного своего друга. Похлопав напоследок меня по спине, Ваня со сладчайшей улыбкой добавил по-русски: – Не забывай про должок, братиша! Документы тебе ещё отработать придётся.

– Помню, – буркнул я, с трудом представляя, как это сделаю. Если честно, я испытывал к Ване и оказанной им помощи очень разноречивые чувства. С одной стороны, нельзя было не признать, что объективно он меня просто спас, хотя с другой – это было сделано им в основном из своекорыстных соображений, ну а с третьей – представлялось совершенно нереальным рассчитаться за эту услугу нормальными человеческими способами.

Какие-никакие деньжата у меня теперь появились, но долги, которые висели в Хабаровске, были несомненно приоритетными. В первую очередь это касалось тех, кто беззаветно поддержал меня в самые критические моменты, тем более что для некоторых из них даже небольшие деньги были бы далеко не излишними.

Когда Ваня однажды узнал, что я отправил в Хабаровск три сотни долларов, он буквально взбесился.

– Я тебя уважать перестану, если ты эти долги будешь отдавать! – орал он словно помешанный. – Знаешь, как Сильвестр меня учил: «Понтов не жалея, а денежки придерживай!»! Всё, пусть забудут про свои деньги!

Я молчал, ибо этому человеку было безнадежно объяснить, как выжигает душу гнусное ощущение вины перед людьми, у которых когда-то с честным лицом просил займы «буквально на пару месяцев».

Однако было просто смешно надеяться в обозримом будущем вернуть хотя бы первоочередные долги теми крохами, которые сейчас зарабатывались. Надо было искать источники дополнительного дохода, и тут очень кстати прихлалась моя основная специальность переводчика.

По рекомендации каких-то добрых знакомых я оказался представлен небольшому дизайнерскому агентству, которому время от времени требовался перевод изготавливаемых ими брошюр, визиток и прочей мелочёвки. Деньги они платили не бог весть какие, но для меня эта работа не представляла ни малейшего труда, и я всё чаще с удовольствием забегал в их весело гудящий офис, чтобы прямо на месте, усевшись за

чей-то компьютер, срочно перевести какую-нибудь бумажку, а то и просто приятно поболтать.

Народ там работал творческий и очень нестандартный, манерный, в основном с зелёными, розовыми волосами и гроздьями серёжек на неподходящих, на мой взгляд, для этого частях тела, но вели себя они вполне корректно, никаких непристойных намёков, а тем более поползновений себе не позволяли, и я постепенно утратил бдительность.

Окончательно расслабила меня вечеринка, куда я на всякий случай прихватил с собой Алёну. Довольно скоро опередив всех присутствующих по объёму выпитого, мы с ней великодушно решили ознакомить американских геев с лучшими образцами русского песенного искусства. Геи оказались очень восприимчивой аудиторией и соорудили для нас некое подобие сцены перед пылающим на заднем двореке очагом, куда в процессе самозабвенной игры на гитаре время от времени вступала моя нетрезвая левая нога, подпаленные волосы которой вскоре заблагоухали копчёной курицей.

Алёна вдохновенно пыталась донести до слушателей смысл непонятных им залихватских песен языком танца, кружась вокруг очага и талантливо изображая то подошедших из-за угла гопников, то беличьи шубки и кожи крокодила, а то и полковников, которым она стелила...

Геи были в неопишемом восторге от самобытной русской культуры; мы, несмотря на мою геройски опалённую ногу и прожжённое Алёнино платье – тоже, и вечер завершился полным апофеозом и выводом, что «геи – тоже ничего себе ребята!»

Однако, вывод этот оказался несколько опрометчивым... Забыв про осторожность, я не раз смело примыкал к коллективу весёлых⁵⁵ дизайнеров уже без Алёны, распрекрасно проводя с ними время в питейных заведениях Капитолийского холма.⁵⁶

В один из вечеров мне позвонил багряноволосый паренёк со странным именем Нокс и позвал в пивной бар «Элизиум», где несколько дней назад мы большой компанией оживлённо обсуждали творческий путь группы «Квин». Предвкушая продолжение занятой дискуссии, я охотно согласился. Однако, зайдя в полутёмный зал бара, я заметил там лишь Нокса, мечтательно сидящего в углу.

– А где остальные? – поинтересовался я, усаживаясь напротив.

– Да... сейчас подтянутся... вероятно, – характерно растягивая слоги, проговорил он, придвигая ко мне огромную кружку Alaskan Amber, аппетитно набекрень покрытую шапкой пены. Ничего не подозревая, я звякнул кружкой об его бокал с каким-то розовым коктейлем и блаженно сделал большой глоток. День выдался жаркий.

---

⁵⁵ Gay – по-английски означает ещё и «весёлый».

⁵⁶ Capitol Hill – как я уже упоминал, прилегающий к даунтауну Сиэтла район с повышенной концентрацией геев.

Разговор, начавшийся с какой-то ерунды, постепенно неким извилистым образом сместился в направлении мало интересовавшей меня темы гомосексуальности. Романтизированный своим розовым коктейлем Нокс доверительно принялся повествовать о моменте, когда он впервые почувствовал себя женщиной, и мне сделалось неуютно.

– Так где же остальные? – перебил его я, недовольно оглядываясь.

– Да что ты такой напряжённый? Расслабься! – засмеялся он, и я вдруг почувствовал у себя на колене его руку.

Я строго посмотрел на него, но он сделал вид, будто это случайность и живо замахал провинившейся рукой официанту, заказывая следующий круг напитков. Дождавшись, пока пиво окажет на меня благотворно умиротворяющее воздействие, он вновь перевёл беседу в гейское русло, однако к тому моменту мною уже овладело шаловливо-насмешливое настроение.

– Нокс, ну какая из тебя девушка? – прямолинейно взялся перевоспитывать его я. – Ты посмотри на себя в зеркало: вон борода лезет как у викинга. И вообще: тебе баб надо трахать как заведённому, а ты какими-то глупостями страдаешь!...

Опечаленный Нокс с щенячьей тоской смотрел на меня глазами, заблестевшими от слёз.

– Я понимаю, тебе непривычно такое слышать – но я люблю тебя! – выпалил вдруг он и закрыл лицо руками. – Уже давно! – добавил он глухо сквозь прижатые ладони.

Я совершенно офигел от такого откровения, но сразу подняться и уйти мне не позволило какое-то ложное человеколюбие – уж больно жалостливо выглядел он со своими искренне вздрагивающими плечами.

– Нокс, ты должен понять, что это невозможно, – стараясь быть максимально убедительным, твёрдо заговорил я. – Я устроен абсолютно по-другому...

– Но дай мне хоть один шанс! – вскрикнул он, хватая меня за руки и заглядывая в глаза. – Пожалуйста! Быть может, ты согласишься на всё по-другому!...

Я попытался высвободиться, но он вцепился в меня своими мускулистыми руками с недевической силой. Впервые в жизни я отчётливо ощутил, что испытывает женщина, когда к ней пристаёт нежеланный мужчина: сразу дать по морде как-то вроде неприлично, а резонные отговорки и вежливые попытки отстраниться воспринимаются этой возбуждённой скотиной будто кокетство. Мне было одновременно и смешно, и ужасно мерзко.

– Нокс, у меня на тебя просто не встанет! – привёл я грубый довод как последнее средство, но и это лишь раззадорило его пыл.

– Встанет! – горячо прошептал он мне, сверкая зрачками и продолжая цепко удерживать за руки. – Я знаю, как всё надо сделать!

Вот теперь мне сделалось уже не до смеха. Я резко встал, без церемоний брезгливо освобождая руки, но он вскочил вслед за мной. Из-

за соседних столиков на нас уже смотрели с любопытством. Блин! Ещё только сцен любовной драмы тут мне не хватало!

– Сядь и успокойся! – сквозь зубы приказал ему я. – Мне надо в туалет.

Он покорно сел, преданно глядя мне в лицо. Было видно, что ему очень нравится, когда я начинаю вести себя решительно. Девушка нежная, тудыть её в карусель!

Оказавшись в туалете, я издал какой-то звериный рык, чем не на шутку пуганул парочку оказавшихся там педиков. Я был невообразимо зол на себя за то, что довёл ситуацию до такого уродского развития, а также оттого, что в результате всех этих эмоций вместо желанного кайфа от выпитого пива осталась лишь тяжесть в животе.

Возвращаться за стол к Ноксу я, естественно, не собирался. На спинке стула оставалась висеть моя ветровка, однако мне было на неё уже плевать. Завтра заберу!

Выйдя из уборной, я уверенным шагом направился напрямик к лестнице, но коварный Нокс оказался готов к этому манёвру. Он бросился ко мне наперерез, и воспользовавшись тем, что я сердито повернулся к нему, изловчился и влажно поцеловал прямо в губы...

От бешенства и отвращения у меня потемнело в глазах. Не помня себя, я что было сил врезал ему без замаха снизу в подбородок. Он рухнул на ступеньки лестницы и покатился по ним, нелепо разбрасывая руки. Судя по всему, он потерял сознание, но мне было совершенно всё равно – спускаясь вниз, я брезгливо перешагнул через него, едва удержавшись от искушения пнуть ещё раз, и, ногой распахнув дверь, вышел наружу, с жадностью глотая посвежевший вечерний воздух.

Однако это был ещё не финал. Не успел я трясущимися руками прикурить сигарету, шепча проклятия, как дверь бара отворилась и из освещённого проёма, шатаясь, выбрался Нокс с окровавленными губами, отчаянно протягивая ко мне руки: – Майкл, прости меня!...

– А ну пошёл на хер отсюда! – взревел я, отбрасывая сломавшуюся сигарету и делая угрожающий шаг в его направлении.

Он отбежал в сторону, но уходить не собирался. Я круто развернулся и зашагал в сторону дома, иногда свирепо оглядываясь назад. Нокс семенил за мной ещё долго, останавливаясь, когда я притормаживал, и время от времени выкрикивал какие-то извинения. Наконец, я в ярости ускорил шаг, и на границе с негритянским кварталом он отстал.

Следующим утром я, всё ещё заведённый, позвонил Алёне. – Как вы вообще можете трахаться с мужиками?! – с ещё не прошедшим возмущением наехал я на неё. – Они же все такие мерзкие!

Она лицемерно вздохнула. – Ну а что нам остаётся? Любовь зла...

Вот ведь какая сука – эта любовь! Отношения с гейским агентством у меня сами собой резко прекратились, и надо было снова искать дополнительные источники дохода.

Август 1996 года
Сиэтл, штат Вашингтон

Ваня не звонил уже больше недели. Это было на него не похоже, и я, почувствовав какое-то смутное беспокойство, позвонил сам. Трубку сняла Татьяна.

– Привет, Таня. Как у вас дела?

– Ну как дела, как дела? – как всегда без эмоций отозвалась она. – В тюрьму забрали Ваню – вот такие дела.

– За что? Как это получилось? – напряжённо спросил я.

– Ну как палучилось? Он апать напился, а он кагда напьётся – ему ж пастрелять нада. Ну а в каво ему стрелять? Ну в меня, канешно.

– И что, попал?

– Да нет, в меня не папал...

Я облегчённо вздохнул.

– Зато в дом саседа папал. А у саседа на стене его школьная бейсбольная форма висела – ну знаешь, как они любят: реликвия, в рамачке пад стеклом. Так Ваня её насквозь прастрелил. А патом мне ещё в глаз кулаком засветил, наверное за то что не папал.

Несмотря на всю серьёзность ситуации, я не смог удержаться от смешка.

– Ты вот смеёшься, а сасед со сваей формой прастреленной заявился – кампенсацию требовать, а Ваня её прямо с рамкой ему на голову надел. Сасед так и убежал в рамке, а сам палицию вызвал.

Представив себе «саседа в рамке», я расхохотался уже в открытую.

– Да ничево смешнова, – обиделась Татьяна. – Палиция приехала, а тут ещё у меня глаз падбитый, ну его и увезли. Я пазванила, ну ты знаешь куда, а там гаварят: «Всё, нам уже надаели его праделки, мы с ним работать прекращаем». И что теперь делать? В тюрьме залог требуют – пять тысяч, адваката нада нанимать, а у меня детям малака купить не на что.

– Деньги постараюсь найти, – уже серьёзно сказал я. – По крайней мере на молоко.

Озабоченный, я спустился вниз. Деньги у меня отсутствовали, но было необходимо что-то срочно предпринимать. В конце концов, перед Ваней я действительно был в большом долгу, к тому же в последнее время он вёл себя чрезвычайно дружелюбно, кротко жаловался на здоровье и зазывал в гости.

Джон, как обычно, сидел со свежепахнувшей газетой перед чашкой с дымящимся кофе.

– Послушай, Джон, – решился я. – Мне срочно надо выручить одного человека, которому я сильно обязан. Ты не мог бы одолжить мне пять тысяч на два-три месяца?

Джон оторвал от газеты удивлённые глаза. – Майкл, я тебе, конечно, дам, – без раздумий отозвался он. – Но вообще-то в Америке деньги занимать не принято.

– Джон, знаешь, мне уже столько всего рассказали, чего в Америке не принято, что кажется, будто я нахожусь в какой-то другой стране.

Он рассмеялся, доставая чековую книжку: – Да нет, скорее, ты просто производишь впечатление порядочного человека – вот тебе все и доверяют!

– А напрасно, – серьёзно сказал я, беря чек.

Джон, прищурившись, посмотрел на меня и улыбнулся. – Можешь взять машину – она мне до вечера не нужна.

Фингал у Татьяны действительно оказался знатный. Всю дорогу из тюрьмы до дома она безучастно молчала, зато Ваня был неестественно весел и говорлив.

– Ну спасибо, братиша, выручил! Поступил по-офицерски! Ничего, мы не пропадём – эти козлы из ЦРУ ещё сами ко мне прибегут. Им без меня уже не обойтись.

Выйдя из машины, он недобро погрозил кулаком в сторону соседского дома и сплюнул.

– Ну, давай, братиша, за то, чтобы нам больше в тюрьму не попадать! – провозгласил Ваня, наполняя рюмки. – Бери, бери, закусывай – вот колбаска наркомовская! – заботливо угощал он.

Водки я не пил уже давно, поэтому после второй дозы у меня зашумело в голове и душа наполнилась комфортным ощущением тепла и уюта. Мне сделалось очень покойно оттого, что сам собой нашёл способ достойно расквитаться с Ваней за его помощь. Джону-то месяца за три я как-нибудь отдам...

Я едва не открыл рот, чтобы сказать Ивану что-нибудь доброе, как он неожиданно поднялся со стула и встал вплотную передо мной. – Ну что? – вдруг жёстко спросил он, глядя на меня в упор. – Думаешь, отделался этими пятью сраными штуками?

Он зловеще рассмеялся. – Хер там, братиша! Запомни: ты передо мною теперь в вечном долгу. Ты мне яйца лизать должен, если я скажу!

Я сидел, словно парализованный. Переход от приятельской болтовни к ураганному психическому натиску был столь ошеломительным, что я ощутил себя потерявшей свой панцирь улиткой.

Упиваясь произведённым эффектом, Ваня торжествующе склонился надо мной и громко зашептал: – Ты ведь без меня вообще никто! Ноль. Минус! Ты понял меня?!

Он выпрямился и презрительно усмехнулся: – Посмотри на себя! Неудачник, лузер, секьюрити сраный бля! Думаешь, забился в нору и всё? Раскайфовался? Да ты же полностью от меня зависишь! Одно моё слово – и ты в России, а там тебя ох как ждут!

У него в руке возник длинный нож. – Знаешь, что с тобой там будут делать? Шкуру снимать по частям. Начнут с отрезания языка – я специально попрошу!

Он прищурился: – И знаешь зачем?

Я молчал.

– Чтобы ты уйти легко не вздумал! В тюрьге это распространённый способ самоубийства – откусить себе язык ночью и кровью захлебнуться. А тебе ещё помучиться придётся!

Ваня медленно поднёс лезвие к моему лицу. Весь в холодном поту глядя на нож, я не мог даже пошевелиться, чувствуя себя совершенно беспомощным перед этим жутким человеком.

Он дьявольски захохотал и бросил зазвеневший нож передо мной на стол: – Ты ведь ничего не можешь! Ты даже убить меня не сможешь! Ну, бери, убей меня! А? Кишка тонка?! Хотел бы, но не можешь!...

– Бери нож, я сказал! – взревел он, и я словно под гипнозом медленно протянул руку и сжал тёплую рукоятку.

Ваня схватил моё запястье и внезапно резко полоснул лезвием ножа себя по левой ладони.

– Давай-ка лучше вот что, – вкрадчиво проговорил он, протягивая к моему лицу окровавленный кулак. – Мы сейчас поклянёмся друг другу на крови! Режь себе руку. Режь как я!

Я сидел совершенно неподвижно. Внезапно обняв меня за деревянные плечи, он негромко зашептал: – Братиша! Ты уж на меня не обижайся, что я шумлю. Так надо! Мы должны дать друг другу клятву на крови. После этого я уже никогда, слышишь? никогда не смогу на тебя орать. Потому что мы с тобой станем кровными братьями! Знаешь, что это такое?

Он проникновенно заглянул мне в глаза.

– Режь, – почти ласково попросил он. – Ты должен сделать это сам. Или даже на это духу не хватает? – у него в зрачках зажглись насмешливые огоньки.

Я будто замороженный перевёл взгляд на его сочащуюся тёмной кровью рану. Багровые капли тяжело стукались о стол. Вытянув руку, он в торжественном ожидании смотрел на меня.

В этот миг с меня точно слетело это парализующее волю наваждение. Я встал, твёрдо сжал рукоять и, задрвав левый рукав, сделал на руке резкий надрез. Потом, глядя Ивану в глаза, изо всех сил швырнул нож в дальний угол.

– Духу-то хватает, – произнёс я, пытаюсь, чтобы от захлестнувших эмоций не вибрировал голос. – Только братьями мы с тобой не станем никогда

Я резко отодвинул стул, так, что он с грохотом упал за моей спиной, и, усмехнувшись, пошёл к двери, стараясь не обращать внимания на горячо струящуюся по пальцам кровь.

Глава 10. ЛИСТЬЯ ЖЕЛТЫЕ

*...И жёлтые листы календаря
бегут на красный свет через дорогу.*

я

20 октября 1996 года
Сиэтл, штат Вашингтон

Я довольно бездумно сидел с полупустой бутылкой пива в своей маленькой комнатке на втором этаже, непонятно зачем прокручивая в голове снова и снова сцену ареста бандитов в аэропорту, и постепенно соображая, что жизнь моя опять дала резкий крен, и вновь бесполезно даже предугадывать, чем всё это закончится на этот раз...

За окном было ещё светло. Со стоящего перед домом клёна, неторопливо кружась, на пока зелёную лужайку опускались ажурные золочёные листья. Мне вдруг ужасно захотелось позвонить в Россию, тем более, что я не звонил туда уже давно. Перспективы моего возвращения домой отодвигались всё дальше и дальше...

Родителям, правда, ни в коем случае нельзя было ни о чём рассказывать, и я ограничился лишь тем, что услышав их вполне бодрые голоса, скороговоркой отчитался о прекрасном состоянии своего здоровья, как делал это обычно раз в месяц, ссылаясь на дороговизну звонков. Они были счастливы даже этим, и я, в общем-то, тоже.

Сложнее дело обстояло с бывшей женой и сыном. Уехав после развода из Хабаровска в Москву, они по-прежнему сильно зависели от моей поддержки, и я продолжал отправлять им деньги, даже когда возможности для этого резко сузились. Во мне всё ещё жило ощущение вины за то, что Юле когда-то пришлось бросить свою учёбу в Бауманском и уехать со мной в Монголию, чтобы делить там совместно все тяготы и лишения.

Здесь в Америке возможностей и вовсе не стало – те несколько сотен, что я умудрился выкроить для них за последние месяцы были, конечно, не в счёт.

– Ты что там совсем не в своём уме?! – шептала она мне срывающимся голосом, чтобы не разбудить спящего сына. – Мы уже тут год непонятно на что живём! Как мне прикажешь сына твоего растить?!

Стиснув зубы, я закрывал глаза и молчал. Теперь мне предстояло сообщить ей, что в ближайшее время если что-то и изменится, то лишь в худшую сторону.

Звонил я, специально выбирая такое время, когда сын либо спал, либо был в школе. Я совершенно не представлял, что могу ему сказать. Мне казалось, что он должен презирать меня как последнего неудачника, бездаря, испортившего их жизнь. Тем более, что я успел побаловать его дорогими игрушками, крутыми поездками по свету, и вдруг всё это в одночасье прекратилось.

Меня одолевал жгущий стыд за свою отцовскую несостоятельность, и сына я уже считал навсегда для себя потерянным.

В этот день я нечаянно нарвался на него – оказалось, что приболел и не пошёл в школу. Сначала я даже не понял, что это он – такой у него стал повзрослевший, хрипловатый голос.

Разговор пошёл какой-то односложный:

– Ну, привет, сынок!

– Привет, пап!

– Как ты там живёшь?

– Да, хорошо, пап.

– Как учёба?

– Да, нормально, пап.

– Никто не обижает тебя?

– Да, нет, пап.

– Ну, ладно, пока сынок, – пробормотал я, желая поскорее закончить эту неловкую беседу.

– Ну, пока, пап.

Я уже положил было трубку, как вдруг услышал его отчаянный крик: – Папа! Папа! Я тебя люблю!!!

Таким дерьмом я не ощущал себя, наверное, никогда. До меня внезапно дошло, что ведь он любил и продолжает любить меня вовсе не за подарки и поездки, не за мою крутизну, и вообще ему плевать на все эти финансовые и прочие неурядицы – он просто любит, потому что я – его отец. Безо всяких условий, претензий и расчётов.

Это была освежающая оплеуха... Я в один момент осознал, насколько стал испорченным человеком, привыкшим к тому, что людские отношения строятся лишь на корысти и эгоизме.

Как я счастлив, сынок, что не повесил тогда слишком поспешно трубку...

19 февраля 1997 года
Сиэтл, штат Вашингтон, офис ФБР

– О'кей, Майкл, от нашей программы защиты ты отказываешься, но ты всё же согласен быть нашим свидетелем? – придиричиво ещё раз уточнил вернувшийся от босса Патрик. – Я думаю, поймать твоих бандитов много времени у нас не займёт – все агенты на ногах.

– Да конечно согласен, – угрюмо отозвался я, – Только не совсем понимаю, о чём я должен свидетельствовать. Ну наехали, ну напомнили про мои долги...

– Ты не понимаешь другого, Майкл, – сказал он, внимательно разглядывая меня. – У нас это называется вымогательством и считается серьёзным преступлением. Мы не хотим, чтобы ваши бандитские нравы пустили корни и у нас.

– Ну так изловите их да депортируйте – и дело с концом!

– Нет, – твёрдо возразил он. – Если не наказать этих, следом приедут другие. Поэтому преступники должны сидеть в тюрьме!

– А вот мне как раз совсем ни к чему, чтобы их сажали в тюрьму! – запальчиво возразил я. – Во-первых, я не хочу жить, зная, что кто-то из-за меня сидит в тюрьме, пусть даже и бандиты. В конце концов, это работа у них такая – в России нет этих ваших контор, чтобы законно деньги выжимать из должников и споры между бизнесменами разруливать.

Я перевёл дух. – А во-вторых, если их посадят, то тогда я уже точно не жилец – для русской мафии будет просто делом чести меня наказать. А способ наказания у них один.

Патрик встал и задумчиво прошёлся по комнате. – Так значит, ты отказываешься быть свидетелем? – мрачно переспросил он.

– Да ёшкин кот! – взорвался я. – Неужели я уже не ответил на этот вопрос? Свидетелем быть согласен, только не собираюсь говорить ничего, кроме того, что случилось на самом деле. Это вас устраивает?

Патрик опять долго смотрел на меня, потом вздохнул: – Видишь ли, Майкл, ты должен понимать, как работает система нашего суда присяжных. Чтобы убедить суд, каждая сторона, как бы это сказать, немного преувеличивает свою правоту: адвокаты уверяют в полной невиновности подзащитных, прокурор наоборот рисует их самыми чёрными красками, а судья и присяжные знают, что правда лежит где-то посередине...

– Короче, театр, – усмехнулся я. – Только я ведь не актёр и не клоун. Если вам нужно, чтобы я сказал правду и только правду, как у вас принято заявлять – я готов. Но изображать из себя невинную, запуганную жертву я не буду.

Патрик утомлённо прикрыл глаза. – Ну хорошо, хотя бы так. В конце концов, для суда достаточным фактом будет уже то, что невинные люди из тюрьмы не убегают, – тихо произнёс он наконец и неожиданно улыбнулся.

– Я знал, что в вашей стране люди упрямые, но не предполагал, что до такой степени.

Я широко улыбнулся ему в ответ: – Читайте внимательнее свою любимую Библию: заповедь девятая – не лжесвидетельствуй. А вот нам это прекрасно известно из Морального кодекса строителя коммунизма! Так кто из нас моральнее?

Патрик засмеялся: – Ещё только коммунистической пропаганды мне тут в офисе ФБР не хватало!

Я поднял руки. – Ну нет, коммунизм я сам ненавижу, по крайней мере его практическое воплощение. А ты мне лучше вот что объясни, – перевёл я разговор в более интересующую меня плоскость: – Что они сказали насчёт того, зачем ко мне припёрлись? Не знали, как будто, что у меня никаких денег нет? Они же на дорогу куда больше истратили, чем с меня стрясти могли!

Патрик испытующе посмотрел мне в глаза. – Вообще-то это тайна следствия, но поскольку ты официально согласен быть свидетелем, то тебе можно это знать: они утверждали, будто им было сказано, что деньги по тому рыбному контракту ты получил и увёз с собой в США, а Хабаровскую и Владивостокскую мафии нарочно столкнул между собой, чтобы замести следы.

Я засмеялся и покрутил головой. – Надеюсь, вы сами этот бред правдой не считаете?

– Мы всё проверили, это не соответствует действительности, – серьёзно подтвердил он. – Ещё им было сказано, что ты ведёшь здесь роскошный образ жизни, разъезжаешь на белом «Мерседесе»...

– Ваня! – вдруг вырвалось у меня. «Ну конечно, такое мог сделать только он! Ему нужно, чтобы я прибежал к нему за помощью!»

– Ты имеешь в виду Ивана Александрова? – спросил Патрик. – Не думаю. Он сам вызвался быть нашим свидетелем по делу с очень важными для нас показаниями: он подтвердит, что ты неоднократно выражал опасения за свою жизнь, получал угрозы из России...

Я промолчал, хотя теперь мне стало всё абсолютно понятно. Ванина многослойная игра! Но зачем я буду посвящать ФБР во все эти подробности?

– И, пожалуйста, будь очень осторожен, – в который уже раз добавил Патрик. – Это даже хорошо, что у тебя пока нет машины – выследить пешего человека в Америке гораздо сложнее.

15 сентября 1997 года
Здание федерального суда, Сиэтл

– Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды!

Я обвёл взглядом скамью присяжных и едва не присвистнул – до того это напомнило мне давнишнее заседание комиссии по туризму при

хабаровской краевой администрации. Те же просветлённые, преисполненные ответственности лица, правда, контингент несколько иной: скорее, провинциальный народный суд 60-х годов. Какие-то глухие бабки со слуховыми аппаратами, умытые слесаря с чёрными ногтями, ярко-выраженные активистки-феминистки...

Да уж, нормальные люди и здесь всеми силами стремятся отвертеться от этой почётной обязанности!

Из-за барьера мне приветливо улыбнулся Сулим, и я улыбнулся ему в ответ. Ну извини, брат, так уж получилось.

– Вы знали, что в период с 18 февраля по 19 мая 1997 года двое из моих подзащитных, а именно, Сулим Абубакаров и Владимир Федотов, находились на свободе? – адвокат запнулся при произношении слишком сложных для его американского языка имён.

– Да, я знал, – подтвердил я. – Только точных дат не помню.

– Находились ли вы в аэропорту Сиэтла 8 марта 1997 года?

– Точной даты не помню, но вполне мог находиться там в один из дней марта. Впрочем, да, 8 марта точно был.

– Помните ли вы то, что в тот день встретили в аэропорту моего подзащитного Владимира Федотова?

– Да, я встречал его там, но не уверен, что именно в тот день

– Вы узнали его?

– Ну, разумеется. Раз я подтвердил то, что его там встретил.

– Скажите суду, что вы сделали, узнав Владимира Федотова.

– Я помахал ему рукой, но подходить не стал.

Я услышал, как у сидящего в третьем ряду Патрика вырвалось какое-то восклицание.

– Почему вы помахали ему рукой?

– Видите ли, я привык здороваться с людьми, которых знаю.

– То есть, встретив на свободе человека, который мог представлять угрозу вашей жизни, вы тем не менее, по-дружески помахали ему рукой?

– Да, – подтвердил я и до меня снова донёсся тяжёлый вздох Патрика.

– Почему вы сделали это, несмотря на страх перед угрожающей вашей жизни опасностью?

– Понимаете... – задумчиво протянул я. – Мне довольно трудно это объяснить. В тот момент моя собственная жизнь не представлялась мне особенно ценной. Мне было как-то всё равно, что со мной произойдёт – поэтому какого-либо страха я не испытывал.

– У меня больше нет вопросов к свидетелю, Ваша честь, – торжественно объявил адвокат.

По рядам наполовину заполненного зала пронёсся лёгкий недоумённый шум.

– Ну зачем? Зачем?! – в который раз отчаянно причитал Патрик в ожидании решения присяжных, совещающихся уже третий час. – Зачем надо было говорить, что ты не испытывал страха перед бандитами?

Я утомлённо взглянул на него: – Патрик, но я же поклялся говорить правду и только правду.

Патрик вздохнул и развёл руками.

21 сентября 1997 года
Газета «Сиэтл таймс»

«Суд присяжных сегодня вынес оправдательный вердикт по делу о вымогательстве в отношении трёх граждан России, арестованных в Сиэтле почти год назад.

По словам прокурора, все трое подозреваемых являлись членами Русской мафии, присланными в Сиэтл для угроз в адрес Майкла Бежанова с целью получения от него денег.

Однако адвокатам удалось доказать их полную невиновность. По версии защиты, принятой судом, подсудимые лишь напомнили М. Бежанову о необходимости возврата денег, полученных им обманным и возможно незаконным путём. Доказать принадлежность обвиняемых к организованной преступной группировке обвинению также не удалось.

После освобождения в зале суда они были вновь арестованы сотрудниками иммиграционной службы за нарушение иммиграционного режима и доставлены в аэропорт, откуда их в тот же день депортировали на родину. В аэропорту бывшим обвиняемым была выплачена компенсация за каждый день нахождения под следствием, за вычетом времени, когда двое из них находились в розыске в результате побега из тюрьмы...»

Патрик с отвращением бросил газету на стол. – Ведь мы же предупреждали, что с этими адвокатами надо быть крайне осмотрительным! Вот, смотри, как они тебя выставили! А ты им ещё и все козыри в руки раздал!

Я промолчал.

– Ну да ладно. Главное, что эти личности в Америку уже никогда не попадут, тем более что мы прекрасно знаем, кто они такие, и кто их сюда послал.

Он встал. – Ладно, не переживай. Мы ценим, что ты помог нам осадить их пыл, а то они уже и здесь начали было хозяевами себя

чувствовать. И как бы там ни складывалось в дальнейшем – можешь всегда рассчитывать на нашу помощь. В любых проблемах, – добавил он с улыбкой. – За исключением сексуальных.

– Спасибо, Патрик, – вежливо поблагодарил я, пожимая его крепкую руку. Добавлять, какое облегчение царило в моей душе, я не стал.

Октябрь 1997 года
Офис фирмы «Глобал стар», Сиэтл

– Постойте-ка! Бежанов, Михаил – ведь это про вас во всех газетах недавно писали? – внезапно догадался президент фирмы, снова беря со стола в руки жёлтый листок моего резюме.

– Ну, откровенно говоря, да, – неохотно подтвердил я. – Только это далеко не вся правда – там изложена ситуация со слов бандитских адвокатов, а мне было запрещено встречаться с журналистами. Там даже фамилия моя искажена...

Он торопливо протянул мне моё резюме, словно пытаюсь поскорее от него избавиться. Мне показалось, что он сейчас же бросится дезинфицировать руки.

– Знаете, в нашей фирме в настоящий момент вакансий нет и не предвидится. Я вам откровенно об этом говорю, чтобы вы больше сюда уже не звонили. И не приходили, – добавил он, всем видом давая понять, что интервью окончено.

Я молча вышел из кабинета. Секретарша испуганно посмотрела мне вслед.

Это была уже моя бог весть какая попытка устроиться на приличную работу. Однако после шумной бандитской истории, к тому же невероятно перевранной местными средствами массовой информации, от меня все шарахались как от зачумлённого – никто не мог, да и не хотел взять в толк: то ли мафия меня по-прежнему преследует и вот-вот настигнет, то ли мафия – это я сам.

С должности секьюрити меня, слава богу, ещё не поперли, хотя уже и там всё висело на волоске. Менеджер компании-владельца моих подотчётных небоскрёбов, предложил боссу Лэрри меня потихоньку уволить. Однако Лэрри встал за меня стеной, заявив, что я – один из лучших офицеров, с которыми он когда-либо работал, и менеджер оставил принятие решения под его личную ответственность. На всякий случай Лэрри перевёл меня на ночные дежурства в подземный гараж, подальше от сторонних глаз.

В дневное время я подрабатывал на переводческое агентство смешного чеха Рэнди, который от всей души ненавидел русских, но тем не менее построил свой бизнес на обслуживании русских пациентов в медицинских офисах. Меня он упорно русским не признавал, хотя я не

менее упорно пытался ему это доказать, не в последнюю очередь путём совместного поглощения галлонами любимого им бренди.

Рэнди предоставил мне полный карт-бланш в выборе удобных заказов и планировании своего графика, и всё же того, что я при этом зарабатывал, хватало лишь на скромное поддержание штанов. Достойной, хорошо оплачиваемой работы мне, судя по всему, в ближайшее время не светило...

«А не пошла бы вся эта суета к чёртовой матери!» – остановился вдруг я посреди улицы и с холодной яростью свернул самолётик из своего резюме, которое по-прежнему зачем-то нёс в руках.

Жёлтая птичка, подхваченная осенним ветром, поднималась всё выше между высокопарными небоскрёбами, а я, уже не глядя на неё, быстро шёл, ссутулившись, в знакомый пивной бар. Лётчика, как мечтал дед, из меня уже не получится, значит остаётся пройти по стопам прадеда...

Глава 11. МОРСКАЯ ПРОГУЛКА

*Плывёт-плывёт кораблик, кораблик золотой
Везёт-везёт кораблик подарки нам с тобой...*

Детская народная песенка

Ноябрь 1997 года

Офис рыболовецкой фирмы «Deep Sea Harvester», Сиэтл

– Насколько я понимаю из вашего резюме, в море вы никогда не были?

– Ну как – не был! Я был, но... ну, то есть как – был? Плавал на прогулочном корабле...

– И ещё я вижу: вы в жизни никогда не занимались физическим трудом.

– Почему же, постоянно занимался! – возмущённо говорю я, вспоминая школьно-колхозные прополки и ремонты квартир.

– Покажите мне ваши руки, – внезапно говорит Ким. Он – бывший капитан, а ныне хозяин этой рыболовецкой фирмы.

Я с готовностью вытягиваю вперёд запястья, хотя лучше было бы спрятать подальше в карманы эти холёные розовые ладошки с идеально подстриженными ногтями. Больше напоминают руки хирурга. В детстве за их бесконечное мытьё родители так и прозвали меня – «хирург»...

Он качает головой, внимательно глядя в мои глаза: – Можете объяснить мне, почему вы считаете, будто справитесь? Вы же очень неглупый человек, и прекрасно понимаете, что не умеете делать ничего, из того что нужно там, в море. А это серьёзное море, Берингово. Каждый год зимой там гибнет 40-50 человек, опытных моряков...

Может сказать ему всё начистоту? Я откашливаюсь.

– Знаете, у меня за плечами две пустыни и русский батальон ОСНАЗ. Тогда мне было 20, и я выжил. Сейчас мне почти 40, на плечах 300 тысяч долгов – и надо выжить снова. Иначе, грош – мне цена. Не вышло заработать головой – придётся зарабатывать горбом.

Ким с сожалением смотрит на меня: – 300 тысяч долларов за один сезон вам не заработать. Столько даже при невероятном везении не зарабатывают и капитаны краболовов. А уж простые матросы...

– А я не собираюсь долго оставаться простым матросом, – наконец нахожу я возможность для дискуссии. – Как вы сами заметили, человек я неглупый, учусь быстро. Через несколько рейсов смогу получить профессиональную лицензию. Да и к тому же, – исподволь выкладываю я наконец свой главный козырь, – Кто ещё из вашей команды сможет общаться с русскими пограничниками и Рыбводом?

– Да вы хотя бы знаете, есть ли у вас морская болезнь? – жалобно вздыхает он, хотя уже видно, что сдался.

– У русских морской болезни не бывает, – убеждённо заявляю я, ставя в дебатах окончательную точку.

Уже на следующее утро я, не веря собственным ощущениям, будто заправский мореход участвую в погрузке корабля, хотя временами мне кажется, что надо мной, как над салагой просто решили нещадно поиздеваться грубые американские морячки. Работа на самом деле прямо-таки жестокая, но все, посмеиваясь, утверждают, будто это отдых. «Вот поработаешь на перегрузе во время болтанки в море...»

Наш небольшой кораблик должен доставить снабжение русским морякам в район промысла в Беринговом море. Им там уже почти нечего есть и нужны запчасти для ремонта, поэтому мы очень торопимся. К тому же, у них мы заберём наловленного краба, а это не один миллион долларов, и поэтому хозяева торопятся ещё больше.

Управление корабельным краном меня по-мальчишески захватывает. Загрузка снабжения в трюм напоминает компьютерную игру в трёх измерениях. Отличие в том, что если ты опрокидываешь реальную паллету с мукой, все останавливаются и с ехидными комментариями наблюдают, как ты собственноручно и совсем не виртуально затаскиваешь мешки обратно на поддон. Морской закон для салаг: свои ошибки исправляй сам. А потом ходи весь в муке, словно готовый к погружению в кипяток пельмень...

Добавляя сюрреализма в нелепую и без того ситуацию, на погрузочный пирс, брезгливо объезжая мазутные пятна, вползает длиннющий чёрный лимузин. Оттуда в чёрном кожаном плаще величественно выходит Ваня Александров. Он крепко стискивает меня, не обращая внимания ни на то, что я весь в грязи, муке и масле, ни на то, что погрузочные работы при этом замирают.

– Братиша! Неужели ты пойдёшь в море на этой скорлупе? – с лицемерным ужасом вопрошает он.

Кораблик и на самом деле невелик, всего метров тридцать в длину, но я уже успел почувствовать за него матросскую гордость.

Я отстраняюсь от кожаных объятий Вани и ору застывшему крановщику, который судя по всему, никогда не видел лимузина так близко: – Down, down! What’s up, you, fucking Down?⁵⁷

– Братиша, ты-ж не забудь – русские моряки перед смертью всегда надевают свежее белое бельё, – напоминает мне в спину Ваня. – Ты взял с собой белое бельё?

Я не оборачиваюсь, хотя белое бельё я взял. Но откуда, блядь, ему стало известно, что я иду в море?!

Накануне нам показывали жёсткое кино о технике безопасности в северных морях. Кино впечатлило, особенно его маленький документальный фрагмент о столкновении двух пароходов в туманной бухте Датч-Харбора.⁵⁸ Один из них пропарывает носом борт другого и тут же со скрежетом выскальзывает назад из сделанной пробоины, потому что капитан в безуспешной попытке затормозить уже включил задний ход.

Раненый корабль исчезает в ледяной воде со скоростью утюга – хронометраж показывает 23 секунды с момента удара. В живых остаются лишь те, кто находился на палубе и не успел броситься внутрь за спасательными жилетами. Смытых за борт удаётся выловить среди плавающих льдин с огромным трудом: в воде Берингова моря с температурой ниже нуля человек способен жить считанные минуты – холодовой шок высасывает всё тепло одним большим глотком.

Поэтому главное правило техники безопасности – оставаться на борту и бороться за выживаемость корабля до последнего. Однако, судя по фильму, это удаётся не всегда.

Вывод, который я извлекаю для себя: в северном море в любую секунду может случиться что угодно, и на помощь рассчитывать не стоит. С этой мыслью надо просто смириться и жить следующие несколько месяцев.

---

⁵⁷ Майна, майна! Что ты засох, придурок? (но на английском это проще и выразительней)

⁵⁸ Датч-Харбор – рыболовецкий порт на одном из Алеутских островов. Был основан русскими исследователями Аляски.

Капитан нашего «Фирс Пакера» лохматый Кевин – взрывоопасная помесь норвежца и индейца (или, скорее, индианки). Он очень неучтив: при знакомстве даже не пожал мою протянутую руку.

– Ты ещё не заслужил моего рукопожатия, – бросает он мне, пренебрежительно отворачиваясь. Мне остаётся лишь в очередной раз стиснуть зубы. Своё право быть равным здесь необходимо доказать. К тому же, мне ещё предстоит выяснить, есть ли у меня морская болезнь.

Капитан вкалывает наравне со всеми – он тоже торопится поскорее выйти в море, где ему начнут капать его морские суточные. Полагаю, раз в пять больше моих обещанных 250 баксов в день.

В день отплытия на пирс приезжает Ким. Он явно недоволен тем, как неумело я отвязываю швартовочный конец от кнехта. – И это всё, чему ты научился? – недовольно бурчит он, похоже, жалея о своём решении взять меня в команду, однако уже поздно. Мне стыдно, но я-то знаю, что кое-чему я уже выучился. И выучусь ещё больше.

Весь долгий день кораблик скользит по длинному проливу Хуан де Фука, вдоль обалденно красивых островов, и мне всё это ужасно нравится. Мы продолжаем не спеша крепить цепями заставивший все палубы и трюмы груз, однако после работы на пирсе это кажется лёгкой разминкой. Напоминает ненавязчивый морской круиз, и что самое главное – никакой морской болезни у меня нет и в помине!

Открытия начинаются на следующий день, причём как-то сразу и изобильно.

Мы наконец выходим из добродушного пролива в открытый океан и тут же попадаем в какую-то преисподнюю. Гигантские волны вздымают наш кораблик аж до лохматых туч, а потом он падает вниз, проваливаясь между валами едва ли не на самое дно, и кажется, будто оттуда ему уже не выбраться. Мускулистые пьедесталы волн покрыты мерзкими пенными извилинами, напоминающими мясные жилы.

Мне в панике хочется заорать: – Стоп! Куда мы?! Ведь это – невозможно!... Надо немедленно назад...

Я с трудом сдерживаю крик и беспомощно оглядываюсь вокруг. Почему все так спокойны? Они что – опять издеваются надо мной?! А сами разве не понимают, что идти туда – гибель?!

Жуткий вой ветра у подножий волн сменяется адским визгом, когда кораблик выносит на самые гребни, но все остальные невозмутимы, будто ничего особенного не происходит. Постепенно успокаиваюсь и я – видимо, значит так и должно быть.

– Эль-Ниньо,⁵⁹ – ворчит стармех с меховой бородой. – Этой зимой штормов здесь будет как никогда.

---

⁵⁹ Эль-Ниньо – аномальное климатическое явление, выражающееся в колебаниях температур поверхностного слоя воды в экваториальной части Тихого океана, что вызывает порой глобальные природные катаклизмы. Фазы Эль-Ниньо в 1997-1988 гг.

– А бывают намного сильнее шторма? – как можно безопаснее интересуюсь я. Мне кажется, что словом «намного» я надёжно маскирую свой ужас, но стармех лишь со снисходительной улыбкой взглядывает на меня. Ответ понятен, хотя всё ещё не верится, что намного сильнее и вправду могут быть.

– Тут важно идти строго на волну, – поясняет хмурый капитан, стоящий за штурвалом. – Или от неё. Борт подставлять нельзя – перевернёт или разобьёт на два счёта.

Столько слов подряд я от него ещё не слышал, поэтому тороплюсь воспользоваться такой разговорчивостью. – А там что? Вообще кошмар? – указываю я в самый центр безумных завихрений на вылезшей из факса распечатке карты погоды.

– Там – тишь и благодать, – мечтательно улыбаясь, говорит Кевин. – Светит солнышко и ни ветерка.

Я с недоверием смотрю на него, но он серьёзен.

– Это называется «глаз шторма», – поясняет он. – Там хорошо, вот только удержаться сложно. К тому же не знаешь, с какой стороны тебя потом волна шарахнет. Опасно.

Хорошо хоть, что сообщил. А то мне уже стало казаться, будто этого слова в морском лексиконе не предусмотрено.

– Стихает, – цедит капитан, хотя лично я никаких признаков затишья не замечаю. – Майкл, собирай команду и на палубу – груз крепить до темноты. И не забудьте привязаться, чтобы не смыло.

Команда – это ещё три человека, которые сейчас болтаются где-то внизу. Двое из них безудержно блют, что наполняет мою душу гордостью и даже ощущением какого-никакого превосходства. Самое важное открытие сегодняшнего дня: морской болезни у меня всё-таки нет!

Спать в шторм оказывается неудобным. Узкая шконка вертится под тобой, словно шлюха (сравнение не моё, а стармеха. Его же совет – пристёгиваться к кровати, но и это тоже неудобно). Я придумал пришить края спального мешка к встроенному в раму матрасу – поначалу насмеявшись надо мной, все вскоре делают то же самое.

Зато неожиданно удобными оказываются некоторые другие вещи. Например – готовить. Высокая кастрюля, с гениальной простотой закреплённая на плите четырьмя стальными стержнями, раскачивается так, что нет никакой необходимости что-либо помешивать. Главное – не наполнять её больше чем на треть.

Ещё удобнее – какать. Тут важно лишь покрепче держаться обеими руками, а всё лишнее содержимое полностью вытряхивается из тебя за несколько секунд. Гедонистская привычка посидеть на унитазе с газеткой уносится в несбыточное прошлое в первый же день.

были настолько мощными, что это привлекло внимание мировой общественности и прессы.

Приобретаются многие полезные навыки. Например, солидно ходить по-морскому. Бегать по кораблю, когда палуба исчезает под ногами – непростительное легкомыслие. Об этой ошибке надёжно напоминают несколько крупных шишек и иссиня-чёрный локоть (попытка пробежаться по трапу – ещё большая глупость). Обе ноги нужно надёжно фиксировать при каждом шаге, а центр тяжести – смещать как можно ниже. Я наконец-то с завистью оценил преимущество большого живота – при его наличии шарахнуть головой о стальную переборку шансов куда меньше.

Однако его отращивание здесь мне не грозит. Работы больше, чем я мог себе представить – она не прекращается. Мы то заняты затягиванием цепей и канатов, то помогаем стармеху в машинном отделении, то боцману с какой-то сваркой. Слегка настораживают при этом слова Кевина: «вот когда начнётся работа»...

Удручает строгая экономия воды. Я опять попал в пустыню что ли? Вокруг – бескрайний океан, а душ разрешён раз в три дня. Обронённое на пол мыло превращается в неуловимую скачущую лягушку.

Одежду стираем в периоды затишья в одной гигантской машине. Всё вместе: и подштанники, и покрытые разнообразными пятнами комбинезоны. Моё белоснежное бельё, открасившись от чьей-то красной робы, приобретает игривый розовый цвет.

– Oh-oh, pinky underwear...⁶⁰ – мечтательно поигрывая бровями, комментирует боцман моё переодевание. Я нервно тороплюсь поскорее натянуть сверху ватные шаровары. От греха подальше надо бы теперь переодеваться укромно. Мозг печалит неприятная мысль: а если на дно морское идти – что же, я так и помру, похожим на пидораса?

Заодно рождаются ещё какие-то нелепые стихи, в них такие строки:

*... И неужели даже для могилы
Мне не осталось места на земле?*

Я не записываю, ибо кто их прочтёт, если они окажутся правдой? А если неправдой, тогда на кой они вообще?

Через несколько дней всё незаметно становится рутинным и обыденным, даже постоянное ощущение опасности. Правда о том, что она актуальна, то и дело напоминают маленькие происшествия.

Я обожаю сидеть ночью в рубке, наблюдая как наш кораблик проламывается сквозь бесконечные фаланги волн. В рубке уютный полумрак, за окнами на все лады завывает ветер, с барабанным стуком швыряя в стёкла ледяную крошку. Но в прямом луче прожектора впереди корабля спокойно и горделиво летит строй чаек. Они летят легко и уверенно, изредка меняясь местами, будто точно знают, что конец пути

---

⁶⁰ О-о, розовенькое бельишко! (англ.)

близок. Однако ни на карте, ни на светящемся экране радара этого конца нет и в помине.

Зачем это им надо? Куда они так упорно летят с нами ночи напролёт за сотни километров от берега сквозь колючий ледяной ветер? Кевин объясняет, что это – души погибших моряков, которые оберегают нас. Становится понятнее и спокойнее.

– Сходи проверь машинное отделение, – коротко приказывает он мне.

– Я же был там полчаса назад! – ворчу я. Мне неохота вылезать из удобного высокого кресла, бросая чтение учебника навигации. Я ведь всерьёз решил стать настоящим моряком.

Кевин молчит. Он умеет молчать так, будто всё уже сказано. Вообще-то, мои отношения с ним сильно улучшились. Он зауважал меня за то, что я в один день научился вязать почти все основные узлы. А также за то, что прослыл лучшим крановщиком (не считая его самого). Быть крановщиком мне очень нравится – не дождусь, когда снова можно будет усесться за рычаги.

Я слезаю с кресла и недовольно плетусь на очередной обход корабля. Ну что тут могло измениться за полчаса?

С усилием отворив тяжёлую дверь в машинное отделение, я остолбеневаю: там изменилось очень многое! Весь пол по щиколотку залит густым машинным маслом, которое булькает и плещется как суп в кастрюльке.

Меня прошибает холодный пот: ведь довольно маленькой искорки – и... И даже если просто заклинит дизель – мы окажемся совершенно беспомощны посреди штормового моря. Кораблик уже так далеко от берега, что даже вертолёты не успеют, не говоря уж о судах береговой охраны.

Я изо всех сил молочу кулаком по большой красной кнопке на стене. Корабль наполняется пронзительным рёвом: аврал!

Ночь пролетает быстро, но весело. Мы дружно ликвидируем последствия разлива, машинное отделение сияет чистотой и по-домашнему пахнет лимоном. Спасибо таким классным моющим средствам! К счастью, серьёзной поломки не случилось: от качки перетёрся лишь тонкий шланг масляного насоса, но в море не бывает мелочей.

Все по-очереди благодарно хлопают меня по плечам, даже Кевин, хотя я чувствую себя виноватым перед ним. Если б не он, я не обнаружил бы аварии ещё по меньшей мере полчаса...

Мы идём уже неделю, но шторм не прекращается. Иногда он немного утихает, и тогда мы все на палубе – заново крепим сползающие с места грузы. Центровка корабля – залог его устойчивости, а значит – и наших жизней.

Поскольку идти надо строго против волны, мы движемся галсами, и поэтому наш промежуточный пункт – порт Датч-Харбор – всё ещё далёк.

Там мы должны заправиться и догрузить свежие продукты, прежде чем уйти через пролив в Берингово море, где нас так ждут русские рыбаки.

В одну из ночей Кевин бесцеремонно поднимает всех. – Готовьтесь к развороту! – коротко бросает он, и все делают очень серьёзные, молча натягивая спасательные жилеты. Я пока не знаю зачем, но догадываюсь, что предстоит нечто неординарное.

– По курсу штормит, – озабоченно поясняет стармех, будто нигде больше не штормит вообще. – Надо разворачиваться.

Кевин у штурвала долго выжидает подходящий момент. Волны и впрямь становятся какими-то адскими.

Наконец, он решает, что пора. – Пора! – говорит он и резко поворачивает штурвал. Кораблик, весь дрожа, боком сползает с гребня в водяную пропасть и тут следующий вал с чудовищной мощью бьёт нас в борт. Всё трещит, трясётся и падает. Судёнышко накрывается так жутко, что, вцепившись руками в поручни, я замечаю мелькнувшее в иллюминаторе наше обросшее ракушками днище.

Кораблю ещё не удаётся выпрямиться, а сверху уже накатывает чёрная водяная гора. «Ну вот и пиздец!!!» – вспыхивает восторженная мысль, но Кевин всё же успевает доработать рулём. Удар приходится почти строго в корму и оттого кажется лишь шутливым шлёпаньем по попке. Судно весело взлетает обратно к лохматым тучам.

Все оживляются, слышен нервный смех, хлопки хай-файвов.⁶¹

– На полторы волны развернулись, – как прежде невозмутимо констатирует Кевин. – Что стоите?! – вдруг рявкает он, спохватываясь. – Живо в трюм – крепление проверять! На палубу завтра с рассветом пойдём – там наверняка многое побилло.

До рассвета мы перемещаем и перекрепляем в трюмах съехавший и оторвавшийся груз. На палубе бардака ещё больше – там кое-что даже смыло в разъярённое море. Но больше всего огорчает то, что мы опять удаляемся от заветного Датч-Харбора. Мне уже до слёз не хватает ощущения твёрдой земли под ногами.

Алеутские острова возникают на горизонте ночью. В темноте они кажутся гигантскими белыми птицами, уснувшими на чёрной воде, и это выглядит восхитительно. С рассветом вокруг становится ещё чудеснее, но я не могу объяснить, в чём волшебство этой суровой красоты.

В этом мире присутствует лишь три цвета: синий, белый и чёрный, однако их небывалые оттенки, тронутые скромным северным солнцем, создают завораживающе неземную палитру. Все линии просты и до совершенства гармоничны.

---

⁶¹ Хай-файв – символический жест радости, одобрения, выполняемый двумя людьми: хлопок открытыми ладонями, поднятыми над головами.

Мы входим в бухту Датч-Харбора, и у меня как бешеное колотится сердце. Вот она – земля! Вот и домики – там живут люди, люди!

На самом берегу замечаю луковки православной церкви, которая словно дополняет сказочный пейзаж. Да, ведь эти земли когда-то осваивали русские путешественники! Наверняка здесь остались их потомки. Надо при первой же возможности заглянуть в эту церквушку. Сердце начинает стучать ещё сильнее.

На берег я схожу уверенным шагом опытного морского волка. Поначалу кажется, что земля под ногами продолжает зыбко раскачиваться. По привычке передвигаюсь, слегка подседая.

За три дня приводим наш кораблик в порядок – потрепало его основательно. От двух штормовых разворотов в правом борту длинные, бугристые вмятины. Ну ни фига себе мощь у океанской водицы!

Наконец-то добираюсь до своего любимого подъёмного крана – многое приходится выгружать и переупаковывать заново, а то и выкидывать. Докладываем в офис о потерях – нас благодарят за то, что сами целы. Прикольнo.

Мы готовы к отплытию, но до сих пор нет разрешения на вход в Российскую экономическую зону, поэтому настаёт время вынужденного отдыха. Слоняемся по крошечному Датч-Харбору, а я наконец готов для посещения церкви.

С замирающей душой приближаюсь к аккуратной ограде. За ней – небольшое, любовно ухоженное старенькое кладбище. Побродил меж крестов с русскими фамилиями. Своей не нашёл.

В церкви идёт служба, и я потихоньку вхожу в старинный створ тёмных дверей, пытаюсь остаться незамеченным. Так не получается – десятки поющих людей изумлённо поворачиваются ко мне. Все они – с алеутскими лицами, даже батюшка в расшитой рясе.

Я беру свечку и скромно встаю в уголке, но чувствую, как на меня продолжают внимательно коситься. Эх, неужто даже тут я придусь не ко двору, как в негритянском баре?

Служба идёт на непонятном языке, хотя время от времени будто бы мелькает нечто очень родное. Большинство прихожан держат в руках листочки с какими-то текстами, заметно что они и сами не разумеют, чего поют.

Скашиваю глаза на шпаргалку соседа и офигеваю! Латинскими буквами в ней старательно воспроизведены славянские древне-церковные строфы. Вот это круто – настоящие хранители православных ортодоксальных традиций!

Служба заканчивается, и тут меня обступают толпы людей. Они улыбаются, кланяются, робко трогают за одежду. Я чувствую себя каким-то новоявленным мессией.

– Спасибо вам за то, что к нам приехали! – низко кланяясь, благодарит священник. – Нас очень мало осталось здесь – исповедателей истинной веры.

Меня почтительно ведут по церкви, показывая иконы, дивные реликвии, старинные метрические книги в окладах. Мелькает неуместная мысль, что грабители святых мест озолотились бы, доберись они сюда – такой подлинной древности я не встречал ни в одном храме, не считая иерусалимских. Но сюда добраться сложно.

Моим главным гидом выступает Ефросинья – бойкая молоденькая дочь церковного старосты. Я всё внимательнее поглядываю на неё, и с каждым взглядом юная алеуточка нравится мне больше и больше. Интересно, а как их модификация вероучения относится к внебрачным контактам с чужеземцами, особенно с мессиями?

Я украдкой прикасаюсь к её руке. Она отдёргивает лёгкую ладонь и с виноватой укоризной смотрит на меня. Всё ясно, нравы сугубо пуританские. Покаянно потупившись, я скорбно вздыхаю.

Через неделю отдых превращается в пытку. Разрешения всё нет – российские власти как всегда отчего-то морозятся. А нам, морякам, надо в море. Весь махонький Датч-Харбор исследован до последней кочки и неотвратно подкрадывается главный демон моряков – пьянство.

Вчера мы пили в береговой таверне. Сегодня – на корабле. Пить скучно, ибо дальше-то что? Никогда раньше не думал, что пью только для того, чтобы отыскать себе на задницу приключений. Можно подумать, я не могу найти их без пьянки.

Кевин покидает нас. Он не оставил надежды обнаружить среди населения Датч-Харбора хоть одну симпатичную женщину. Мы усмехаемся ему вслед – таких здесь нет, мы всё проверили. А алеутки не дают – они боятся строгого Русского Бога.

Сидим, лениво пьём, смотрим старые видики. Американцы в который раз дружно потешаются над «Тупым и ещё тупее». Мне скучно.

Гремя по трапу башмаками, в кают-компанию врывается Кевин, похожий на Петра I безумно сверкающими глазами: – Ребята! По Датч-Харбору... гуляют... толпы красивых русских девушек!

Мы понимающе переглядываемся: капитан допился. Надо укладывать.

Кевин яростно вырывается из наших понимающих рук. – Идиоты! Какого хрена вы здесь сидите?! Там – красивые женщины! За мной! Майкл, вперёд, за мной – мне нужен переводчик!

Позёвывая, выхожу за ним на мороз и застываю. Но не от мороза. Прямо вдоль причала, весело хохоча по-русски, стайками пробегают молоденькие девчонки в платочках.

Я протираю глаза. Невдалеке темнеет огромная туша пришвартованной плавбазы, порт приписки – Vladivostok...

– Стойте! – не веря такому счастью, кричу я. – Девочки, постойте!

Нас с Кевином мгновенно окружает гурьба жизнерадостных русалок.
– Ух ты! – визжит кто-то. – Они здесь по-русски разговаривают!

– Девочки, – растроганно молвлю я. – Как нам вас не хватало...

Вокруг хохот, меня тянут за руки в разные стороны. – А нам-то вас как не хватало! – задорно вопит кто-то. – Три месяца в море болтались...

Я растерянно озираюсь. Пожалуй, столько наяд сразу – это перебор. Кевин тоже делается серьёзен. – Майк, бери шесть человек самых красивых и на корабль! – тихо распоряжается он.

Хорош гусь! Как я в темноте самых красивых отберу? А главное – куда остальных девать? У меня рукава уже почти оторвали...

– Тихо, девчонки! – кричу я, пытаюсь навести порядок в неуправляемом бабьем царстве.

Как ни странно, они все дисциплинированно стихают. – Как тебя зовут? – спрашиваю я у самой глазастой, похожей на зайца из «Ну погоди».

– Таня, – отвечает она и берёт меня за руку.

– Таня, – повторяю я, и чувствую, как мои глаза тоже по-заячьи разъезжаются до ушей. – Таня, а вы позволите пригласить вас в рамках визита дружбы посетить нашу романтическую бригантину? У вас есть подружки?

– Сколько подруг надо? – по-деловому осведомляется она. Остальные тётки, незлобиво посмеиваясь, понемногу начинают расходиться. Какой понятливый народ!

Через десять минут я стою перед длинным трапом плавбазы. Надо отпросить Таню с пятью подружками у вахтенного.

– Сегодня сволочь дежурит, – шепчет мне она, волнительно прижимаясь то одним, то другим плечом. – На ночь не отпустит. А завтра – хороший мужик заступает, можно будет на сутки увольнительные взять.

– А вы надолго сюда? – спрашиваю я.

– Не знаю. Что-то сломалось на разделочной линии, должны самолётом привезти и поставить. Дня три-четыре, думаю, не больше – промысловое время дорогое. Зато нам как повезло!

По интонациям я чувствую, что девчонка совсем не дура. – Скажи, – интересуюсь я, – А что тебя в плаванье потянуло? Это-ж тяжело – по несколько месяцев в море, даже для мужиков...

Она грустно улыбается: – Конечно нелегко! Ну а как молодой девчонке во Владике денег заработать? Либо проституткой иди, либо вот в море... Я академ в университете взяла на год – вернусь, хоть за учёбу будет чем заплатить. Ну и на тряпки там, на косметику...

Появляется вахтенный с журналом в руках в сопровождении пяти весело щебечущих пичужек. Мне отчего-то жалко вести их к озверевшим американцам, но они настроены по-фронтальному.

– Увольнительная на три часа! – покусывая противный ус, объявляет офицер. – На какое судно забираете девушек?

– Ну Виталий Семёнович! – наперебой причитают девчушки. – Почему только на три? Мы ж даже познакомиться с людьми толком не успеем...

– Я сказал: на три часа! – злорадно возвышает голос вахтенный. – Местность незнакомая, коренное население не изучено, приказано всем ночевать на судне!

С таким уставным козлом спорить явно бесполезно.

– Тогда сегодня только знакомиться, – шепчет мне Таня, подходя к нашей бригантине. – А завтра может и на целые сутки отпросимся. – А где Машка? – спрашивает вдруг она, оглядываясь.

– Ты что, забыла? – смеётся кто-то. – Она же теперь у нас жена – с Юрой, вторым штурманом, уже неделю!

– То есть как это? – наивно недоумеваю я. – Прямо на корабле свадьбу сыграли?

Теперь дружно смеются все. – Да нет, она – судовая жена. У Юры на суше одна жена уже есть. А Маша только на этот рейс.

– А если реальная жена узнает? – ещё больше удивляюсь я.

– Так она даже рада будет! Без женщины всё равно нельзя, так пусть лучше с одной, чем со всеми подряд. Да и Машке классно – теперь никто из других мужиков приставать не будет. Морской закон!

Я качаю головой – чего только не узнаешь в этом море...

Визит русско-американской дружбы удался! Девки оказались супер-заводными – теперь все мои американцы как один ходят на Петров с котовски горящими глазами. Жаль, что дамам пришлось так быстро откланяться, но обещанное завтра....!!!

По всей кают-кампании разбросаны остатки экспресс-кутежа: бутылки, бумажные стаканчики, покрасневшие от вина и помады, даже чей-то то ли случайно, то ли на память оставленный лифчик.

Завтра!!!... Американцы азартно обсуждают, кто кому больше понравился, коверкая русские имена. На некоторых щеках алеют следы внезапно вспыхнувшей русско-американской любви. Я горд так, будто заход плавбазы в Датч-Харбор организован мною лично.

«Таня» – в полусне шепчу я, вспоминая светящиеся заячьи глаза. Почему-то в море половая тяга обостряется до безумия. Может быть, это протест подавляемого инстинкта самосохранения? Успеть преумножить себя? «О, Таня... завтра...»

Просыпаюсь на заре от несусветной ругани Кевина. Он с хриплой бранью носится по кораблю, взлохмаченный, ужасный и ещё больше похожий на Петра I.

Я не хочу верить в то, что слышат мои уши: разрешение получено и нам приказано срочно выходить в море. А Таня?!!!

Все оглошены этим известием, однако механически торопливо готовят корабль к отходу. Я всё ещё не верю, что это реальность. Может быть что-нибудь отломать?! Например, винт?

Наша романтическая бригантина в рассветном тумане проплывает вдоль гигантского сонного тела плавбазы. Сквозь морозные слёзы мне кажется, что из иллюминаторов нам вслед машут белые девичьи платочки...

Берингово море штормит меньше, но появляются льды, которых становится всё больше. Цвет моря теперь скорее белый, нежели чёрный.

Всю ночь льдины настойчиво стучат в борта, мешая спать. Я знаю, что наше судно ледового класса, но всё равно как-то неуютно. Некстати вспоминается «Титаник».

Льдины похожи на блюдца с загнутыми краями. Такой сюрреалистический вид оттого, что при волнении плещущаяся вода намерзает на их кромках.

Корабль обледеневаает тоже, и теперь наше основное занятие – околачивать лёд кувалдами со всех поверхностей. Нельзя трогать лишь аварийное оборудование. Если сработает космическая сигнализация, к нам по тревоге вылетят вертолёты береговой охраны. За такое дядюшке Киму придётся сильно раскошелиться.

Мы приближаемся к району промысла. С нами уже на связи несколько мелких краболовов. Они возбуждённо кричат, что кроме опостылевшего краба им совсем нечего жрать и торопятся забить очередь, но Кевин говорит, что сначала мы передадим груз гигантским траулерам. Их снабжением заставлена вся наша палуба и половина трюмов, поэтому до маленьких краболовов дело дойдёт ещё не скоро.

С первым БМРТ⁶² мы швартуемся ночью. Чтобы меньше качало, их капитан предлагает зайти подальше во льды. Я горд тем, что с первого раза поймал скользкий швартовный трос и выверенными восьмёрками закрепил его на своём кнехте. Теперь мне не будет стыдно перед Кимом!

С их высокого борта к нам на палубу сразу спрыгивают несколько крепких русских морячков. – Ребята, доски у вас есть? – кричит один.

– Да вроде есть, а зачем они вам? – удивляюсь я.

– На гробы, – кратко поясняет другой, и поначалу я думаю, что это такая морская шутка.

Выясняется, что всё на полном серьёзе – два человека из их команды погибло, и трупы лежат в холодильнике, завернутые в целлофан, рядышком с судовым провиантом.

---

⁶² Большой морозильный рыболовный траулер

Теперь им хотя бы сделают гробы, но лежать там они будут до конца рейса – о гибели членов экипажа Земле доложат только на обратном пути. Иначе судно заставят вернуться раньше, и оставшиеся в живых потеряют ценное промысловое время. Морские законы жестоки.

Я орудую на своём любимом кране, извлекая из трюма паллеты с продовольствием. Качка лишь добавляет четвёртое измерение к этой увлекательной компьютерной игре: поддон надо умудриться выхватить из проёма именно в тот момент, когда крен кораблика переключается с одного борта на другой. Чуть раньше или позже – паллета цепляется за край люка и всё с треском рушится на орущих внизу парней (к счастью, это сделал не я).

Кевин лишь одобрительно кивает мне головой, но я знаю, что выше похвалы от него не дожждаться.

Перегрузка проходит очень оперативно и толково – эй, кто там пугал меня ужасной работой в море? Мы расходимся, довольные друг другом. На прощанье русские моряки швыряют нам через борт двухметрового палтуса, который смачно плюхается на палубу словно материализовавшийся чёрный призрак. Надеюсь, он рядом с мертвецами не лежал.

подавайте следующего, заявляю рано расхрабившийся я! Следующий – один из «голубых» монстров, траулер «Капитан Демиденко». Этот левиафан заглатывает 500 тонн рыбы за сутки. Он больше нашего кораблика раз в тридцать. Неудивительно, что добрая половина груза у нас на борту – для него.

Незадачи начинаются со швартовки. Нам трудно синхронизировать с ним своё положение. Этого исполинского кабана лишь слегка покачивает на волнах, ну а нас швыряет во всех направлениях.

Пойманный с пятой попытки трос удаётся наконец затянуть как положено, но внезапно он лопаётся со звуком басовой гитарной струны. Кевин потом говорит, что видел однажды, как человека рассекло пополам такой стрункой, но к счастью в тот момент я даже не знаю, что так бывает.

Наш нос сначала отшвыривает прочь от траулерного корпуса, а потом, поскольку корма уже закреплена, стремительно несёт обратно. Все резво бросаются прочь, к противоположному борту, а я по-пионерски бегу навстречу тупо надвигающейся стене – мне отчего-то кажется, будто её можно остановить...

Брамс!!! Гудит корабль и всё у меня внутри. Обнаруживаю себя лежащим у звёздного⁶³ фальшборта. Блин, вот это нокдаун! Хорошо хоть не выбросило за борт. Я трясую головой и с трудом поднимаюсь на ноги. Все остальные уже лихорадочно крепят нос и заводят шпринги.⁶⁴

---

⁶³ По-английски борта корабля именуются не прозаичными «левый» и «правый», а «портовый» и «звёздный». Левым или «портовым» судно обычно швартуют к причалу, ну а правый – мечтательно смотрит на звёзды.

⁶⁴ Дополнительные швартовы: один подаётся с носа и закладывается в районе кормы,

Кевин свирепо взглядывает на меня и взрывается краткой речью, воспроизвести которую нет никакой возможности. Смысл сводится к тому, что я очень не прав. Я это чувствую и сам своим всё ещё гудящим телом.

Корабль закреплён, пробоины нет, начинается перегруз. Он продолжается час, другой, третий, а снабжения на палубе будто вовсе не убавляется. В шкиперской рубке только стармех – капитан впахивает вместе с нами.

Часов через шесть я обнаруживаю, что очень устал и проголодался, но никакого перерыва не предугадывается. Кевин изредка исчезает внутри корабля, чтобы вынести нам на мороз дымящиеся сосиски в надрезанных булках и кофе, но об обеде речи никто даже не заводит. Молчу и я – промысловое время дорого, это понятно, а мы со своим перегрузом отрываем траулер от работы.

Поднимается пронизывающий холодный ветер. Корабли раскачивает всё сильнее, пальцы непослушны то ли от холода, то ли от усталости, лицо я вообще давно уже перестал ощущать.

Незаметно снова наступает ночь, зажигаются мощные прожектора. Сколько мы уже работаем без перерыва? Сколько-сколько? Голова плохо соображает, и я машу на неё плохо слушающейся рукой. Хочется просто рухнуть на месте и умереть, но Кевин орёт как сбесившийся, и это взбадривает. Откуда у него столько сил так орать?

Начинает светать, тупо отмечаю где-то вне себя. Мысли давно уже существуют отдельно от тела, которое словно механизм продолжает размеренные движения.

Иногда мне становится истерически смешно: Господи! Да вы что тут все, охренели?! Сколько же способен человек проработать в таком темпе без отдыха, на морозном ветре?! Оказывается, мне до сих пор были неведомы возможности человеческого организма, включая свой собственный.

Перегрузка внезапно заканчивается, но работа – ещё нет. Мы отшвартовываемся, и принимаемся переставлять и крепить оставшийся груз. Центровка судна – залог безопасности.

– Всё, – строго говорит наконец Кевин, снимая рукавицы. – Всем спать. Шесть часов отдыхаем до следующего перегруза.

«Да! Спать!» – кричат мысли, но тело, словно заведённое, продолжает заниматься какой-то лишённой смысла деятельностью: мы бездумно собираем обрывки картона, протираем палубу...

– Я сказал: спать! – орёт Кевин, и мы, очнувшись, торопливо бредём к своим шконкам. Мне кажется, раздеться не смог из нас никто.

а второй наоборот (т.е. крест-накрест), что позволяет удерживать корабль в неподвижном положении.

Просыпаюсь от резкой боли в груди. Ещё раз. И ещё! При каждом вдохе между рёбер будто вонзается узкий нож. Паническая мысль о сердечном приступе уходит – ведь боль с правой стороны. Но что это такое?

Кое-как сползаю со шконки. Правая рука почти не работает – не могу даже поднять её выше уровня груди. Похоже, что-то во мне сломалось.

Раннее утро. Корабль качается в дрейфе, загнанный капитаном в спокойные льды. В рубке, нахохлившись в высоком шкиперском кресле, чёрным орлом дремлет Кевин. Я, морщась от боли, тихо сажусь на пол – будить его не хочется, он спал ещё меньше, чем мы.

Но Кевин сам открывает красные глаза. – Что? – хрипло интересуется он как всегда лаконично.

– По-моему сломал ребро, – невесело сообщаю я. – Руку не могу поднять.

– О, чёрт! – вскидывается он. – Этого ещё не хватало! Работа только началась! Как это произошло?

– Даже не знаю, – безуспешно пытаюсь пожать плечами я. – Наверное, где-то поддоном придавило.

– Чёрт! – опять ругается Кевин и встаёт. – Это больно, я знаю, ломал. – Он открывает капитанскую аптечку.

– Прими «Тайленол №1», и придёт тебе пару дней отдохнуть. Будешь пока делать лёгкую работу – мы с этими перегрузами снова льдом обросли. Бери кувалду и потихонечку начинай с носа. Обмотай грудь полотенцем и старайся руки высоко не поднимать.

Я глотаю «Тайленол» и, поскрипывая зубами, иду за кувалдой делать лёгкую работу.

...Вот и последний краболов из нашего длинного списка. Даже грустно – я, можно сказать, только вошёл во вкус. Рабочие навыки отработаны до мастерского автоматизма и надёжно закреплены рефлексамии. В море ошибки учат быстро.

Ребро, судя по всему, приросло обратно на своё законное место, и напоминает о себе лишь редким покалыванием, благо сейчас даже напрягаться приходится редко – всё делается в профессионально расслабленной манере. Сотворить из него Еву, к сожалению, не получилось.

Необычайно осветляет душу новое, какое-то особенное ощущение – довести людям то, о чём они грезят уже много дней. Когда русские морячки, рыча, раздирают на паллетах руками плотную плёнку и прямо сквозь упаковку впиваются зубами в промёрзшую колбасу или хлеб, чувствуешь себя немного причастным к прорыву какой-то блокады, а то и к членству в пантеоне чудотворцев.

В благодарность ребята заваливают нас мешками и с морожеными, и с ещё живыми крабами, которых они пренебрежительно именуют «раками». Мне как-то неловко признаться, что я всё ещё готов есть этих обалденно вкусных тварей на завтрак, обед и ужин. Им этого не понять – они ели их последние несколько недель, только без каких-либо других продуктов на борту, не считая соли.

Наша палуба уже первоначально пуста, а морозильные трюмы, напротив, забиты коробками с конечностями этих самых раков. Теперь, если мы утонем, вместе с нами пойдут ко дну миллионы долларов, и это почему-то внушает странное удовлетворение.

Мы покачиваемся на лёгкой зыби, тесно связанные тросами с краболовом «Добрыня», словно не желающие расставаться любовники. Расстаться мы не можем уже вторые сутки – обе команды, включая капитанов, в стельку пьяны. Русско-американское братство видится нерушимым и вечным.

Кевин рассказывает всем историю о том, как он раз и навсегда влюбился в Россию. Дело было в Петропавловске-Камчатском (который сами моряки для краткости зовут Питером), после жуткой попойки, устроенной по случаю захода американцев в порт.

Следующим утром к страждущему с похмелья Кевину пришла целая делегация вчерашних друзей и настойчиво повлекла на пивзавод, где работала тёща одного из них. Его разрывающийся от боли американский мозг никак не мог совместить в единую логическую цепь эти разрозненные обстоятельства.

Он даже пытался отбиваться от них, однако их мученически искривлённые, сочувствующие лица убедили его подчиниться стихийному потоку событий.

В момент, когда за неимением на пивзаводе стаканов группе выдали средних размеров сковородку и, подведя к чану свежесваренного пива, сообщили, что он целиком в их распоряжении, Кевин в один миг постиг великую мудрость и доброту русского народа.

На нашем борту выпивает инспектор Федя в несколько устрашающей униформе Рыбвода. От его настроения и подписи зависит, будет ли легальной передача выловленной рыбопродукции иностранному перевозчику, то есть нам, а значит и материальное благополучие каждого из присутствующих.

Федя тонко разбирается в правилах игры, он также знает, что особо неуступчивые инспектора подвержены повышенному риску случайного смытия волной за борт. Поэтому он беспроblemно подписывает все бумаги, тактично закрывая глаза на некоторое количественное несоответствие коробок с раками.

Он замечательный парень и честно говорит Кевину, сколько ему самому должно заплатить своим начальникам за каждую одобренную им

отгрузку. Ему нужна лишь эта сумма, лично себе он не хочет ничего. – С лёгкой совестью и на дно идти легче! – объясняет он.

Названная сумма раза в два меньше выделенного на эти нужды кэша, но Кевин настойчиво пытается всучить Феде всю наличность целиком. Ему тоже не хочется оставлять свою совесть обременённой.

Я по-соломоновски предлагаю раздать разницу русским матросам, и это воспринятое на ура решение лишь усугубляет процесс братания и взаимолюбви. Пополненных нами запасов водки «Добрыне» хватит ещё надолго.

Осоловевший русский капитан стремится излить свою отягчённую душу. В отличие от Кевина и Феде, ему свою совесть сохранить чистой непросто.

– Да, ворую! – с вызовом заявляет он, разъезжающимися глазами обводя присутствующих в капитанской каюте и сжимая стакан в мозолистых пальцах. – А если не буду воровать – кто меня в море пустит такого честного? И кто тогда о дочери моей 15-летней позаботится? И кто этим работающим пацанам зарплату платить будет?

– А если поймают? – медленно интересуется Кевин.

– Поймают – сяду, отсижу, но слова лишнего не вякну. Сам, мол, воровал, по собственной инициативе. А вот если правду скажу – сгноят в тюрьме как рака в трюме.

Мне кажется, что гранёный стакан в его ладони сейчас треснет и рассыплется на мелкие осколки. Он, раскачиваясь, приближается к моему уху:

– Мы-то всего лишь приворовываем, – шепчет он с болью. – А вот те, кто сейчас голодные на берегу сидят – они, когда в море их выпустят, будут просто всё немилосердно пиздить!

– Попомни моё слово! – повторяет он, требовательно заглядывая мне в глаза, будто я уполномочен что-то исправить в этом мире. – Через пять лет раков в нашем море не останется!

Слегка выпившие, спускаемся с Федей вдвоём в морозильник, чтобы перепроверить правильность цифр для его отчётности. Увлечённые беседой меж покрытыми инеем драгоценными коробками, мы вдруг слышим, как где-то далеко за нашими спинами звучно захлопывается дверь и гремят засовы. Мы молча смотрим друг на друга, осознавая весь ужас положения. Нас долго никто не хватится: американцы будут думать, будто мы пьянствуем на «Добрыне», а русские – наоборот.

Мы как сумасшедшие бросаемся назад к толстой двери и колотим в неё, вопя что-то бессвязное. Нам очень не хочется, чтобы через пару дней в морозилке обнаружили два покрытых инеем трупа, пусть мы даже на пару с Федей не стоим столько, сколько все эти ракообразные.

На наше счастье, бдительные запиральщики дверей и засовов ещё не настоль пьяны. С грубоватыми шутками нас выпускают на свободу. На свободе тоже холодно, но не так, как в этом преисподнем трюме. Мы

срочно спешим греться – тёплые компании рассредоточены по обоим пароходам.

Через три дня взлохмаченный больше обычного Кевин приказывает отдать швартовы. Мы долго машем друг другу шапками. Какие же всё-таки замечательные ребята живут в России!

Обратный путь напоминает раскайфованную круизную прогулку. Шторма как будто совсем улеглись, а может быть теперь они таковыми просто не кажутся?

Мы с хозяйской ленцой бродим по кораблю, смотрим «Тупой и ещё тупее», расслабленно валяемся на шконках, жуём уже поднадоевших членистоногих. Я пытаюсь разнообразить меню, изобретая новые блюда. Например, омлет с королевскими крабами, грибами и жареным луком. Даже как-то совестно, что в дополнении ко всему этому великолепию на мой банковский счёт продолжает регулярно капать по 250 баксов в день.

Я по-прежнему обожаю сидеть в рубке в высоком кресле с книжкой в руках. Навигацию я уже изучил, но морская наука так разнообразна...

– Кевин, а почему при швартовке лагом на навальном ветре надо держать нос от причала? Ведь ветер может пережарить корму?

– Майкл, пойдёшь со мной в следующий рейс? – вместо ответа неожиданно спрашивает Кевин.

– Конечно пойду! – радостно соглашаюсь я. – А когда?

– Я имею в виду не просто пойти. Я хочу взять тебя своим старшим помощником, пароход будет побольше. Но тебе надо будет сдать экзамены и получить лицензию.

– Да, конечно! – ору я изо всех сил. – Е-е-ей!!! Спасибо тебе, Кевин! Кевин добродушно усмехается.

До Сиэтла, твёрдо стоящего на твёрдой земле, нам остаётся дня три такого крейсерского хода. Мне надо успеть о многом подумать за эти три дня. Солёный морской ветер навсегда выдул из моей головы ощущение безысходности и заискрил огонь веры в то, что жизнь только начинается. Пусть даже она не такая, какой когда-то представлялась.

Глава 12. ТВЕРДОЕ НЕБО

...Но только ждут меня – дела и люди ждут на русском и американском берегах.

(и с чего это я взял?)

Март 1998 года
Причал Overlake Shipyard, Сиэтл

– Так какой у вас всё-таки иммиграционный статус? – в очередной раз повторил свой вопрос настырный офицер.

– Да вот же моё разрешение на работу! – непонимающе протянул я ему снова свой Work Permit.

Он долго с подозрением разглядывал его. – Work Permit – это не статус. Он выдаётся на основании какого-либо легального статуса, – наконец подытожил он. – А у вас я вижу лишь российский паспорт с давно просроченной визой. На каком основании вам выдано разрешение на работу в США?

Вышедший из-за моей спины Кевин грозно надвинулся на офицера: – Да этот человек не раз спас нам жизни за этот рейс! И работал на равных с опытными моряками, хотя это его первая ходка!...

Офицер опасливо отодвинулся от разгневанного капитана. – С вами мы будем разбираться позже, почему вы допустили нелегала на борт американского судна.

– Что?! – взревел Кевин. – Да я, блядь, тебя самого на борт своего судна не допускаю! Ты мне не объявил свои сраные конституционные полномочия!

Я попытался урезонить его: – Кевин, постой, дай мне ему всё объяснить! Зачем тебе эти проблемы?

– Да, да, – проворчал оскорблённый офицер. – Объясните мне, откуда у вас разрешение на работу.

Я вздохнул. Мне просто до одури хотелось поскорее спрыгнуть на берег, но судя по всему, эта непредвиденная засада затягивалась надолго.

– Разрешение мне выдано ФБР в интересах правительства Соединённых Штатов, – тяжело вздохнув, монотонно начал я. – По причине того, что я проходил свидетелем и потерпевшим по делу о мафиозном вымогательстве...

У офицера медленно полезли на лоб очки. Следующие полчаса он, забыв об остальных обязанностях, завороченно вслушивался в мой бредовый рассказ.

Затих и офигевший Кевин. Мне показалось, что он засомневался, стоит ли теперь после всего такого брать меня старпомом.

– Вау! – наконец побарабанил пальцами по столу очнувшийся офицер. – Прямо блокбастер какой-то. Историю свою в Голливуд продать не собираетесь?... Да! – спохватился вдруг он. – Но подтверждения статуса всё-таки не вижу. Давайте вот что: арестовывать я вас не буду, но паспорт и Work Permit обязан изъять. Как, говорите, фамилия агента? Патрик Смайли? Я отправлю документы ему, а вы уже сами с ним разбирайтесь.

Продолжая покачивать головой, он неуклюже поковылял по трапу на причал. О своих остальных обязанностях он так и не вспомнил. Кевин легко мог бы ввезти в США полный трюм нелегальных иммигрантов. Заработал бы не меньше, чем на крабе.

С кружащейся головой я наконец-то сбежал на берег. Земля! Твёрдая и не уходящая из под ног. Я с трудом подавил искушение упасть на колени и поцеловать её. Это выглядело бы как-то излишне пафосно, да к тому же мне только что напомнили, что это не совсем моя земля.

– Майк! – проорал с борта Кевин, потрясая огромным чёрным мешком. – Ты крабов забыл!

– Да ну их, Кевин, – беззаботно отмахнулся я. – Надоели они мне.

Я забыл, что возражать Кевину бесполезно. Брошенный им точно мне в руки мешок едва не сбил меня с ног. – Друзей угостишь, – проворчал он. – И не вздумай потерять мой телефон.

Отчего-то я очень обрадовался, снова увидев Патрика. Всё-таки, он неплохой мужик, хоть и из спецслужб. К тому же он обещал помогать мне в решении всех моих проблем, за исключением сексуальных.

– ...Вот, – обиженно закончил я. – Так и забрал, сука, мои документы. Статус ему, видите ли, нужен какой-то.

Патрик загадочно переглянулся с незнакомым мне прежде офицером по имени Том. Том уже продемонстрировал своё прекрасное владение русским языком, правда с каким-то среднеазиатским акцентом. Выяснилось, что он три года работал в посольстве США в Ташкенте.

– Статус действительно нужен, Майкл, – как-то смущённо покашливая, заговорил наконец Патрик. – Твой Advanced Parole аннулирован за отсутствием оснований...

«Ваня!» мелькнула в голове ошеломляющая мысль. «Продолжает разыгрывать из себя Бога – как дал, так и взял...»

– Можно было бы продлить тебе статус свидетеля по делу, – сочувственно продолжил Патрик, – Но оно уже закрыто, а обвиняемые оправданы. То есть формально выходит, что тебе в России не угрожает никакая опасность, и ты можешь спокойно вернуться...

Я весело фыркнул: – Вернуться-то я действительно могу! Но только не очень спокойно!

– Я понимаю, понимаю, – терпеливо вздохнул Патрик. – Но ты сам отказался от Программы защиты свидетелей, и теперь у нас даже нет оснований ходатайствовать о продлении срока твоего пребывания в Соединённых Штатах Америки.

До меня постепенно начало доходить, что спецслужбы собираются вежливо послать меня на хер. Тонко прочувствовав момент, Патрик невинно заметил: – Вот разве что, если бы ты согласился поработать на нас...

– Вы берёте меня в штат? – недоверчиво раскрыв глаза, полюбопытствовал я. – Агентом ФБР?!

– Ну, не совсем, – усмехнулся Патрик и кивнул Тому.

Тот тщательно откашлялся, причём и это вышло у него с каким-то узбекским акцентом. – Видишь ли, Михаил, в Сиэтле очень быстро растёт русскоязычная диаспора, как ты сам, наверное, знаешь.

– Мне ли не знать, – уверенно подтвердил я, припоминая банкет в честь инаугурационного рейса. – Растёт и будет расти.

– Вот-вот, – охотно подхватил Том. – И нас очень интересует, что происходит в рамках этой диаспоры: настроения, политические взгляды, отношение к политике США, занятия незаконной деятельностью, характеристики отдельных личностей...

– Постойте! – радостно перебил его я. – Мне всё понятно. Вы хотите, чтобы я работал на вас стукачом?

– Ну да! – столь же радостно воскликнул Том. – То есть, не стукачом, а так скажем, информатором, источником, если угодно...

– Не угодно, – сужая глаза, сухо сказал я. – Хрен редьки не слаще – знаете такую узбекскую поговорку? Ваше предложение мне не подходит.

– Майкл, – попытался вмешаться в разговор Патрик. – В этом нет ничего зазорного! Это во благо страны, которая даёт тебе возможность безопасно жить и работать...

– Патрик, – устало положив руки на стол, сказал я. – Стукачом меня пытались сделать не раз. И если это не удалось даже КГБ, почему вы считаете, что это выйдет у вас? Мне плевать во благо чего это делается. Но стучать на человека, который мне доверяет, я не могу. Это всё.

Они молча понимающе переглянулись. – Извини, Майкл, – положил мне руку на плечо Патрик. – Я так и думал, что ты не согласишься, но был обязан предложить тебе этот вариант. – Он вздохнул и развёл руками: – Других способов у нас нет. Мы не сумеем объяснить начальству, чем оправдано твоё присутствие в США.

Он достал из жёлтого конверта мои бумаги: – Единственное, что мы можем для тебя сделать – вернуть твои старые документы. Разрешение действительно ещё три месяца – постарайся за это время сам решить свою проблему.

– Как? – с легкомысленным смешком поинтересовался я.

– Ты можешь жениться на гражданке США, – как всегда всерьёз принялся перечислять Патрик. – Ты можешь выиграть грин-карту в лотерею, – так же обстоятельно продолжил он. – Наконец, ты можешь получить рабочую визу Эйч-1.

– Правда для этого, – добавил в виде разъяснения Том, – Работодатель должен будет доказать, что для работы ему подходит только ты, а никакой другой гражданин США. Без адвоката тут не обойтись, и это стоит тысяч десять, а то и больше.

– Спасибо за советы, – встал я. – Но мне кажется, что в любом из этих замечательных вариантов геморроя куда больше, чем в моём спокойном возвращении на историческую Родину.

Мы долго и церемонно прощались, трясая руки и хлопая друг друга по плечам. Патрик и Том сочувственно заглядывали мне в глаза, но мне почему-то хотелось смеяться.

Что-ж, на Родину – так на Родину. В Хабаровск, наверное, ехать всё-таки не стоит. В Москву или Белгород, чтобы случайно не подставить родных – тоже, ну а всяких других мест на Родине больше, чем достаточно. Да и начинать жизнь сначала – уже не впервой.

Джона дома нет, но, наверное, это и хорошо. Каждым мартом в какой-то из Каролин⁶⁵ он собирается с большой компанией друзей со всех уголков Штатов на их традиционную Pigs' Party.⁶⁶ Они там жарят на вертелах поросят и запивают их неиссякаемым Mississippi Mud.⁶⁷ В этом году он обещал взять меня с собой на этот праздник жизни, но из-за Эль-Ниньо я не успел. А в следующем году – теперь не попаду и подавно.

Я в который уже раз проверил свой банковский счёт. На нём действительно 24 тысячи долларов! Как хорошо, что в море негде тратить денежки, кроме портовых кабаков и шлюх. Шлюх, впрочем, тоже подвернулось не так уж много.

Не откладывая важное дело, я позвонил в Хабаровск. Надо было напомнить некоторым людям о своём существовании, а также сообщить им, что некоторая часть долга скоро будет возвращена. Люди воспринимали мои звонки будто с того света – они уже давно вычеркнули из своих жизней меня и занятые мне когда-то деньги.

С одним из своих кредиторов я разговаривал особенно долго. На момент звонка он оказался поддат, и потому подробно описывал мне, как публично клял меня по всему Хабаровску, но теперь обещал заняться строго обратным. – Знаешь, ты возродил во мне веру в людей, – проникновенно заявил он под конец разговора.

Я лишь мужественно усмехнулся, но глаза почему-то предательски повлажнели. Наверное, только ради таких слов стоило всё это пережить.

Теперь мне предстояло купить пару чемоданов, а также то, чем их заполнить. В Россию без американских подарков возвращаться было как-то неудобно.

Некоторое время ушло у меня на борьбу с совестью по поводу кредитных карточек. По-правильному, висящий на них баланс надо было бы оплатить, но вместо этого возникло коварное искушение закупить на вполне солидный свободный остаток всякого дорогого добра – ведь в России американские банки меня даже не станут искать.

---

⁶⁵ В США есть штаты Северная и Южная Каролина.

⁶⁶ Можно перевести как «свинская пирушка».

⁶⁷ Сорт очень достойного тёмного пива.

В конце концов наглая совесть добилась компромисса: я решил, что оплачивать баланс не буду (лишняя пара тысяч долларов мне куда нужнее, чем кровососущим банкам), но и закупать добра – тем более. Это было бы совсем негоже, тут совесть совершенно права.

Взяв билет на следующий аэрофлотовский рейс до Москвы, вечером я солидной морской походкой, враскачку отправился на прогулку по Сиэтлу. Он теперь начинал мне даже нравиться: вполне симпатичный городок, блестящий такой, стильный, современный...

Вскоре незаметно для себя я оказался на набережной – море почему-то продолжало тянуть меня к себе с неослабной силой. Наверное, не случайно с самого детства до слёз пронзала безысходной несправедливостью одна из заключительных фраз «Острова сокровищ» о вышедшем в отставку капитане Смоллетте: «Из окон его дома не видно моря»...

Если у меня когда-нибудь вдруг появится дом, то из его окон море видно будет. Иначе, на кой он вообще, дом?

В моей маленькой комнатке меня ждали горы вещей и три чемодана. Один из них, боевой и старенький, я решил оставить Джону – путешествовать по жизни надо лишь с тем, что способен нести в руках. Вздохнув, я принялся утрамбовывать вещички. Замок на втором чемодане с натужным скрипом застегнулся ровно в два часа ночи.

...Блин, да знаю я, знаю, что это дурной тон – так заканчивать книгу! Но именно в этот момент ожившей птичкой защебетал телефон.

– А что, у вас там в Америке ещё темно? – услышался словно ни в чём ни бывало возмущённый голос Родюшкина. – Слушай, Мишка, тут вот какое дело. У меня в твоём Сиэтле есть одна знакомая, я ей о тебе рассказал, и она очень просила, чтобы ты ей позвонил...